

Р. 16-102. К. 5. 15,
Бумага (116)

МК $\frac{XIX}{8^{\circ}K}$

Крылов, И. А

И. А. КРЫЛОВЪ.

МК
ка 20

БАСНИ ИВАНА КРЫЛОВА,

ВЪ СЕМИ КНИГАХЪ.

А

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1825.

Б А С Н И

И В А Н А К Р Ы Л О В А.

ВЪ С Е М И К Н И Г А Х ъ.

Н О В О Е , И С П Р А В Л Е Н Н О Е И П О П О Л Н Е Н Н О Е
И З Д А Н І Е .

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г ъ ,
У К Н И Г О П Р О Д А В Ц А И В А Н А С Л Е Н И Н А .

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 30 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

Съ благоговѣніемъ и душевною
благодарностію всеподданнѣше
посвящаетъ

Иванъ Крыловъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

James H. Pugh

Я

John H. Pugh

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Б А С Н И.

I.

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ пашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводъ:

Конь слушался его лишь словъ.

Такихъ коней и взнуздывашь напрасно,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:

Ну, право вздумалъ я прекрасно!

И, въ поле выхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.

Почувствуя свободу,

Сначала Конь прибавилъ шолько ходу

Слегка,

И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,

Онъ вышпункой пошелъ игривой,

Какъ будшо шѣша Сѣдока.

Но, смѣшя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,

Взялъ скоро волю Конь решивой:

Вскипѣла кровь его и разгорѣлся взоръ ;

Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ ,

Онъ мчишь его во весь опоръ

Черезъ все широко поле .

Напрасно на него несчастный Всадникъ мой

Дрожащею рукой

Узду накинущъ покушался :

Конь болѣ лишь серчалъ и рвался ,

И сбросилъ наконецъ съ себя его долой ;

А самъ , какъ бурный вихрь пустился ,

Не взвидя свѣта , ни дорогъ ,

Поколь , въ оврагъ со всѣхъ попавши ногъ ,

До смерти не убился .

Узнавши смерть его Съдокъ ,

Мой бѣдный Конь , сказалъ : я спалъ виною

Твоей бѣды !

Когда бы не снялъ я съ тебя узды ;

Управилъ бы навѣрно я шобою :

И ты бы ни меня не сшибъ ,

Ни смертию бь самъ шоль жалкой не погибъ .

Какъ ни приманчива свобода ;

Но для народа

Не меньше гибельна она ,

Когда разумная ей мѣра не дана .

II.

ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужь сколько разъ швердили міру ,
Чшо лешть гнусна, вредна; но шолько все невпрокъ :
И въ сердць льсшець всегда опыщешь уголокъ.

Воронъ гдѣ-шо Богъ послалъ кусочикъ сыру.

На ель Ворона взгромоздясъ ,
Позавпракашъ-было совсѣмъ ужь собраласъ ,
Да позадумаласъ , а сыръ во ршу держала.
На шу бѣду Лиса близехонько бѣжала.

Вдругъ сырный духъ Лису ошпановиль :
Лисица видишь сыръ ; Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плушовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ ,
Вершинъ хвостомъ , съ Вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко , чушь дыша :

Голубушка , какъ хороша !

Ну, чшо за шейка , чшо за глазки !

Разсказывать , такъ право сказки !

Какія перушки , какой носокъ !

И вѣрно ангельской бышь долженъ голосокъ.

Спой, свѣшникъ, не сшѣдись! Чшо ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица :

Вѣдь ты бѣ у насъ была царь-пщица!

Вѣщунына съ похвалъ вскружилась голова;

Отъ радости въ зобу дыханье спѣрло.

И на привѣтливы лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло;

Сырѣ выпаль : съ нимъ была душовка такова.

III.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.

Поиспѣвъ, роншашъ ты вправѣ на природу,

Сказалъ онъ: воробей, и шопъ тебѣ тяжель.

Чушь легкій вѣщерокъ подернешъ рябью воду;

Ты зашатаешься, начнешъ слабѣшь

И такъ нагнешъся сирошливо,

Чшо жалко на себя смошрѣшь.

Межь шѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ горделиво,

Не только солнца я препяшпствую лучамъ;

Но, посмѣваясь и вихрямъ и грозамъ,

Стою и швердъ и прямъ,

Какъ будто огражденъ ненарушимымъ миромъ ;
Тебѣ всѣ бурей ; мнѣ все кажешься зефиромъ.

Хотя бѣ ужъ ты въ окружности росла ,
Густою стѣною вѣшвей моихъ покрышой ,
Ошъ непогодѣ бы я бышь могъ шебѣ защишой ;

Но вамъ въ удѣлъ природа ошвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья :
Конечно нѣтъ совѣтъ у ней о васъ радѣнья.
Я вижу, какъ ты добръ, сказала Тросишь въ отвѣтъ ;
Однако не крушися : мнѣ сполько худа нѣтъ.

Не за себя я вихрей опасуюсь ;

Я гнусь , но не ломаюсь ;

И бури мало мнѣ вредяшъ ;

Едва не болѣе ль шебѣ они прозяшъ !

То правда , что еще доселѣ ихъ свирѣлость

Твою не одолѣла крѣпость ,

И ошъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица ;

Но подождемъ конца !

Едва лишь эшо Тросишь сказала ;

Вдругъ мчишся съ сѣверныхъ споронъ

И съ градомъ и съ дождемъ шумящій аквилонъ.

Дубъ держишся : къ землѣ Тросиночка припала.

Бушуешь вѣтръ , удвоилъ силы онъ ,

Взревѣлъ : и вырвалъ съ корнемъ вонъ

Того , кто небесамъ главою своею касался

И въ области стѣней плшою упирался.

IV.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ опкушать ;
Но умысль другой шущь былъ :
Хозяинъ музыку любилъ ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать .
Запѣли молодцы : кпо въ лѣсъ , кпо по дрова ,
И у кого что силы спало .
Въ ухахъ у гостя запрецало
И закружилась голова .
Помилуй шы меня , сказалъ онъ съ удивленьемъ ;
Чѣмъ любоваться шущь ? Твой хоръ
Горланишь вздоръ .
То правда , опвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ ,
Они немножечко дерущъ ;
За то ужъ въ рошъ хмѣльнаго не берутъ ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ .
А я скажу : по мнѣ ужъ лучше пей ,
Да дѣло разумѣй .

V.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили:
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно шамъ,
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролешало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажешся, куда бѣ хопѣшь

Или ошъ милой, иль ошъ друга?

Нѣшъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ лешѣшъ:

Увидѣшъ, осмошрѣшъ

Диковинки земнаго круга,

Ложъ съ истиной сличишъ, повѣришъ былъ съ молвой.

Куда ты, говоришъ сквозь слезъ ему другой:

Что пользы по свѣшу таскашся?

Иль съ другомъ хочешь ты разсѣшся?

Безсовѣстный, когда меня тебѣ не жаль;

Такъ вспомни хищныхъ птиць, силки, грозы ужасны!

И все, чѣмъ странствіе опасно!

Хошъ подожди весны лешѣшъ въ шакую даль:

Ужъ я тебя тогда удерживашъ не буду.

Теперь еще и кормъ и скуденъ шакъ и малъ;

Да, чу, и воронъ прокричалъ:

Вѣдь это вѣрно къ худу.

Останься дома, милый мой!

Ну, намъ вѣдь весело съ шобой:

Куда жъ еще тебѣ лѣтъшь, не разумѣю.

А я такъ безъ тебя совсѣмъ осирошѣю.

Силки, да коршуны, да громы только мнѣ

Казаться будутъ и во снѣ.

Все спану надъ шобой болясь я несчастья.

Чуть шучка лишь надъ головой;

Я буду говоришь: ахъ, гдѣ-то брашець мой?

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?

Разпрогала рѣчь эта Голубка;

Жаль брашца, да лѣтъшь охоша велика:

Она и разсуждать и чувствовашь мѣшаетъ.

Не плачь, мой милый, такъ онъ друга утѣшаетъ:

Я на три дни съ шобой, не больше, разлучусь:

Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ,

И, осмошрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,

Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.

Тогда-то будетъ намъ о чемъ повѣсть словечко!

Я вспомню каждый часъ и каждое мѣшечко;

Все раскажу: дѣла ль, обычай ли какой,

Иль гдѣ какое видѣлъ диво.

Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,

Какъ будшо бѣ самъ лешалъ ны по свѣту со мной.

Тутъ (дѣлашь нечего) друзья поцѣловались,

Простились и разсались.

Вотъ странникъ нашъ леишь: вдругъ встрѣчу дождь и громъ;

Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣешь степь кругомъ.

Гдѣ дѣшься? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался.

Кой-какъ угнѣзился, прижался

Къ нему нашъ Голубокъ;

Но ни отъ вѣтра онъ укрышься шушь не могъ,

Ни отъ дождя спасшися: весь вымокъ и продрогъ.

Ушихъ помалу громъ. Чушь солнце просіяло;

Желанье подзываетъ бѣдняжку далѣ спало.

Вспряхнулъ и леишь; леишь и видишь онъ:

Въ заглуши подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.

Спустился: въ сѣши шушь попалась наша пшичка.

Бѣды со всѣхъ шпоронъ!

Трепещется онъ, рвешся, бѣшся.

По счастью, сѣшь спара: кой-какъ ее прорвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;

Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.

Вотъ, пуще шой бѣды, бѣда надъ головой:

Опколъ ни взялся яспребъ злой.

Не взвидѣлъ свѣша Голубъ мой:

Отъ яспреба изъ силъ послѣднихъ машеть.

Ахъ, силы вкороткъ, совсѣмъ истощены!

Ужъ когти хищные надъ нимъ распушены;

Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашеть...

Тогда орель, съ небесъ направа свой полетъ ,

Ударилъ въ яспреба всей силой :

И хищникъ хищнику доспался на обѣдъ.

Межь шѣмъ нашъ Голубъ милой ,

Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плешнемъ.

Но шѣмъ еще не кончилось на немъ :

Одна бѣда всегда другую накликаешъ.

Ребенокъ, черепкомъ намѣшя въ Голубка

(Сей возрастъ жалости не знаетъ) ,

Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.

Тогда-то спранникъ нашъ, съ разбишой головою ,

Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнушой ногою ,

Кляня охоту видѣшь свѣшъ ,

Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.

Счастливъ еще: его шамъ дружба ожидаетъ !

Къ ошрадъ онъ своей

Услугу, лѣкаря и помощь видишь въ ней :

Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы, кошорые обѣхашъ свѣшъ вокругъ

Желаніемъ горите ,

Вы эту басенку прочшите

И въ дальній пущъ шакой пускайшесь невдругъ !

Чтобъ ни сулило вамъ воображенъ ваше ;

Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше ,

Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живешъ вашъ другъ.

VI.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Запѣяла сама въ доросшѣ съ нимъ сравняться;
Она зависплива была:

И ну попорщишься, пыхтѣшь и надуваешься.
Смошри-ка, Квакушка, что буду ль я съ него?
Подругъ говоришь. — Нѣшь, кумушка, далеко! —
Гляди же, какъ шеперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я? — Почти что ничего. —
Ну, какъ шеперь? — Все шожь. — Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя запѣйница на шомъ,
Что, не сравнившись съ Воломъ,
Съ напуги лопнула и околѣла.

Примѣрь шакой на свѣшѣ не одинъ:
И диво ли, когда жишь хочешь мѣщанинъ,
Какъ именишый гражданинъ,
А сошка мѣлкая, какъ знатный дворянинъ?

VII.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
 Прошиву дерзосши искусствомъ воужась,
 Вандаламъ новымъ съшь поставиль
 И на погибель имъ Москву оставиль;
 Тогда всѣ жишели, и малой и большой,
 Часа не прашя, собралися,
 И вонь изъ сѣбѣ Московскихъ поднялися,
 Какъ изъ улья пчелиный рой.
 Ворона съ кровли шупъ на эшу всю превогу
 Спокойно, чистя носъ, глдишь.
 А шы что жъ, кумушка, въ дорогу?
 Ей съ возу курица кричишь.
 Вѣдь, говоряшь, что у порогу
 Нашъ супосашъ. —
 Мнѣ что до эшаго за дѣло,
 Вѣщуныя ей въ ошвѣтъ: я здѣсь останусь смѣло.
 Вошь, ваши сеспры какъ хошаяъ:
 А вѣдь воронъ ни жаряшь, ни варяшь;
 Тамъ мнѣ съ госпымъ не мудрено ужиться;

А, можешь быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, Хохлашочка: счастливый путь!

Ворона подлинно оспалась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ моришь Смоленскій спалъ гостей,
Она сама къ нимъ въ сущъ попалась.

Такъ часто человекъ въ расчешахъ слѣпъ и глухъ.
За счастьемъ, кажешься, ты по пятнамъ несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься:
Попался, какъ ворона въ сущъ.

VIII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И прудъ и мудрость видѣшь тамъ,
Гдѣ сшоишь только догадаешься
За дѣло проспо взяшься.

Къ кому-то принесли ошъ мастера Ларець.
Ошдѣлкой, чистошой Ларець въ глаза кидался;
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вошъ входишь къ комнашѣ механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть: да, да, увѣренъ въ эшомъ;
Не смѣйшесь шакъ изподшишка!
Я ошущу секретъ и Ларчикъ вамъ ошкрою:
Въ механикѣ и я чего нибудь да спою.
Вошъ за Ларецъ принялся онъ;
Вершишь его со всѣхъ шсторонъ,
И голову свою ломаетъ:
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тушь, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шенчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ухахъ лишь только ошдается:
Не шущъ, не шакъ, не шамъ. Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ ушсаль,
Ошъ Ларчика ошспаль,
И, какъ ошкрышь его, никакъ не догадался:
А Ларчикъ просшо ошкрывался.

IX.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютейшій бичъ небесъ, природы ужась, моръ
Свирѣпствуешь въ лѣсахъ. Уныли звѣри.

Въ адъ распахнулись пастбищъ двери:

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ размешаны ея свирѣпства жершвы.

Неушомимая, какъ сѣно косить ихъ.

А шѣ, кошорые въ живыхъ,

Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:

Перевернулъ совѣтъ ихъ страхъ.

Тѣ жь звѣри, да не шѣ въ великихъ споль бѣдахъ:

Не давишь волкъ овецъ и смиренъ какъ монахъ;

Миръ курамъ даѣ, лиса пошпишся въ подземельѣ;

И пища имъ на умъ нейдесть.

Съ голубкой голубъ врозь живетъ;

Любви вѣминѣ больше нѣтъ:

А безъ любви какое ужь веселье!

Въ семь горъ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.

Тащашся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;

Сбредились, и въ шипинѣ, царя вокругъ обѣвъ,

Успавили глаза и приложили уши.

О други, началъ Левъ, по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ шопъ изъ насъ, кто всѣхъ виновень болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Ошдасть себя на жертву имъ!
Бышь можешъ, что богамъ мы эшимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчишь жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
И шакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуешь здѣсь всякой вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хошъ эшо мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ (за что?) совсѣмъ безвинно
Дираль безчинно;
А иногда, кто безъ грѣха,
Случалось, драль и паспуха:
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесъ
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ ешь,
Того бы въ жертву и принесъ:
И было бы богамъ шо болѣ угодно.

О царь нашъ, добрый царь! Опъ лишней доброты,
Лисица говоришь, въ грѣхъ эшо спавишь ты.

Коль робкой совѣси во всемъ мы спанемъ слушаешь,
То придешь съ голоду пропасть намъ наконецъ;

При помъ же, нашъ отецъ,

Повѣрь, чшо эшо чешъ большая для овецъ,

Когда ихъ царь изволишь кушашъ.

А чшо до пасуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ

Ихъ чаще пакъ учишь: имъ эшо подѣломъ.

Безхвостный эшопъ родъ лишь глупой сѣбсю дышешъ

И нашими себя вездѣ царями пишешъ.

Окончила Лиса. За ней, на шопъ же ладъ,

Льсещы Льву шоже говоряшь:

И всякой доказашъ спѣшишь наперехвашъ,

Чшо даже не въ чемъ Льву просишь и оппущенья.

За Львомъ Медвѣдь, и Тигръ, и Волки, въ свой черѣдъ,

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ

Никшо и шевелишь не смѣлъ:

И всѣ, кшо былъ зубкомъ, иль ногошкомъ богаты,

Тѣ вышли воцъ

Со всѣхъ споронъ

Не только правы, чущъ не святы.

Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ пакъ мычишь: и мы

Грѣшны. Тому лѣшь пашъ, когда зимой кормы

Намъ были худы,

На грѣхъ меня лукавой натолкнулъ:

Ни ошъ кого себѣ найши не могли ссуды,

Изъ сшюга у попа я клокъ сѣнца сшянуль.

При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;

Кричашъ мѣдвѣди, шигры, волки:

Смошри, злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣшь! Ну, диво ли, что боги

За беззаконіе его къ намъ сполько спроги?

Его безчинника съ рогашой головой,

Его принесшъ богамъ за всѣ его проказы,

Чшобъ и шѣла намъ спасшъ и нравы ошъ заразы:

По немъ у насъ и моръ шакой.

Приговорили,

И на косшеръ Вола взвалили.

И въ людяхъ шакже, говоряшъ,

Кшо посмирнѣй, шакъ шопшъ и виновашъ.

X

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кочу разрывая,
Пѣсхъ нашель жемчужное зерно,
И говоришь: куда оно
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнить?
А я бы право былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не ошоль хоць видно,
Да сышно.

Невѣжи судяшь шочно такъ:
Въ чемъ толку не поймушь, шо все у нихъ пущякъ.

XI.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха.

Тутъ нѣтъ еще грѣха;

Да вотъ, что грѣхъ: она была спѣсива.

Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, умѣнь,
И въ ленсахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ,
(Красавица была немножко прихотлива):

Ну, чтобы все имѣлъ. Кпо жь можешь все имѣшь?

Еще и по замѣшь,

Чтобы любишь ее, а ревновать не смѣшь.

Хошь чудно, только такъ была она счастлива,

Что женихи, какъ на ошборъ,

Презнашные кашпи къ ней на дворъ.

Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли шонки:

Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;

А ей они на взглядъ

Не женихи, а женишонки!

Ну, какъ ей выбирашь изъ эшихъ жениховъ?

Тошъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;

А шошъ бы и въ чинахъ, да, жаль, карманы пусты;

То носъ широкъ, шо брови густы;

Тунть эшакъ, шамъ не шакъ:

Ну, не придетъ никшо по мысли ей никакъ.

Посмолкли женихи; годка два перепали;

Другіе новыхъ свахъ заслали;

Да только женихи средней ужъ руки.

Какіе простаки,

Твердишь красавица; по нихъ ли я невѣста?

Ну, право ихъ зашѣи не у мѣста!

И не такихъ я жениховъ

Съ двора съ поклономъ проводила;

Пойду ль я за кого изъ эшихъ чудаковъ?

Какъ будшо бъ я себя замужествомъ шоропила,

Мнѣ жизнь дѣвическа ни чушь не шажела:

День весела, и ночь я право сплю спокойно;

Такъ замужъ кинущься ни чушь мнѣ не пристойно.

Толпа и эша уплыла.

Пошомъ, ошказы слыша шѣже,

Ужъ спали женихи наверхывавшья рѣже.

Проходишь годъ

Никшо нейдѣшь.

Еще минуль годокъ; еще уплыль годъ цѣлой:

Къ ней свахъ никшо не шлѣшь.

Вошь наша дѣвушка ужъ спала дѣвой зрѣлой.

Зачнешъ считаць своихъ подругъ

(А ей считаць большой досугъ):

Та замужемъ давно, другую сговорили;

Ее какъ будшо позабыли.

Закралась грусь въ красавицыну грудь.

Посмотришь: зеркало докладывашъ ей спало,

Что каждый день, а что нибудь,

Изъ прелесшей ея лихое время крало.

Сперва румянца пѣшь; шамъ живоспи въ глазахъ;

Умильны ямочки пропали на щекахъ;

Веселосшь, рѣзвоспи, какъ будшо ускользнули;

Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:

Бѣды со всѣхъ сторонъ!

Бывало, безъ нея собранье не прелесшно;

Ошь плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:

А нынѣ, ахъ, ее зовущъ ужъ на босшонъ!

Вошь шущъ спѣсивица перемѣняешъ шонъ.

Разсудокъ ей велишь замужествомъ шорониться:

Пересшаешъ она гордиться.

Какъ косо на мужчинь дѣвица ни глядишь,

А сердце ей за насъ всегда свое швердишь.

Чтобъ въ одиночествѣ не кончишь вѣку,

Красавица, пока совсѣмъ не ошцвѣла,

За перваго, кто къ ней присвашался, пошла:

И рада, рада ужъ была,

Что вышла за колѣку.

XII.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виновашь:
Тому въ исторіи мы пѣмъ примѣровъ слышимъ.

Но мы исторіи не пишемъ;

А вошь, о шомъ какъ въ басняхъ говоряшь.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напишья;

И надобно жь бѣдѣ случишья,

Чшо около шѣхъ мѣстѣ голодный рыскаль Волкъ.

Ягненка видишь онъ; на добычу спремимся;

Но, дѣлу дашь хошя законный видъ и шолкъ,

Кричишь: какъ смѣешь шы, наглець, нечиспымъ рыломъ

Здѣсь чистое мушишь пишье

Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?

За дерзость шакову

Я голову съ шебя сорву.

Когда свѣшлѣйшій Волкъ позволишь,

Осмѣюсь я донести, чшо ниже по ручью

Ошъ свѣшлоспи его шаговъ я на спо пью;

И гнѣваться напрасно онъ изволишь :
Пишья мушишь ему никакъ я не могу.

По этому я лгу? .

Негодный, слыхана ль такая дерзость въ свѣтъ!
Да помнишься, что ты еще въ запрошломъ лѣтъ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ :

Я эшаго, пріятель, не забылъ.

Помилуй, мнѣ еще и опъ роду нѣтъ году,
Ягненокъ говоришь. Такъ эшо кумъ, иль свашъ,
И словомъ, кшо нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пасшухи,

Вы всѣ мнѣ зла хошите,

И если можете, шо мнѣ всегда вредите;
Но я съ шобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.

Ахъ, я чѣмъ виновашъ! Молчи: усшалъ я слушашь.

Досугъ мнѣ разбирашь вины твои, щенокъ!

Ты виновашъ ужъ шѣмъ, что хочешся мнѣ кушашъ.

Сказалъ, и въ шемный лѣсъ Ягненка поволокъ.

XIII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлишь помѣстья сшали,
Кому-то и Парнасъ шогда ошмѣживали.
Хозяинъ новый спалъ пасши на немъ Ословъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде музы шущъ живали,
И говорящъ: не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знашь музы свѣшу надоѣли,
И хочешъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
Смошрише же, кричишь одинъ, не унывай:
Я зашяну, а вы не ошспавай!
Друзья, робѣшь не надо!
Прославимъ наше спадо,
И громче девяши сесерь
Подымемъ музыку и свой соспавимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ шолку брашства,
То заведемъ шакой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣшь въ чьемъ голось ослинаго пріяшства,

Не приниматьъ шѣхъ на Парнасъ.
Одобрили Ослы ослово
Красно-хищро-сплешенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ шакую дичь занёсъ,
Какъ будшо шронулся обозъ,
Въ кошоромъ тысяча немазанныхъ колёсъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ шерпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма спаринное напомнишь мнѣнье,
Чшо если голова пуща,
То головъ ума не придадушь мѣша.

XIV.

ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся

И слабого обидѣшь не моги!

Мстящъ сильно иногда безсильные враги:

Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!

Послушай басню здѣсь о томъ,

Какъ больно Левъ за спѣсь наказанъ Комаромъ:

Вошь, что я слышала спороною.

Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.

Зло взяло Комара; обиды не стерпѣвъ,

Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.

Самъ раникъ, самъ шрубачъ, пищишь во всю горшанъ

И вызываешь Льва на смертоносну брань.

Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шушишь:

То съ шылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ шрубишь;

И, мѣсто вымоштрѣвъ и время улуча,

Орломъ на Льва пустился,

И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.

Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на шрубача.

Увершливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не прусишь:

Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосеешь.

Левъ голову крушить, Левъ гривую спряшетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьешся Льву, шо въ ухо Льва укусишь.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ:
Скрежещеть въ ярости зубами
И землю онъ дереть кохшиями.
Ошъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Сстрахъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ:
Ошколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будшо бы пришелъ пошопъ, или пожаръ.
И кто жь? Камаръ
Надѣмалъ сполько всѣмъ шревоги.
Рвался, мешался Левъ, и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насышилъ злосшь Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ;
Изъ Ахиллеса вдругъ спановишся Омиромъ,
И самъ
Лешишь шрубишь свою побѣду по лѣсамъ.

XV.

О Р А К У Л Ъ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,

И спалъ онъ говоритъ пророчески ошвѣшы,

И мудрые давашь совѣшы.

Обвѣшенъ и сребромъ и злашомъ,

Сполялъ въ нарядѣ пребогашомъ,

Заваленъ жершвами, мольбами заглушенъ,

И еиміагомъ задушенъ.

Въ Оракула всѣ вѣряшъ слѣпо;

Какъ вдругъ, о чудо, о позоръ!

Заговорилъ Оракулъ вздоръ:

Спалъ ошвѣчаешь нескладно и нелѣпо;

И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,

Оракулъ нашъ что молвишь, то совершь;

Ну такъ, что всякой дивовался,

Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!

А дѣло въ томъ,

Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ

Жрецы вѣщающіе мірянамъ.

И такъ,

Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не пушаль вракъ;
А какъ засъль въ него дуракъ,
То идоль спаль болванъ болваномъ.

Я слышаль (правда ль?), будшо вспарь
Судей такихъ видали,
Кошорые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XVI.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроешь,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эшу истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонекъ подъ Рощей шллся;
Какъ видно шущъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ опъ часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чущъ горитъ,
И, видя свой конецъ, шакъ Рощѣ говоришь:
Скажи мнѣ, Роща дорогая,

Зачто швоя шакъ учасъ жестока,
Чшо на шебъ не видно ни лиспка,
И мерзнешъ шы совсѣмъ нагая?
За шѣмъ, что вся въ снѣгу;
Зимой ни зеленѣшь, ни цвѣсшь я не могу:
Огнию шакъ Роща ошвѣчаетъ.
Бездѣлица: Огонь ей продолжаетъ,
Лишь подружись со мной; шебъ я помогу.
Я солнцевъ брашь, и зимнею порою
Чудесь не меньше солнца спрою.
Спроси въ щеплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣешъ,
Тамъ все или цвѣшешъ, иль зрѣешъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалишь себя хощь не присшало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блишало;
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ:
А около меня, смошри, какъ шаетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣшь желаешь шы зимою,
Какъ лѣшомъ и весною;
Дай у себя мнѣ уголокъ!
Вошь дѣло слажено: ужъ въ Рощѣ Огонѣкъ
Сшановишся Огнемъ. Огонь не дремлешъ:
Бѣжишь по вѣшвямъ, по сучкамъ;

Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
 И пламя лютое всю Рошу вокругъ объемлеть.
 Погибло все въ конецъ: и шамъ, гдѣ въ знойны дни
 Прохожій находилъ убѣжище въ шѣни,
 Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.

И нечему дивиться:
 Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

XVII.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
 Правленіе народно,
 И показалось имъ совсѣмъ неблагогородно
 Безъ службы и на волѣ жить.
 Чшобъ горю пособить,
 То стали у боговъ царя онѣ просить.
 Хоть слушаешь всякой вздоръ богамъ бы и не сродно;
 На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ;
 Далъ имъ царя. Лешишь къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ
 И плошно такъ онъ шрепнулся на царство,
 Что ходенемъ пошло шрясинно государство.
 Со всѣхъ Лягушки ногъ

Въ испугъ помешалсь;
Кшо какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шополомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суешливъ, не вершопрашенъ,
Сшепенень, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ:
Ну, посмотришь, такъ эшо чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь эшотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала чтя его особу превысоку,
Не смѣешь подступить изъ подданныхъ никшо:
Со страхомъ на него глядяшъ онѣ; и шо
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ кошорому бѣ не приглядѣлся свѣтъ;
То и онѣ сперва опъ страха опдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А шамъ, кшо посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А шамъ, кошорыи еще поудалѣй,
Къ царю садяшся ужъ и задомъ.
Царь шеринтъ все по милоспи своей.
Не много погода, посмотришь, кшо захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.

Въ при дня наскучило съ такимъ царемъ жишье.

Лягушки новое челобишье,

Чшобъ имъ Юпишеръ въ ихъ болошную державу

Даль подлинно царя на славу!

Молишвамъ шеплымъ ихъ внесмя,

Послалъ Юпишеръ къ нимъ на царство Журавля.

Царь эшошъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго права:

Не любишь баловашъ народа своего;

Онъ виновашыхъ ѣспъ: а на судѣ его

Нѣшь правыхъ никого.

За шо ужъ у него

Чшо завшракъ, чшо обѣдъ, чшо ужинъ; шо расправа.

На жишелей болошъ

Приходишь черный годъ.

Въ Лягушкахъ каждый день великій недочѣшъ.

Съ ушра до вечера ихъ царъ по царству ходишь,

И всякаго, кого ни встрѣшишь онъ,

Тошчасъ засудишь и проглошишь.

Вошъ пуще прежняго и кваканье и спонъ,

Чшобъ имъ Юпишеръ снова

Пожаловалъ царя инаго;

Чшо нынѣшній ихъ царъ глошаетъ ихъ какъ мухъ;

Чшо даже имъ нельзя (какъ эшо не ужасно!)

Ни носа высшавишь, ни квакнушь безопасно;

Чшо наконецъ ихъ царъ шошнѣ имъ засухъ.

Почшо жъ вы прежде жишь счастливо не умѣли?

Не мнѣль, безумныя, вѣщаль имъ съ исба гласъ,

Покоя не было отъ васъ?

Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?

Вамъ данъ былъ царь; шакъ потъ былъ слишкомъ шихъ:

Вы взбуншовались въ вашей лужѣ.

Другой вамъ данъ; шакъ эшопъ очень лихъ:

Живите жъ съ нимъ, чшобъ не было вамъ хуже!

ХVIII.

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Спарикъ садить сбирался деревцо.

Ужъ пусть бы спроишься, да какъ садить въ шѣ лѣта,

Когда ужъ смошришь вонъ изъ свѣта!

Такъ, сшарику смѣясь въ лицо,

Три взрослыхъ Юноши сосѣднихъ разсуждали.

Чшобъ плодъ шебѣ швои шруды желанный дали;

То надобно, чшобъ ты два вѣка живъ.

Не ужъ ли будешь ты впорый Маѹсайдъ?

Осавъ, Сшаринушка, свои рабошы:

Тебѣ ли зашѣвашъ шоль дальнѣ расчѣшы?

Едва ли для шебя шекущій вѣренъ часъ.

Такіе замыслы проспишельны для насъ:

Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпосшью и силой;
А спарику пора знакомиться съ могилой.
Друзья, смиренно имъ опшвѣспшвуешъ спарикъ,

Издѣшспшва я къ шрудамъ привыкъ:

А если опъ шого, чшо дѣлашъ начинаю,
Не мнѣ лишъ одному я пользы ожидаю;

То, признаюсь,

За шрудъ шакой еще охощнѣ берусь.

Кшо добръ, не все къ овоей лишъ прибыли шрудншся:

Сажая деревцо, и шѣмъ я веселюсь,

Чшо, если опъ него самъ шѣни не дождусь,

То внукъ мой нѣкогда сей шѣнью насладишся:

И эшо для меня ужъ плодъ.

Да можно ль и за шо ручашся напередъ,

Кшо здѣсь изъ насъ кого переживѣтъ?

Смерть смощрнш ли на молодосшъ, на силу,

Или на прелесшъ лицъ?

Ахъ, въ спаросши моей прекраснѣшшихъ дѣвицъ

И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!

Кшо знаетъ: можешъ бышъ, чшо вашъ и ближе часъ,

И чшо сыра земля покроешъ прежде васъ.

Какъ имъ сказаль Спарикъ, шакъ послѣ шо и было.

Одинъ изъ ннхъ въ шорги пошелъ на корабляхъ,

Надеждой сшасшѣ сперва ему польсшнло;

Но бурѣю корабль разбило:

Надежду и пловца, все море поглощило,

Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власи,
За роскошь, нѣгу и за снраси
Здоровьемъ, а попомъ и жизнью заплашилъ.
А шрешій въ жаркій день холоднаго изпилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А шѣ его до смерши залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Спаричекъ оплакалъ всѣхъ проихъ.

XIX.

ОРЕЛЬ И КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью царь пернашый пщицъ лешалъ,
И шамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится.
Спусшившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-пщица отдыхашъ сядишся на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ незавидной;
Но у царей свои причуды есть:
Бышь можешъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честьъ,
Иль не было вблизи ему по чину сѣсть

Ни дуба, ни скалы гранишной :
Не знаю, что за мысль, но шолько что Орель
Немного посидѣлъ,
И пушъ же на другой овинъ перелешѣлъ.
Увидя шо хохлашая насѣдка,
Толкуешъ шакъ съ своей кумой :
Зачшо Орлы въ чесши шакой ?
Не ужъ ли за полетъ, голубушка-сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ шакія дуры,
Чшобъ почишашъ Орловъ чесшиѣ насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ :
Да шы же видѣла сей часъ,
Чшо понизу они лешаюшъ шакъ, какъ куры.
Орель ошвѣшшвуешъ, наскуча вздоромъ шѣмъ :
Ты права, шолько не совѣмъ ;
Орламъ случается и ниже Куръ спускашся,
Но Курамъ никогда до облакъ не подняшся.

Когда таланты судишь шы ;
Счишашъ ихъ слабосши шрудовъ не шрашъ напрасно ;
Но, чувешвуя, чшо въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ посшигнушъ вышины.

XX.

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ Юль, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянь,
Чешверкою рыдвань
Тащился.

Кони измучились: и кучерь какъ ни бился,
Пришло хоть спастъ. Слезаетъ съ козель онъ,
И, лошадей мучишель,
Съ лакеемъ въ два кнуша пирамишь съ двухъ споронъ;
А легче нѣтъ. Ползушь изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учишель.
Но, знашь, рыдвань былъ плошно нагружёнъ,
Чшо лошади хошя его шронули,
Но въ гору по песку едва-едва шянули.
Случись пушь Мухъ бышь. Какъ горю не помочь?
Всшупилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суешишься;
То надъ носомъ юлишь у коренной,
То лобъ укусишь приспаяжной;

То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садися;
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ шныряешь межъ людей;
Ну, словно опкущикъ на ярманкѣ хлопчешь,
И шолько плачешся на то,
Что ей ни въ чемъ, никшо,
Никакъ помочь не хочешь.

Гушоря слуги вздоръ, плешущся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаешь шишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искашь на ужинъ;
И Муха всѣмъ жужжишь, что шолько лишъ она
О всемъ забоишься одна.

Межъ пѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, понемногу,
Вспащилися на ровную дорогу.
Ну, Муха говоришь: шеперя, слава Богу!
Садисесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ пушь;
А мнѣ ужъ дайше опдохнуть:
Меня насилу крылья носяшь.

Куда людей на свѣтѣ много естъ,
Которые вездѣ хощашь себя приплестъ,
И любяшь хлопошашь, гдѣ ихъ совсѣмъ не просяшь.

XXI.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимашь съ умомъ, шогда не чудо

И пользу ошъ шого сыскашъ;

А безъ ума перенимашъ,

И Боже сохрани, какъ худо!

Я приведу примѣръ шому изъ дальнихъ сшранъ.

Кшо Обезьянъ видалъ; шѣ знаютъ,

Какъ жадно все онѣ перенимающъ.

Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,

Ихъ спая цѣлая сидѣла

По сучьямъ, по вѣшьямъ на деревѣ гусшомъ,

И на ловца украдкою глядѣла,

Какъ по правѣ въ сѣняхъ капался онъ кругомъ.

Подруга каждая шихонько шолкъ подругу,

И шепчущъ всѣ другъ другу:

Смошрите-ка на удалца;

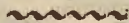
Зашѣямъ у него шакъ право нѣшъ конца:

То кувыркнешся,

То развернешся,

То весь въ комокъ

Онъ такъ сберешся,
Что не видашь ни рукъ, ни ногъ.
Ужь мы ль на все не масперицы:
А эшаго у насъ искуства не видашь,
Красавицы-сесприцы!
Не худо бы намъ эшо переняшь.
Онъ, кажешся, себя довольно позабавиль;
Авось уйдешъ, шогда мы пошчась.... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и съпи имъ оставиль.
Чшо жъ, говоряшь онъ, и время намъ шеряшь?
Пойдемъ-ка попыташься!
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разосплано виизу премножесство съшей.
Ну въ нихъ онъ кувыркашься, кашасться,
И кушасться и завивасться;
Кричасть, визжасть; веселье хошь куда.
Да вошь бѣда,
Когда пришло изъ съпи выдирашься.
Хозяинъ между шѣмъ сперѣгъ,
И видя, чшо пора, идешъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онъ чшобъ на ушѣкъ,
Да ужъ никшо разпушасться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXII.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,

Но за нее не всякъ умѣеть взяться :

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться !

Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинакой,

Въ дали отъ города, въ глуши.

Про жизнь пусшынную какъ сладко ни пиши,

А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой :

Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлишь.

Мнѣ скажутъ: а лужекъ, а шемная дуброва,

Пригорки, ручейки и мурава шелкова ?

Прекрасны : что и говоришь !

А все прискучишься, какъ не съ кѣмъ молвишь слова.

Такъ и пусшыннику пому

Соскучилось бытъ вѣчно одному.

Идешь онъ въ лѣсъ полкнущься у сосѣдей,

Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свести.

Въ лѣсу кого набрести,

Кромѣ волковъ или медвѣдей.

И почто встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;

Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,

И милому сосѣдушкѣ поклонъ.

Сосѣдъ ему просягиваетъ лапу,

И, слово за слово, знакомятся они,

Потомъ дружатся,

Потомъ не могутъ ужъ разсѣяться,

И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.

О чемъ у нихъ и что бывало разговору,

Иль прісказокъ, иль шуточекъ какихъ,

И какъ бесѣда шла у нихъ,

Я по сію не знаю пору.

Пусшынникъ былъ не говорливъ;

Мишукъ съ природы молчаливъ:

Такъ изъ избы не вынесено сору.

Но какъ бы ни было, Пусшынникъ очень радъ,

Что далъ ему Богъ въ другъ кладъ.

Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишиньки пошнись,

И Мишинькой не можешь нахвалишься.

Однажды вздумалось друзьямъ

Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,

И по доламъ, и по горамъ;

А такъ какъ человекъ Медвѣда послабѣ,

То и Пусшынникъ нашъ скорѣе,

Чѣмъ Мишинька усалъ,

И отспавать опъ друга спаль.

То видя, говоришь, какъ пушный, Мишка другу:

Прилягъ-ка, брашь, и ошдохни,

Да коли хочешь, шакъ сосни;

А я посперегу тебя здѣсь у досугу.

Пусыинникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,

Да пошчасъ и заснулъ.

А Мишка на часахъ; да опъ и не безъ дѣла;

У друга на носъ муха сѣла:

Онъ друга обмахнулъ;

Взглянулъ,

А муха на щекъ; согналъ, а муха снова

У друга на носу,

И неопвязчивый часъ опъ часу.

Вопъ Мишинька, не говоря ни слова,

Увѣсисый булыжникъ въ лапы сгрѣбъ,

Присѣлъ на коршочки, не переводить духу,

Самъ думаешь: молчи жъ, ужъ я тебя воспруху!

И у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть, хвашъ друга камнемъ въ лобъ:

Ударъ шакъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался;

И Мишинъ другъ лежать надолго шамъ ошался.

XXIII.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ,

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянувшись не успѣла,
Какъ зима капашъ въ глаза.
Помершвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней шѣхъ свѣшлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ гошовъ и сполъ и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ наснаешъ;
Стрекоза ужъ не поешъ:
И кому же въ умъ поидешъ
На желудокъ пѣшь голодной?
Злой тоской удручена
Къ Муравью ползешъ она.
Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собратъся съ силой,
И до вѣшнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!
Кумушка, мнѣ странно это:

Да рабошала ль пы въ льшо?

Говоришь ей Муравей.

До того ль, голубчикъ, было?

Въ мягкихъ муравахъ у насъ

Пѣсни, рѣзвось всякой часъ,

Такъ, чшо голову вскружило.

А, шакъ пы... Я безъ души

Льшо цѣлое все пѣла.

Ты все пѣла? Эшо дѣло:

Такъ поди же, попляши!

XXIV.

КВАРТЕТЬ.

Проказница-Маршышка,

Осель,

Козель,

Да косолапый Мишка

Зашѣяли сыграшъ кваршеть.

Доспали ночь, баса, альша, двѣ скрипки,

И сѣли на лужекъ подъ липки

Плѣняшъ своимъ искусствомъ свѣшъ.

Ударили въ смычки, дерушъ, а полку нѣшъ.

Спой, братцы, спой: кричитъ Маршышка, погодите!

Какъ музыкѣ иппи? Вѣдь вы не шакъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишинька, садись прошивъ альша,
Я прима сяду прошивъ вшоры;

Тогда пойдешъ ужъ музыка не та:

У насъ запляшущъ лѣсъ и горы.

Разсѣлись, начали кваршешъ;

Онъ все-таки наладъ нейдешъ.

Посшойте жъ, я сыскалъ секрешъ,

Кричишь Осель: мы вѣрно ужъ поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ.

Послушались Осла: усьлись чинно въ рядъ;

А все кваршешъ нейдешъ наладъ.

Вошъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы

И споры,

Кому и какъ сидѣшь.

Случилось Соловью на шумъ ихъ прилешѣшь.

Тупъ съпросьбой всѣ къ нему, чшобъ ихъ рѣшишь сомнѣнье.

Пожалуй, говоряшь, возми на часъ шерпѣнье,

Чшобы кваршешъ въ порядокъ нашъ привесъ:

И ношы есть у насъ, и инспруменшы есть;

Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?

Чшобъ музыканшомъ бышь, шакъ надобно умѣнье

И уши вашихъ понѣжнѣй,

Имъ ошвѣчешъ Соловей;

А вы, друзья, какъ ни садитесь,

Все въ музыканшы не годишесь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Грав. М. Никольск.

Р

Грав. П. Зубовъ.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

Б А С Н И.

I.

Ч И Ж Ъ И Е Ж Ъ.

Уединеніе любя,
Чижь робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хошлось,
И не зачщо : шакъ какъ-шо пѣлось.
Вошь въ блескъ и во славъ всей
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ спрѣшенъе ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ гусшыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижь замолкъ. Ты что жь,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежь,
Пріятель, не поѣшь?
За шѣмъ, что голоса шакаго не имѣю,
Чтобъ Феба я досшойно величалъ,
Сквозь слезъ Чижь бѣдный ошвѣчалъ;
А слабымъ голосомъ я Феба пѣшь не смѣю.

Такъ я крушуся и жалю ,
 Чшо лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ :
 Я бѣ АЛЕКСАНДРА пѣлъ .

II.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой
 Въ сосѣдствѣ какъ-то жили ,
 И вопъ какой
 Между собой
 Они завѣщъ всѣ положили :
 Чшобъ имъ звѣрей собща ловить ,
 И что наловишя , все поровну дѣлить .
 Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
 Лиса оленя поимала ;
 И шлеть къ шоварищамъ пословъ ,
 Чшобъ шли дѣлить счастливый ловъ :
 Добыча право недурная !
 Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая
 И озираючи шоварищей кругомъ ,
 Дѣлежь располагаешь ,
 И говоришь : мы , брашцы , вчешверомъ ;

И на чешверо онъ оленя раздираетъ.
Теперь давай дѣлишь! Смотрише же, друзья:

Вопъ эта часъ моя

По договору;

Вопъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежишь безъ спору;

Вопъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;

А къ этой чужь изъ васъ лишь лапу кто пропьянешь,

Топъ съ мѣша живъ не встанешъ.

III.

С И Н И Ц А.

Синица на море пустилась:

Она хвалилась,

Что хочешь море сжечь.

Разславилась пошлась о томъ по свѣшу рѣчь.

Спрахъ обнялъ жиселей Нептуновой сполицы;

Лешяпъ спадами пшицы;

А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгающа сморѣшь,

Какъ будешь океанъ и жарко ли горѣшь.

И даже, говоряшь, на слухъ молвы крылашой,

Охошники шаскашся по пирамъ

Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ;

Чтобъ похлебашъ ухи такой богатой,
Какой-де ошкунщикъ и самый шаровашой

Не даывалъ секретарямъ.
Толпяся : чуду всякъ заранѣ дивишся,
Молчишь и, на море глаза ушавя, ждешь;

Лишь изрѣдка иной шепнешъ :
Вотъ закипишь, вотъ шопчасъ загорѣшся.

Ни шупъ-шо: море не горитъ;

Кипишь ли хоть? И не кипишь.

И чѣмъ же кончились зашѣ величавы?

Синица со сшымомъ всвояси ушлыла;

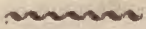
Надѣлала Синица славы,

А моря не зажгла.

Примолвишь къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не спрогая лица,

Чшо, дѣломъ не сведя конца,

Не надобно хвалишься.

IV.

О С Е Л Ъ.

Когда вселенную Юпишерь населялъ

И заводилъ различныхъ шварей племя;

То и Осель тогда на свѣшъ попалъ.

Но съ умыслу ль, или, имѣя дѣлъ беремъ

Въ шакое хлопотливо время,

Тучегонитель оплошалъ:

И вылился Осель почши какъ бѣлка малъ.

Осла никшо почши не примѣчалъ:

Но въ свѣси никому Осель не уступалъ.

Ослу хотѣлось бы повеличаться:

Но чѣмъ? Имѣя ростъ шакой,

И въ свѣшѣ спыдно показаться.

Приспалъ къ Юпишеру Осель свѣсивый мой,

И росшу спалъ просить большого.

Помилуй, говоришь, какъ можно эшо снести?

Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ шакая честь;

Пришомъ съ великаго и до меньшаго,

Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ:

За что жъ къ Осламъ ты сполько лихъ,

Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ Ослахъ никшо ни слова?
А если бъ ростомъ я съ шеленка только былъ,
То спѣси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ;
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.

Что день, то снова
Осель мой пожъ Зевесу пѣлъ,
И до того ему онъ надобѣлъ,
Что наконецъ моленія Ослова

Послушался Зевесъ:
И спалъ Осель скошиной превеликой;
А сверхъ того ему шакой данъ голосъ дикой,

Что мой ушасный Геркулесь
Поразпугалъ-было весь лѣсъ.

Что шо за звѣрь, какаго роду?
Чай, онъ зубасшь? Роговъ, чай, нѣтъ числа?
Ну, только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,

Какъ всѣ узнали, кто Осель:
Осель мой глупосшью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужъ возяшь воду.

Въ породѣ и въ чпнахъ высокость хороша:
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

V.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье ?

Полезно : слова нѣтъ о томъ.

Но просвѣщеніемъ зовемъ

Мы часто роскоши прельщенье ,

И даже нравовъ развращенье :

Такъ надобно гораздо разбирашь ,

Какъ спанешь грубости кору съ людей сдирашь ,

Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не расшеряшь ,

Чтобъ не ослабишь духъ ихъ , не испорчишь нравы ,

Не разлучишь ихъ съ простошой

И , давши только блескъ пусшой ,

Безславья не навлечъ имъ вмѣсто славы .

Объ эшой истинѣ свяшой

Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу сшало ;

Да важно говоришь не всякому присшало ,

Такъ съ шушкой пополамъ

Я басней доказашъ ее намѣрень вамъ .

Мужикъ-просшакъ , какихъ вездѣ немало ,

Нашель червонецъ на земли .

Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однако жъ пяпакъ пригоршни прои
Червонца наобмѣнь крестьянину даюшь.
Поспой же, думаетъ мужикъ: дадушъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками опорвущъ.
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И наполокши кирпича,
Мужикъ мой прислушаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ почишь,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ претъ;
Ну, словомъ, шакъ какъ жаръ его поставишь хочешь.
И подлинно, какъ жаръ Червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю Червонецъ потерялъ.

VI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ племень,

Который до того въ сердцахъ ожесточился,

Чшо прошиву боговъ вооружился.

Мяшежныя толпы за тысячью знаменъ,

Кшо съ лукомъ, кшо съ пращей, шума, несущся въ поле.

Зачинщики изъ удалыхъ головъ,

Чшобы поджечь въ народъ буйства болъ,

Кричашъ, чшо судъ небесъ и спрогъ и безшолковъ;

Чшо боги или спяшъ, иль правяшъ безразсудно;

Чшо проучить пора ихъ безъ чиновъ;

Чшо впрочемъ съ ближнихъ горъ камнями не трудно

На небо дошвырнуть въ боговъ

И замешать Олимпъ стрѣлами.

Смушая дерзостью безумцевъ и хулами,

Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,

Чшобы бѣду онъ ошвратилъ;

И даже весь совѣшъ боговъ шѣхъ мыслей былъ,

Чшо, къ убѣжденію буншующихъ, нехудо

Явишь хошъ небольшое чудо:

Или пошопъ, иль съ шрусомъ громъ,
Или хопъ каменнымъ ударишь въ нихъ дождёмъ.

Пождёмъ,

Юпишеръ рекъ: а если не смиряшся,

Они опъ дѣлъ своихъ казняшся.

Тупъ съ шумомъ въ воздухъ взвилась
Тьма камней, шуча спрѣль опъ войскъ богоящежныхъ;
Но съ тысячею смершей и злыхъ и неизбѣжныхъ
На собственныя ихъ обрушилась главы.

Плоды невѣрія ужасны шаковы;

И вѣдайше, народы, вы,

Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ прошивъ божества вооружающъ васъ,

Погибельный вашъ приближающъ часъ

И обращающъ всѣ въ громовыя вамъ спрѣлы.

VII.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Марышка къ старости слаба глазами стала ;

А у людей, она слыхала ,

Чшо это зло еще не такъ большой руки

Лишь споишь завести Очки.

Очковъ съ полдюжины себѣ она доспала ;

Вершишь Очками такъ и сякъ :

То къ шемю ихъ прижмешь, шо ихъ на хвостъ нанижешь,

То ихъ понюхаешь, шо ихъ полижешь ;

Очки не дѣйствуютъ никакъ.

Тьфу, пропасть, говоришь она, и шошь дуракъ ,

Кшо слушаешь людскихъ всѣхъ вракъ :

Все про Очки лишь мнѣ напали ;

А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.

Марышка шущъ съ досады и съ печали

О камень такъ хвашила ихъ,

Чшо только брызги засверкали.

Къ несчастью шожь бываетъ у людей :

Какъ ни полезна вещь; цѣны не зная ей,

Невѣжа про нее свой полкъ все къ худу клонить :

А ежели невѣжа познаетъ,

Такъ онъ ее еще и гонить.

VIII.

ТРОЕЖЕНЕЦЬ.

Какой-то грѣховодникъ

Женился опъ живой жены еще на двухъ.

Лишь до царя о томъ донесся слухъ

(А царь былъ строгъ и неохотникъ

Такимъ соблазнамъ пошакать),

Онъ многоженца вмгъ велѣлъ подь судъ опдашь,

И выдумашъ ему такое наказанье,

Чшобъ въ спрахъ привесъ народъ,

И покусишь бы никшо не могъ впередъ

На споль большое злодѣянье :

А коль увижу-де, что казнь ему мала,

Повѣшу шущъ же всѣхъ судей вокругъ спола.

Судьямъ худыя шушки :

Въ холодный пошъ кидаетъ ихъ боязнь.

Судьи полкуютъ прои шушки,

Какую бъ выдумашъ пресшупнику имъ казнь.

Ихъ есть и тысячи ; но опытами знаютъ ;

Что все они людей отъ зла не ощущаютъ.

Однако жь наконецъ ихъ надоумилъ Богъ.

Преступникъ призванъ въ судъ для объявленья

Судейскаго рѣшенья ,

Которымъ съ общаго сужденья

Приговорили женъ ошдасть ему всѣхъ шрѣхъ.

Народъ суду шакому изумился

И ждалъ , что царъ великъ повѣситъ всѣхъ судей :

Но не прошло чешырехъ дней ,

Какъ Троеженецъ удавился :

И эшотъ приговоръ шакой надѣмалъ сшрахъ ,

Что съ шой поры на шрехъ женахъ

Никшо въ шомъ царствѣ не женился.

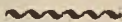

IX.

ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-то встарину
Левъ съ Барсомъ вель предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вершешы.
Хоть разобрался лѣзя бѣ имъ было по правамъ;
Но сильные въ правахъ бывающъ часпо слѣшы
И вѣряшъ болѣе когшямъ.
Однако наконецъ не вѣчно жъ драшъся;
И когши припуляшся:
Герои по правамъ рѣшились разобралъся;
Намѣрили дѣла военны прекрашшъ,
Окончшъ всѣ раздоры,
Пошомъ, какъ водшся, миръ вѣчный заключшъ
До первой ссоры.
Назначимъ же скорѣй,
Мы опъ себя секретарей,
Льву предлагаешъ Барсъ, и какъ ихъ умъ разсудшъ,
Пусть шакъ и будешъ.
Я, на примѣръ, къ шому опредѣлю коша:
Звѣрокъ хощъ не казшшъ, да совѣшъ въ немъ чшста;

А ты осла назначь : онъ знашнаго же чина ,
И, къ слову молвишь здѣсь ,
Куда онъ у тебя завидная скопина !
Повѣрь какъ другу мнѣ : совѣшь и дворъ швой весь
Его копыща врядъ ли сшояшь.
Положимся жъ на шомъ ,
На чѣмъ
Съ моимъ копишкомъ онъ устроишь.
И Левъ мысль Барса ушвердиль
Безъ спору ;
Но шолько не осла , лисицу нарядиль
Онъ опъ себя для эшаго разбору ,
Примолвя про себя (какъ видно , зналъ онъ свѣшь):
Кого намъ хвалишь врагъ , въ шомъ вѣрно проку нѣшь.

X.

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ шолкуя съ Мудрецомъ
О помъ, о сёмъ,
Скажи мнѣ, говоришь, ты свѣтъ довольно знаешь,
И будшо въ книгѣ ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ эшо, что мы ни начнемъ,
Суды ли, общества ль учены заведемъ;
Едва успѣемъ оглянушься,
Какъ первые невѣжи шупъ вопрошся?
Ужь ли ошъ нихъ совсѣмъ лѣкаршва нѣшъ? —
Не думаю, сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:
И съ обществами ша жь судьба (скажашъ межъ нами),
Что съ деревянными домами. —
Какъ? — Также: я вошъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужь сверчки давно въ немъ завелись.

XI.

Р А З Д Ъ Л Ъ.

Имѣя общій домъ и общую коншору,
Какіе-то честные шоргаши
Нашорговали денегъ гору,
Окончили шорги и дѣляшъ барыши.
Но въ дѣлежъ когда безъ спору?
Заводяшъ шумъ они за деньги, за шоваръ,
Какъ вдругъ кричащъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
Скорѣй, скорѣй спасайше
Товары вы и домъ,
Кричишъ одинъ изъ нихъ, спускайше:
А счешы послѣ мы сведемъ! —
Мнѣ шолько тысячу мою сперва дайше,
Шумишъ другой:
Я съ мѣша не сойду долой. —
Мнѣ двѣ не додано, а вошъ шушъ счешы ясны:
Еще одинъ кричишъ. — Нѣшъ, нѣшъ мы не согласны:
Да какъ, за что, и по чему? —
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники шушъ до того шумѣли,

Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, кошорыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того гибель всѣмъ бываетъ;
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры зашъваетъ
О выгодѣ своей.

XII.

Б О Ч К А.

Пріятель своего пріятеля просиль,
Чтобъ бочкою его дни на шри онъ осудиль.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!
Вошъ если бѣ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тушъ дружба въ спорону и можно бѣ опказать;
А бочки для чего не дашъ!
Какъ возвратилася она; тогда опятьъ
Возить въ ней спали воду.
И все бы хорошо, да худо шолько въ томъ:
Та бочка для вина брана ошкупщикомъ,
И насшоялась шакъ въ два дни она виномъ,

Что винный духъ пошелъ ошъ ней во всёмъ :
Квасъ , пиво ли сваряшъ , ну даже и въ съѣшномъ .
Хозяинъ бился съ ней близь году :
То выпаришъ , то ей провѣтришъ даетъ ;
Но чѣмъ шу бочку ни нальешь ,
А винный духъ все вонъ нейдешъ ,
И съ бочкой наконецъ онъ принужденъ разсѣпашъ .

Старайшесь не забыть , опцы , вы басни сей :
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ споишъ разъ лишь напишашъ ;
А памъ во всѣхъ швоихъ поступкахъ и дѣлахъ ,
Каковъ ни будь шы на словахъ ,
А все имъ будешъ опзыватьшъ .

XIII.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріяшеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворошни
Дворняшка шивкнула на нихъ;
За ней другая, памъ еще двѣ-при, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалось съ полсотни.
Одинъ-было уже прохожій камень взялъ:
И, полно, бранецъ, шущъ другой ему сказалъ,
Собакъ шы не уймешь ошъ лаю,
Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ напуру лучше знаю.
И подлинно: прошли шаговъ десяшковъ пять,
Какъ спало ни одной Собаки не слыхашъ.

Зависпники на что ни взглянушь,
Подымушь вѣчно лай;
А шы себѣ своей дорогою ступай:
Полаюшь, да ошспанушь.

XIV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя съраго шакъ близко забѣлку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвущся вонъ на драку;

Псари кричашъ: ахъ-ши, ребяша, воръ!

И вмигъ вороша на запоръ.

Въ минушу псарня спала адомъ.

Бѣгушъ: иной съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ.

Огня, кричашъ, огня! Пришли съ огнемъ.

Мой Волкъ сидишъ, прижавшись въ уголь задомъ.

Зубами щолкая и оцещиня шерсть,

Глазами, кажешся, хошѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;

Но видя то, что шушь не передъ сшадомъ,

И что приходишъ наконецъ

Ему расчесься за овецъ,

Пустился мой хипрець

Въ переговоры,

И началъ такъ : друзья , къ чему весь эшопъ шумъ ?

Я вашъ старинный свать и кумъ ;

Пришелъ мириться къ вамъ , совсѣмъ не ради ссоры ;

Забудемъ прошлое , успавимъ общій ладъ !

А я не только впредь не прону здѣшнихъ спадъ ,

Но самъ за нихъ съ другими грызъся радъ ,

И волчьей кляшвой ушверждаю ,

Чшо я . . . — Послушай - ка , сосѣдъ ,

Тутъ ловчій перервалъ въ ошвътъ :

Ты сѣрь , а я , пріятель , сѣдъ ,

И волчью вашу я давно напуру знаю ;

А пошому обычай мой :

Съ волками иначе не дѣлашь мировой ,

Какъ снявши шкуру съ нихъ долой .

И шутъ же выпустилъ на Волка гончихъ спаю .

XV.

Л Ж Е Ц Ъ.

Изъ дальнихъ странствій возвращаясь,
Какой-то дворянинъ (а можешь быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Разхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгаль.

Нѣтъ, говоришь, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.

Что здѣсь у васъ за край?

То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣшишь слишкомъ ярко:
Вошь шамъ-то прямо рай!

И вспомнишь, такъ душѣ опрада!

Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не нада.

Не знаешь вѣкъ, что есть ночная шѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто шамъ ни садить, ни сѣять:

А если бъ посмотрилъ, что шамъ расцветъ и зрѣть!
Вошь въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурець:

Ахъ, мой Творецъ,

И по сію не вспомнюсь пору!

Повѣришь ли? Ну право былъ онъ съ гору.

Что за диковина, пріѣшель ошвѣчалъ:

На свѣшѣ чудеса разсѣяны повсюду;

Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.

Мы сами вошѣ шеперь подходимъ къ чуду,

Какаго ты нигдѣ конечно не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду.

Вонъ, видишь ли черезъ рѣку томъ мостъ,

Куда намъ пушѣ лежишь; онъ съ виду хошѣ и просишь,

А свойство чудное имѣешь:

Лжецѣ ни одинъ у насъ по немъ пройши не смѣешь;

До половины не дойдетъ,

Провалишься и въ воду упадешь;

Но кто не лжешь,

Сшупай по немъ пожалуй хошѣ въ карешѣ.

А какова у васъ рѣка?

Да не мѣлка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего - то нѣтъ на свѣшѣ!

Хошѣ Римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;

Вѣдѣ съ гору, кажешся, ты такъ сказалъ о немъ?

Гора хошѣ не гора, но право будешь съ домъ.

Повѣришь шрудно!

Однако жѣ какъ ни чудно,

А все чудень и мостъ, по коемъ мы пойдѣмъ,

Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;

И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ эшо знаетъ)
Два журналиста, да поршней.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль эшо справедливо.
Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи естъ:
Не думай, чшо вездѣ по нашему хоромы;
Чшо шамъ за дома?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзшь,
И шо ни спашъ, ни съешъ.
Пусшь пакъ; но все признашься должно,
Чшо огурецъ не грѣхъ за диво счешъ,
Въ кошоромъ двумъ уѣшъся можно.
Однако жъ мостъ-апъ нашъ каковъ,
Чшо лгунъ не сдѣлаешъ на немъ пяши шаговъ,
Какъ потчасъ въ воду.
Хотъ Римскій швой и чудень огурецъ....
Послушай-ка, шущъ перерваль мой лжець,
Чѣмъ на мостъ намъ ишши, поищемъ лучше броду.

XVI.

Р У Ч Е Й.

Паспухъ у Ручейка пѣлъ жалобно, въ поскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:

Ягненокъ у него любимый

Недавно ушонулъ въ рѣкѣ.

Услыша Паспуха, Ручей журчишь сердито:

Рѣка несытая, что если-бъ дно швое

Такъ было, какъ мое,

Для всѣхъ и ясно и ошкрыто,

И всякой видѣлъ бы на шинистомъ семь днѣ

Всѣ жертвы, кои ты споль алчно поглотила!

Я-чай бы со сшуда ты землю сквозь прорыла,

И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.

Мнѣ кажешся, когда бы мнѣ

Дала судьба обильныя споль воды,

Я, украшеньемъ славъ природы,

Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.

Какъ оспорожно бы вода моя шекла,

И мимо хижинки и каждаго кусточка!

Благословляли бы меня лишь берега,

И я бы освѣжалъ долины и луга;

Но съ нихъ бы не унесъ листочка;

Ну, словомъ, дѣлая пушемъ моимъ добро,

Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,

Вода моя до самаго бы моря

Такъ докашилася чиста, какъ серебро.

Такъ говорилъ Ручей, шакъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.

И что жъ? Не минуло недѣли,

Какъ шуча ливная надъ ближнею горой

Разсѣлась:

Богашествомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;

Но, ахъ, куда въ ручьи смиренность дѣлась!

Ручей изъ береговъ бѣесть мушною водой,

Кипишь, ревешь, крушишь нечислу пѣну въ клубы,

Стольшніе валяешь дубы,

Лишь прески слышны вдалекѣ;

И самый шощъ паспухъ, за коего рѣкъ

Пѣнялъ недавно онъ шакимъ кудравымъ складомъ,

Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ шадомъ,

А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много Ручейковъ печешъ шакъ смирно, гладко,

И шакъ журчишь для сердца сладко,

Лишь шолько опъ шого, что мало въ нихъ воды!

XVII.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

Куда шакъ , кумушка , бѣжишь ты безъ оглядки ?

Лисицу спрашиваль Сурокъ.

Охъ , мой голубчикъ куманѣкъ !

Терплю напраслину , и выслана за взятки .

Ты знаешь , я была въ курашникъ судей ;

Ушрашила въ дѣлахъ здоровье и покой ;

Въ шрудахъ куска не доѣдала ,

Ночей не досыпала ;

И я жъ за шо подѣ гнѣвъ подпала ;

А все по клеветамъ . Ну , самъ подумай ты :

Кшо жъ будешь въ мѣрѣ правъ , коль слушаешь клеветы ?

Мнѣ взятки брашь : да развѣ я взбѣшуся .

Ну , видываль ли ты , я на себя пошлюся ,

Чшобъ эшому была причастна я грѣху ?

Подумай , вспомни хорошенько !

Нѣтъ , кумушка ; а видываль частенько ,

Чшо рыльцо у тебя въ пуху .

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будшо рубль послѣдній доживаетъ;

И подлинно, весь городъ знаешь,

Чшо у него ни за собой,

Ни за женой;

А смотришь, помаленьку,

То домикъ выстроишь, шо купишь деревеньку:

Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесъ,

Хошь по суду и не докажешь;

Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,

Чшо у него пушокъ на рыльцѣ естъ.

XVIII.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшись гурьбой,

Медвѣдя звѣри изловили;

На чистомъ полѣ задавили:

И дѣляшъ межъ собой,

Кшо что себѣ доспанетъ.

А Заяцъ за ушко медвѣжье шупъ же пянетъ.

Ба, ты, косою,

Кричащъ ему, пожаловалъ ошколъ?

Тебя никшо на ловлѣ не видалъ.

Вопть, брашцы, Заяць опвѣчалъ:
 Да изъ лѣсу-то кшо жь? Все я его пугаль,
 И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
 Сердечнаго дружка.
 Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно;
 Но показалось шакъ забавно,
 Чшо Зайцу данъ клочокъ медвѣжьего ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются;
 А часно въ дѣлѣ имъ доли доспаются.

XIX.

ОРЕЛЬ И ПЧЕЛА.

Счастливъ, кшо на чредѣ прудись знаменшой:
 Ему и шо ужъ силы придаешь,
 Чшо подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
 Но сколь и шопть почтень, кшо, въ низости сокрышой,
 За всѣ шруды, за весь пошерянный покой,
 Ни славою, ни почестъми не льшишся,
 И мыслю оживлень одной,
 Чшо къ пользѣ общей онъ прудись.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣшка,
 Сказаль Орель однажды ей съ презрѣньемъ:

Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей швоей работою и съ умѣньемъ!
Вась въ ульѣ тысячи все лѣшо лѣпашь сошь;
Да кто же послѣ разберѣшь
И ошличить швои работы?
Я право не пойму охоты
Трудишься цѣлый вѣкъ, и чшожь имѣшь въ виду?
Безвѣстной умерешь со всѣми наряду.
Какая разница межъ нами!
Когда, разширися шумящими крылами,
Ношуся я подѣ облаками;
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣють опъ земли пернашья подняться;
Не дремлють паспухи при пучныхъ ихъ спадахъ;
Ни лани быспрыя не смѣють на поляхъ,
Меня завидя, показашься.
Пчела опвѣшшвуешь: тебѣ хвала и честь!
Да продлишь надѣ шобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь шруды для общей пользы несъ,
Не ошличашь ищу свои работы,
Но ушѣшаюсь шѣмъ, на наши смотря сошы,
Чшо въ нихъ и моего хошь капля меду ешь.

XX.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда , коль пироги начнешь печи сапожникъ ,
А сапоги тачашь пирожникъ :
И дѣло не пойдешь наладъ .
Да и примѣчено стократъ ,
Что кто за ремесло чужое брашья любить ;
Тотъ всегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй :
Онъ лучше дѣло все погубишь ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ спашь свѣща ,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросишь , иль выслушашь разумнаго совѣща .

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняхся ремесло .
Не знаю : завистью ль ее лукавый мучилъ ,
Иль , можешь быть , ей рыбный столъ наскучилъ ;
Но только вздумала Котъ она просить ,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ анбаръ половишь .

Да, полно, знаешь ли ты эшу, свѣтъ, работу?

Спаль Щукъ Васька говоришь.

Смошри, кума, чшобы не осрамишься:

Недаромъ говоришься,

Чшо дѣло мастера боишься.

И, полно, куманекъ! Вошъ невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей.

Такъ въ добрый часъ, пойдемъ! — Пошли, засѣли.

Напѣшился, наѣлся Кошъ,

И кумушку провѣдашь онъ идѣшь.

А Щука, чущь жива, лежишь, разинувъ рошъ,

И крысы хвостъ у ней ошѣли.

Тущъ видя, чшо кумъ советѣмъ не въ силу шрудъ,

Кумъ замершво ее спащиль обратно въ прудъ.

И дѣльно: это, Щука,

Тебѣ наука,

Впередъ умнѣ бышь

И за мышами не ходишь.

XXI.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

Прощай, сосѣдка : Волкъ Кукушкѣ говорилъ ;

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ ;

Все тѣжъ у васъ и люди и собаки :

Одинъ другаго злѣй ; и ты хоть ангель будь ,

Такъ не минуешь съ ними драки .

А далеко ль сосѣду пушь ?

И гдѣ шакой народъ благочесливой ,

Съ кошорымъ думаешь ты жишь въ ладу ?

О , я прямехонько иду

Въ лѣса Аркадіи счастливой .

Сосѣдка , шо-шо спорона !

Тамъ , говоряшь , не знаюшь , что война ;

Какъ агнцы крошки человѣки ;

И молокомъ шекушь лишь рѣки ;

Ну , словомъ , царшвуютъ злые времена .

Какъ брашья всѣ другъ съ другомъ послунають ;

И даже , говоряшь , собаки шамъ не лають ,

Не шолько не кусають .

Скажи жъ сама , голубка , мнѣ :

Не мило ль даже и во снѣ
Себя въ краю шакомъ увидѣшь пихомъ?

Прости : не поминай насъ лихомъ !

Ужь шо-шо мы шамъ заживемъ ,

Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ ;

Не такъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днемъ

И не засни спокойно на ночлегѣ.

Счастливый пушь, сосѣдъ мой дорогой ,

Кукушка говоришь : а свой пы нравъ и зубы

Здѣсь кинешь , иль возмешь съ собой ?

Ужь кинуть , вздоръ какой !

Такъ вспомни же меня, что бышь шебъ безъ шубы.

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй ,

Тѣмъ болѣе кричишь и ропщешь на людей :

Ни видишь добрыхъ онъ, куда не обернешя ,

А первый самъ ни съ кѣмъ не уживешя.

XXII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой;
То рады мы шому хощя молишься,
Кшо вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавишелоу ошъ насъ же придетъ худо:
Всѣ въ запуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо.

Старикъ Крестьянинъ съ бапракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой въ деревню съ сѣнокошу;
И повспрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнушъ не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь настѣлъ.
Подмьялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ его почашъ, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходишъ старику.
Степанушка родной, не выдай, милой!

Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился башраку.

Вошь новый Геркулесь, собравшись съ силой,

Ошнесъ полчерепа медвѣдю шопоромъ,

И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.

Медвѣдь взревѣлъ и замершво упалъ;

Медвѣдь мой издыхаетъ.

Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,

И онъ же башрака ругаетъ:

Опѣшалъ, бѣдный мой Сшепанъ!

Помилуй, говоришь, за что? — За что, болванъ!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колеть: всю испоршилъ шкуру.

XXIII.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шель обозъ,

И надобно съ крушой горы спускаешься.

Вошь, на горѣ другихъ оставя дожидаться,

Хозяинъ спалъ сводишь легонько первый возъ.

Конь добрый на крещцѣ почши его понёсъ,

Кашишься возу не давая.

А лошадь сверху молодая

Ругаешь бѣднаго коня за каждый шагъ:

«Ай, конь хваленый, шо-шо диво!

Смошрите, лѣнишся какъ ракъ;

Вошь чуть не зацѣпилъ за камень; косо, криво!

Смѣлѣе! Вошь шолочокъ ояшь:

А шуть бы влѣво лишь приняшь.

Какой осель! Добро бы было въ гору,

Или въ ночную пору;

А шо и подъ гору, и днемъ!

Смошрѣшь, шакъ выйдешь изъ шершнѣя;

Таскалъ бы воду ужь, коль нѣтъ въ шебѣ умѣня!

Гляди-шко насъ, какъ мы махнемъ;

Небось, ужь время не пошрашимъ,

И возикъ свой мы не свеземъ, а скашимъ!»

Туть, выгнувши хребетъ и понашужа грудь,

Тронулася лошадка съ возомъ въ шуть;

Но шолько подъ гору она перевалилась;

Возъ началъ напирать, шѣлега разкашилась:

Коня толкаешь въ задъ, коня кидаетъ въ бокъ;

Пушился конь со всѣхъ чешырехъ ногъ

На славу;

По камнямъ, рытвинамъ пошли шолчки,

Прыжки;

Лѣвѣй, лѣвѣй: и съ возомъ бухъ въ канаву!

Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣють слабость шуже :

Все кажешся въ другомъ ошибкой намъ ;

А примешься за дѣло самъ ,

Такъ напраказишь вдвое хуже.

XXIV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

Сосѣдушка, мой свѣтъ!

Пожалуй-спа покушай! —

Сосѣдушка, я сыпъ погорло. — Нужды нѣтъ ;

Еще шарелочку ; послушай :

Ушица ей-же-ей наславу сварена! —

Я при шарелки съѣлъ. — И, полно, что за счѣты!

Лишь спало бы охошы ;

А шо во здравье : ѣшь до дна!

Что за уха! Да какъ жирна :

Какъ будшо яншаремъ подернулаcя она.

Потѣшь же , миленькой дружочикъ!

Вошь лещикъ, пошпроха, вошь сперляди кусочикъ!

Еще хошь ложечку! Да кланяйся, жена! —

Такъ подчиваль сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,

И не давалъ ему ни ошдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно капился градомъ пошъ.
Однако же еще шарелку онъ беретъ:

Сбирается съ послѣдней силой

И очищаетъ всю. — Вопь друга я люблю:
Вскричалъ Демьянъ; за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще шарелочку, мой милой! —

Тутъ бѣдный Фока мой,

Какъ ни любилъ уху, но опъ бѣды шакой,

Схватавъ въ охапку

Кушакъ и шапку,

Скорѣй безъ памяти домой;

И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,

И ближняго ушей ты не жалѣешь;

То вѣдай, что твои и проза и стихи

Тошнѣ будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

XXV.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подь окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у ворошъ передь дворомъ
Присхойнѣ бѣ сперечь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись,
И вѣжливые жъ псы пришомъ
Ни на кого не лаюшъ днѣмъ,
Такъ разсуждашъ они пусшилися вдвоѣмъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.—
Чшо можешъ, говоришъ Полканъ, пріятнѣй бышъ,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жишъ;
Во всемъ оказывашъ взаимную услугу;
Ни спитъ безъ друга и ни съѣшъ,
Сстояшъ горой за дружную шерсть,
И наконецъ въ глаза глядѣшъ другъ другу,
Чшобъ шолько уллучишъ счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ пошѣвшишъ, позабавишъ,

И въ дружномъ счастѣи все свое блаженство спавишь!

Вошь если бѣ, на примѣръ, съ шобой у насъ

Такая дружба завелась:

Скажу я смѣло,

Мы бѣ и не видѣли, какъ время бы лѣтѣло.—

А что же, эшо дѣло,

Барбось ошвѣщсшвуешъ ему:

Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,

Что, бывши одного двора съ шобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки:

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни шѣсно намъ!

Припомъ же, право спыдно:

Песъ дружества слывешъ примѣромъ съ давныхъ дней,

А дружбы между псовъ, какъ будшо межъ людей,

Почши совсѣмъ не видно.—

Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,

Вскричалъ Полканъ: дай лапу!—Вошь она.

И новые друзья ну обнимаются,

Ну цѣловаться;

Не знаюшъ съ радости къ кому и приравняются:

Орешъ мой! Мой Пиладь! Прочъ свары, зависъ, злосъ!

Тушъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ косъ.

Вошь новые друзья къ ней взапуски несущся:

Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орешъ грызущся,

Лишь только ключья вверхъ лешають.
Насилу наконецъ ихъ разлили водою.

Свѣшь полонъ дружбою шакою.
Про нынѣшнихъ друзей лѣзя молвишь, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки;
Послушашь, кажется, одна у нихъ душа:
А только кинь имъ косишь, пакъ что швои собаки.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Del. H. Wagner.

4

Scul. C. Bockermann.

ФОРТУНА и НИЩИИ.

И доспальной свой вѣкъ спокойно доживашь,

А промыселъ оставишь свой другому,

Онъ въ море корабли ошправлялъ по веснѣ;

Ждалъ горы золоша: но корабли разбило;

Сокровища его всѣ море поглошило;

Теперь они на днѣ,

И видѣлъ онъ себя богашымъ, какъ во снѣ.

Другой, тошъ въ ошкупа пустился,

И нажилъ-было миліонъ,

Да мало; захошѣлъ его удвоишь онъ,

Забрался по уши, и вовсе разорился.

Короче, тысячи шакихъ примѣровъ есть;

И подѣломъ: знай чесшь!

Тушъ Нищему Форшуна вдругъ предстала

И говоритъ ему:

Послушай, я помочь давно тебѣ желала;

Червонцевъ кучу я сыскала;

Подставь свою суму;

Ее насыплю я, да шолько съ уговоромъ:

Все будешь золошо, въ суму что попадешъ;

Но если изъ сумы что на полъ упадешъ,

То сдѣлаешь соромъ.

Смошри жъ, я напередъ тебѣ ошперегла:

Мнѣ вѣдно хранишь условье наше спрого;

Сума швоя вешха, не забирайся много,

Чшобъ вынесши она могла.

Едва отъ радости мой Нищій дышитъ
И подъ собой земли не слышитъ!
Разправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонецъ дождь злашой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
Довольно ль?—Нѣтъ еще.— Не шреснула бь.—Небось!
Смошри, ты Крезомъ спаль.—Еще, еще маленько,
Хошь горшочку прибрось!—
Эй, полно: посмотри, сума ползеть ужъ врозь. —
Еще щепочку!— Но тушь кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обрапилась въ прахъ;
Форшуна скрылася; одна сума въ глазахъ:
И Нищій нищенскимъ попрежнему остался.

II.

ОТКУПЩИКЪ И САПОЖНИКЪ.

Богатый Ошкупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Блѣ сладко, вкусно пилъ;
По всякой день давалъ пиры, банкешы.
Сокровищъ у него нѣтъ смѣшны.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край;

И словомъ, кажешся, въ его хоромахъ рай.

Однимъ лишь Ошкупщикъ спрадаешъ,

Что онъ не досыпаешъ.

Ужъ Божьего ль боишься онъ суда,

Иль просто шрусись разоришься :

Да полько все ему некрѣпко какъ-то спишся.

А сверхъ того, хошь иногда

Онъ вздремлетъ на зарѣ, шакъ новая бѣда :

Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.

Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ

Сапожникъ ; но шакой пѣвунъ и весельчакъ,

Что съ ушренной зари и до обѣда,

Съ обѣда до ночи безъ умолку поешъ,

И богачу заснушь никакъ онъ не даешъ.

Какъ бышь, и какъ съ сосѣдомъ сладись,

Чшобъ ошъ пѣнья его опшвадишь?

Велѣшь молчашъ : шакъ власти нѣшъ ;

Просилъ : шакъ просьба не берешъ.

Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлешъ.

Пришелъ сосѣдъ.

Пріяшелъ дорогой, здорово !

Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.

Ну, что, брашъ, каково дѣлишки , Климъ, идушъ?

(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовушъ.)

Дѣлишки , баринъ? Да не худо!

Такъ ошъ того-шо ты шакъ веселъ, шакъ поешъ?

Ты, сшало, счасшливо живешъ?

На Бога грѣхъ роишашъ, и что жъ за чудо?

Рабошою завалень я всегда;

Хозяйка у меня добра и молода:

А съ доброю женой, кто эшаго не знаешъ,

Живешся какъ-шо веселѣй.

И деньгн естѣ?—Ну, нѣшъ, хошъ лишнихъ не бываешъ:

За шо нѣшъ лишнихъ и запѣй.

И шакъ, мой другъ, шы бышъ богашъ не желаешъ?

Я эшаго не говорю,

Хошъ Бога и за шо, что естѣ благодарю:

Но самъ шы, баринъ, знаешъ,

Что человѣкъ пока живешъ,

Все хочешъ болѣе; шаковъ ужъ здѣшній свѣшъ.

Я-чай, вѣдъ и шебъ швоикъ сокровищъ мало;

И мнѣ бы бышъ богашѣй не мѣшало.

Ты дѣло говоришъ, дружокъ;

Хошъ при богашствѣ намъ естѣ шакже непріятства;

Хошъ говоряшъ, что бѣднось не порокъ;

Но все ужъ кодь шерпѣшъ, шакъ лучше отъ богашства.

Возми же: вошъ шебъ рублевииковъ мѣшокъ;

Ты мнѣ за правду полюбился.

Поди: дай Богъ, чтообъ шы съ моей руки разжился.

Смошри, лишъ промошашъ сихъ денегъ не моги,

И къ нуждѣ ихъ шы береги!

Пяшъ сошъ рублевъ шущъ вѣрнымъ счешомъ.

Прощай! — Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой:
Не бѣгомъ, лѣтомъ
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же noci въ подземелье
Зарылъ мѣшокъ и съ нимъ свое веселье.
Не только пѣсень нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!).
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка закребешъ;
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣшъ весь и ухо онъ приложишъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хвапился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Ошкупщику,
И говоритъ; спасибо на пріятствѣ;
Вотъ двой мѣшокъ, возми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спать.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не падобенъ ни миліонъ.

III.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орель

Изъ-подъ небесъ на спадо налещѣль

И выхватилъ ягненка;

А Воронъ молодой вблизи на то смошрѣль.

Взманило эшо Вороненка,

Да шолько думаешъ оцъ шакъ: ужь брашь, шакъ брашь,

А шо и когти чшо марашъ;

Бываюшъ и орлы, какъ видно, плоховашы.

Ну, шолько ль въ спадаъ, чшо ягняшы?

Вошь, я какъ захочу,

Да налечу,

Такъ царской подлинно кусочикъ подхвачу.

Тутъ Воронъ поднялся надъ спадомъ,

Окинулъ спадо жаднымъ взглядомъ;

Изъ множесшва ягняшъ, барановъ и овецъ,

Высмашриваль, сличаль, и выбраль наконецъ

Барана, да какаго?

Прежирнаго, премашераго,

Кошорый доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.

Издадась, на него спустился,

И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.

Тутъ поздно онъ узналъ, что добычь не по немъ.

Что хуже и всего, такъ на баранъ шомъ

Тулупъ такой былъ прекошмашый,

Густый, всклокоченный, хохлашый,

Что изъ него когшей не вышеребилъ вонъ

Запѣйникъ нашъ крылашый,

И кончили подвигъ шѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.

Съ барана паспухи его чинненько сняли;

А чтобы онъ не могъ лешашъ,

Ему всѣ крылья окарнали,

И дѣшамъ опдали играшъ.

Нерѣдко у людей шожъ самое бываешъ,

Коль мѣлкой плушъ

Большому плушу подражаешъ:

Что сходишъ съ рукъ ворами, за шо воришекъ бьюшъ.

IV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной зимной,
Спарикъ, изсохшій весь опть нужды и прудовъ,
Тащился медленно къ своей лачугѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.

Несъ, несъ онъ ихъ и ушомился,

Остановился,

На землю съ плечъ спустиль дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнуль, и думаль самъ съ собой:

Куда я бѣдёнъ, Боже мой!

Нуждаюся во всемъ; къ шому жъ жена и дѣши;
А щамъ подушное, боярщина, оброкъ:

И выдался ль когда на свѣтъ

Хошя одинъ мнѣ радостный денёкъ?

Въ такомъ уныніи, на свой пѣняя рокъ,
Зовешъ онъ смерть. Она у насъ не за горами,

А за плечами:

Явилась вмигъ,

И говоришь: зачѣмъ ты звалъ меня, Спарикъ?

Увидѣвши ея свирѣпую осанку,

Едва промолвишь могъ бѣднякъ, ошоропѣвъ:

Я звалъ себя, коль не во гнѣвъ,

Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

Изъ басни сей

Намъ видѣть можно,

Что какъ бываетъ жить ни пошню,

А умирашь еще пошнѣй.

V.

ПОДАГРА И ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:

Слухъ эшопъ Лафоншенъ по свѣту разпустилъ.

Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивашъ и мѣришь,

На сколько правды пушь: да и кому,

Коль не ему,

Намъ въ басняхъ вѣришь?

И сшало нѣтъ сомнѣнья въ томъ,

Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.

Какъ выросли они, и подоспѣло время

Приспороишь дѣшокъ къ должностямъ

(Для добраго ошца большія дѣши бремя,

Пока они не по мѣшамъ!);

То, опшуская въ міръ ихъ къ намъ;

Сказаль родишель имъ: подише

Вы, дѣтушки, на свѣтъ и землю раздѣлите!

Надежда въ васъ большая естъ,

Чшо оба вы мою поддержише тамъ честь,

И оба людямъ вы равно надѣдите.

Смошрише же опселѣ напередъ,

Кто чшо изъ васъ въ удѣлъ себѣ возмешъ?

Вонъ, видите ль вы пышные чершогі?

А тамъ вонъ хижины убогі?

Въ однихъ просторъ, довольство, красоша;

Въ другихъ и шѣсноша,

И шрудъ, и нищеша.

Мнѣ хижинъ ни за чшо не нада:

Сказаль Паукъ. — А мнѣ не надобно палашъ,

Подагра говоритъ; пущь въ нихъ живешъ мой брашъ:

Въ деревнѣ, опъ апшекъ подалѣ, жишъ я рада;

А шо меня хирурги, доктора

Тамъ стгоняшъ съ каждаго богашаго двора.

Такъ смолвясъ, брашъ съ сесстрой пошли, явились въ міръ.

Въ великолѣпнѣйшей кварширѣ

Паукъ владѣніе себѣ опмѣжеваль:

По штофамъ пышнымъ, разцвѣтонымъ

И по корнизамъ золоченымъ

Онъ паушину разослалъ,

И мухъ бы пропасть нахватавъ;
Но къ разсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смель слуга долой.
Паукъ мой шерпѣливъ; онъ къ печкѣ перебрался:
Ошполѣ Паука мешлой.

Туда, сюда, Паукъ бѣдняжка мой:
Но гдѣ основу ни напянешь,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ,

А съ нею и его часпехонько сметешь.
Паукъ въ ошчаянѣ; и за городъ идетъ

Увидѣшься съ сесприцей:
Чай, въ селахъ, говоришь, живетъ она царицей.
Пришелъ, а бѣдная сеспра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:

Хозяинъ съ ней и сѣно косить
И рубить съ ней дрова, и воду съ нею носишь:
Примѣша у простыхъ людей,
Чшо чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй

Избавишься отъ ней.
Нѣтъ, брашецъ, говоришь она, не жизнь мнѣ въ полѣ;
А брань

Тому и радъ:
Онъ шупъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся;
Вползъ въ избу къ мужику, съ шоваромъ разобрался,

И, не боясь ни щетки, ни мешлы,
Зашкалъ и пошолокъ и спѣны и углы.

Подагра же потщась въ дорогу;

Простилася съ селомъ;

Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходишельству съдому съла въ ногу.

Подагрѣ рай; пошло жишье у старика:

Не сходишь съ нимъ она долой съ пуховика.

Съ шѣхъ поръ съ сеспрою брашъ ужъ болѣ ни видался;

Всякъ при своемъ у нихъ остался,

Доволенъ участью равно:

Паукъ по хижинамъ пустился неопряшнымъ,

Подагра же пошла по богачамъ и знашнымъ:

И оба дѣлають умно.

VI.

ЛИСИЦА И ВІНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки на виноградъ
Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ.
Лишь шо бѣда, висятъ онѣ высоко:
Ошколь и какъ она къ нимъ ни зайдесть;
Хоть видишь око,
Да зубъ неймешь.
Пробившись полуспу часъ цѣлой,
Пошла и говоришь съ досадою: ну, что жъ!
На взглядъ- шо онъ хорошъ,
Да зелень; ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.

VII.

ОСЕЛЬ И СОЛОВЕЙ.

Осель увидѣлъ Соловья,
И говоришь ему: послушай-ка, друже!
Ты, сказываюшь, пѣшь великой мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, швое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?
Тушь Соловей являшь свое искусство спалъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, шянуль, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И шомной вдалекѣ свирѣлю ошдавался,
То мѣлкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался.
Внимало все шогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Зашихли вѣшерки, замолкли пшичекъ хоры,
И прилегли шпада.
Чушь-чушь дыша, паспухъ имъ любовался,
И шолько иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
Изрядно, говоришь : сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣшухомъ :
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.
Услыша судъ шакой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ, и полетѣлъ за шридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ эшакихъ судей.

VIII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знамень и силёнъ,
Да неумёнъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.
На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть кажется Слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ уroda :
Нашъ воевода

Въ родню былъ шолеть,

Да не въ родню былъ просеть;

А съ умыслѣ онъ мухи не обидишь.

Вошь добрый воевода видишь:

Всупило онъ овецъ прошеніе въ приказъ,

Что волки-де совсѣмъ сдирають кожу съ насъ.

О плушы, Слонь кричитъ: какое преступленье!

Кто грабишь далъ вамъ позволенье?

А волки говорятъ: помилуй, нашъ отецъ!

Не шы ль намъ къ зимѣ на шулупы

Позволилъ легонькой оброкъ собрашь съ овецъ!

А что онъ кричашъ, такъ овцы глупы;

Всего-то придешь съ нихъ: съ сесшры по шкуркѣ сняшь;

Да и шого имъ жаль ошдашь.

Ну, шо-то жъ, говоришь имъ Слонь, смотрите;

Неправды я не пошерплю ни въ комъ:

По шкуркѣ, такъ и бышь, возмише,

А больше ихъ не шроньше волоскомъ!

ІХ.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣтъ, и на просторъ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и пошолокъ,
Покралъ безсовѣстно, чшо могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну шакъ, чшо нашъ мужикъ бѣднякъ
Богашымъ легъ, а съ голью вспалъ шакою,
Хоть по міру поди съ сумою:
Не дай Богъ никому проснущься худо шакъ!
Крестьянинъ тужишь и горюешь,
Родню сзываешь и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей:
Нельзя ль какъ, говоришь, помочь бѣдѣ моей?
Тутъ всякой съ мужикомъ шолкуешь
И умный свой даешь совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоришь: эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Чшо столько шы богашъ.

Свашь Климычъ говоритъ : впередъ, мой милый свашъ,
Сшарайся клѣпъ къ избѣ гораздо ближе спавишь.

Эхъ, брашцы, эшо все не такъ,

Сосѣдъ толкуешъ Фока :

Да надо на дворѣ лихихъ держашъ собакъ ;

Возми-ка ты впередъ щенка любого

Ошъ Жучки : я бы радъ сосѣда дорогаго

Ошъ сердца надѣлишь,

Чѣмъ ихъ шопишь.

И словомъ ошъ родни и ошъ друзей любезныхъ

Совѣшовъ тысячу надавано полезныхъ,

Кшо сколько могъ ;

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣшъ шаково жъ : коль въ нужду попадешся,

Отвѣдай сунушься къ друзьямъ ;

Начнушь совѣшовашъ и вкось тебѣ и впрямъ :

А чушь о помощи на дѣлѣ заикнешся,

То лучшей другъ

И нѣмъ и глухъ.

X.

ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

Коль въ домѣ спануть воровашь,
А нѣтъ прилики вору;
То берегись клепашь,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжашь заставишь,
И отъ меньшей бѣды въ большую попадешь.

Купчина выстроилъ анбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ шовары;
А чшобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.

Спокоенъ отъ Мышей Купчина:
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто эшаго не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываешь.

Тушь, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказашъ его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ шакой замысловаый,
И правый пушъ и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ спалъ Купчина мой.
А Мыши лишъ того и ждали и хошѣли:
Лишъ кошки вонъ, онѣ въ анбаръ,
И въ двѣ, иль при недѣли,
Пошѣли весь шоваръ.

XI.

С Л О Н Ъ И М О С Ъ К А .

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно напоказъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили,
Ошколь ни возмись на встрѣчу Мосъка имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него меташся,
И лаяшь, и визжаешь, и рвашся:
Ну, шакъ и лѣзешь въ драку съ нимъ.

Сосѣдка, пересшань срамисься,
 Ей Шафка говоришь: шебъ ль съ Слономъ возишься?
 Смошри, ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идешь

Впередъ,

И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.

Эхъ, эхъ: ей Моська опвѣчаетъ,
 Вошь шо-шо мнѣ и духу придаешь,

Чшо я совсѣмъ безъ драки
 Могу попастьъ въ большія забіяки.

Пускай же говоряшь собаки:

Ай, Моська! Знашь она сильна,

Чшо лаешь на Слона.

XII.

ВОЛКЪ И ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка Волкъ начавъ помалу приучашъ

Опцовскимъ промысломъ пишашъся,

Послалъ его опушкѣй прогуляшъся;

А между тѣмъ велѣлъ прилѣжнѣй примѣчать,

Не лзя ль гдѣ счастья имъ опвѣдашь,

Хошь захваши грѣха,

На счешъ бы пашуха

Позавтракашь, иль пообѣдашь.

Приходишь ученикъ домой

И говоришь: пойдёмъ скорѣй со мной!

Обѣдъ гошовъ; ничто не можешь быть вѣрить:

Тамъ подъ горой

Пасушь овецъ, одна другой жирнѣе;

Любую стоишь лишь унесшь

И съѣшь;

А спадо шаково, что трудно перечесъ.

Поспой-ка, Волкъ сказалъ: сперва мнѣ вѣдай нада,

Каковъ пасухъ у спада? —

Хоть говоряшь, что онъ

Неплохъ, забойливъ и умёнъ;

Однако спадо я обшелъ со всѣхъ споронъ,

И вымошрѣлъ собакъ: онъ совсѣмъ не жирны,

И плохи, кажется, и смирны.

Меня шакъ эштошь слухъ,

Волкъ шарый говоришь, не очень къ спаду манишь:

Коль подлинно неплохъ пасухъ;

Такъ онъ плохихъ собакъ держаъ не станешь;

Тушь потчасъ попадешь въ бѣду.

Пойдемъ-ка, я тебя на спадо наведу,

Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:

Хошя при спадѣ помъ и множесшво собакъ,

Да самъ пасухъ дуракъ;

А гдѣ пасухъ дуракъ, шамъ и собаки дуры.

XIII.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Какъ хочешь ты шрудись;
Но приобрьсть не льшись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ швоихъ шрудахъ ни пользы, ни забавы.

Крешьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей шрудился;
Трудился шакъ крешьянинъ мой,
Чшо градомъ пошъ съ него кашился:
Мужикъ рабошникъ былъ прямой.
За шо, кшо мимо ни проходишь,
Ошъ всѣхъ ему: спасибо, исполашъ!
Маршышку эшо въ завишъ вводишь:
Хвалы приманчивы, какъ ихъ не пожелашь!
Маршышка вздумала шрудишься:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возишься!

Хлопошь

Маршышкѣ полонъ рошъ:
Чурбанъ она шо понесѣтъ,

То шакъ, шо сакъ его обхвашить,
То поволочешъ, шо покашишь;
Рвкой съ бѣдняжки лъешься пошъ;
И накопецъ она, пыхтя, насилу дышишь:
А все ни ошъ кого похваль себѣ не слышишь.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ эшомъ нѣтъ.

XIV.

СОВѢТЬ МЫШЕЙ.

Когда-шо вздумалось Мышамъ себя прославить,
И, не смошря на кошекъ и кошовъ,
Свессти съ ума всѣхъ клюшницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ шрубишь засшавишь
Ошъ погребовъ до чердаковъ;
А для того Совѣтъ назначено сосшавишь,
Въ кошоромъ засѣдашь лишь шѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣша у Мышей, что шощъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расшоропнѣе вездѣ.

Умно ли то: шеперь мы спрашивать не будемъ;
При томъ же объ умѣ мы сами часто судимъ

По плащю, иль по бородѣ.

Лишь нужно знашь, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ Совѣшъ:

У коихъ же хвоста къ несчастью иѣтъ,
Хотя бѣ лишились ихъ онѣ среди сраженья;

Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,

Иль нерадѣнья,

Такихъ въ Совѣшъ не принимаешь,

Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не разшеряшь.

Все дѣло слажено; повѣщено собранье,

Какъ ночь настанешь на дворъ;

И наконецъ въ мушномъ ларѣ

Открышо засѣданье.

Но лишь позаняли мѣста,

Анъ-глядь, сидишь шустъ крыса безъ хвоста.

Примѣшя то, съдую Мышь шолкаешь

Мышенокъ молодой,

И говоришь: какой судьбой

Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаешь?

И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?

Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;

И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,

Когда и своего хвоста не сберегла?

Она не только насъ, подполицу всю сгубишь.

А Мышь въ ошвѣпъ: молчи; все знаю я сама;
Да эша крыса мнѣ кума.

XV.

М Ы Ш О К Ъ.

Въ прихожей на полу
Въ углу
Пустой Мъшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мъшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набишь;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежишь.
Хозяинъ самъ его лелѣешь
И бережешь Мъшокъ онъ шакъ,
Что на него никакъ
Ни вѣшеръ не пахнешь, ни муха съѣсть не смѣешь;
А сверхъ шого съ Мъшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходишь:
Охошно о Мъшкѣ рѣчь ласкову заводишь;

А ежели Мѣшокъ ошкрыпъ :
То всякой на него умильно пакъ глядишь ;
Когда же кто къ нему подсядешъ :
То вѣрно ужъ его пошреплешъ , нль погладишь .
Увидя , что у всѣхъ онъ спалъ въ такой чеспи ,
Мѣшокъ завелпчался ,
Заумничалъ , зазнался ,
Мѣшокъ заговорилъ , и началъ вздоръ нести ;
О всемъ и рядешъ онъ и судишь :
И то нешакъ ,
И шотъ дуракъ ,
И изъ того-то худо будешъ .
Всѣ только слушають его , разинувъ ротъ ;
Хотъ онъ такую дичь несешъ ,
Что уши вянушь :
Но у людей , къ несчастью , шотъ порокъ ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи , всему дивишься спанушь .
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чеспи и слылъ съ умомъ ?
И долго ли его ласкали ?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали ;
А шамъ онъ выброшенъ и слуху нѣтъ о нёмъ .
Мы басней никого обидѣть не хотѣли :
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между ошкущниковъ ,

Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;

Иль между игроковъ,

Которы у себя за рѣдкость рубль видали;

А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты спали,

Съ кошорами теперь и графы и князья,

Друзья;

Которые теперь съ вельможей,

У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,

Играють запросо въ босшонтъ?

Велико дѣло миліонъ!

Однако же, друзья, вы сколько не гордишесь!

Скажашъ ли правду вамъ шишкомъ?

Не дай Богъ, если разоришесь:

И съ вами точно шакъ поступяшъ, какъ съ мышкомъ.

XVI.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-шо Поварь грамотѣй
Съ поварни побѣждалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ эшошь день по кумѣ шризну правилъ).
А дома сперечи съѣстное отъ мышей
Коша оставилъ.
Но что же, возвращаясь, онъ видитъ? На полу
Обѣдки пирога; а Васька-кошъ въ углу,
Припавъ за укуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, шрудился надъ курченкомъ.
Ахъ, ты, обжора! Ахъ, злодѣй!
Тушь Ваську Поварь укоряетъ:
Не спыдно ль спѣтъ тебѣ, не только что людей
(А Васька все-таки курченка убираетъ)?
Какъ, бывъ чеспнымъ Кошомъ до эпихъ поръ...
Бывало, за примѣръ шебя смиреншва кажущъ:
А ты... ахши какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажущъ:
Кошъ-Васька плущъ, кошъ-Васька воръ!

И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускашь не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тушь ришоръ мой, давъ волю словъ печеню,
Не находилъ конца правоученю.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на спѣикъ зарубить,
Чтобъ шамъ рѣчей не прашить попусшому,
Гдѣ нужно власть упошребить.

XVII.

ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядкахъ шакъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:

Мужикъ решивый былъ работникъ,

И дюжъ и свѣжъ на взглядъ.

Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсошны грядъ.

Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охошникъ

До огородовъ и садовъ,

Великій краснобай, названный другъ природы,

Недоученый Философъ,

Который лишь изъ книгъ болшала про огороды.

Однако жъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходишь,

И тоже огурцы сажать;

А между тѣмъ смѣялся шакъ сосѣду:

Сосѣдъ, какъ хочешь ты пошѣй,

А я съ работою моею

Далеко отъ тебя уѣду;

И огородъ швой при моемъ

Казаться будетъ пусыремъ.

Да, правду говоришь, я и шому дивился,

Чшо огородишка тввой кое-какъ идешъ:

Какъ ты еще не разорился?

Ты, чай-вѣдь, никакимъ наукамъ не учился?

И некогда: сосѣда былъ ошвѣшъ;

Прилѣжнось, навѣкъ, руки:

Вошъ всѣ мои шущъ и науки;

Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ.

Невѣжа, возставаешь прошивъ наукъ ты смѣешь?

Нѣтъ, баринъ, не шолкуй моихъ такъ криво словъ;

Коль ты что пушное зашѣешь,

Я переняешь всегда гошовъ.

А вошъ, увидишь ты, лишъ лѣша бѣ намъ дождашься.

Но, баринъ, не пора ль за дѣло принимаешься?

Ужъ я кой-что посѣялъ, посадилъ;

А ты и грядъ еще не взрылъ.

Да, я не взрылъ, за недосугомъ;

Я все чишалъ,

И вычиталъ,

Чѣмъ лучше: засшупомъ ихъ взрышь, сохой, плъ плугомъ?

Но время еще не уйдешь.

Какъ васъ, а насъ оно не очень ждешь,

Послѣдній ошвѣчалъ: и шущъ же съ нимъ разшался,

Взялъ засшупъ свой;

А Философъ пошелъ домой,

Чишалъ, выписывалъ, справлялся;

И въ книгахъ рылся и въ грядяхъ;

Съ упра до вечера въ трудахъ.
 Едва съ одной работою сладишь,
 Чуть на грядкахъ лишь что взойдешь:
 Въ журналахъ новость онъ найдешь,
 И все изроешь, пересадишь
 На новый ладъ и образецъ.
 Какой же вылился конецъ?
 У Огородника возшло все и поспѣло;
 Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло:
     А Философъ
     Безъ огурцовъ.

XVIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
     Куль красшь?
 Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ, встрѣясь съ нею;
     Я право о тебѣ жалю!
     Послушай, мы теперь вдвоемъ;
 Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоємъ
     Ни на волосъ добра не видно.
 Не говоря уже, что красшь и грѣхъ и стыдно,

И что бранишь тебя весь свѣшъ ;

Да дня такаго нѣшъ ,

Чшобъ не боялась ты за ужинъ , иль обѣдъ

Въ куряшникѣ оставишь шкуры ;

Ну , спояшъ ли шого всѣ куры ? —

Кому такая жизнь сносна ?

Лисица отвѣчаетъ :

Меня шакъ все въ ней сполько огорчаетъ ,

Чшо даже часто мнѣ и пища невкусна .

Когда бъ ты зналъ , какъ я въ душѣ чесшна !

Да что же дѣлашъ ? Нужда , дѣши ;

При томъ же иногда , голубчикъ-кумъ ,

И то приходишь въ умъ ,

Чшо я ли воровствомъ одна живу на свѣшъ ,

Хоть эшотъ промыселъ мнѣ шочно оспрый ножъ ? —

Ну , чшожъ ?

Крестьянинъ говоришь , коль вправду ты не лжѣшь ,

Я ошъ грѣха тебя избавлю ,

И честный хлѣбъ тебѣ доспавлю ;

Наймись куряшникъ мой ошъ лись ты охранять :

Кому , коль не Лисѣ , всѣ лисьи плушни знашь ?

За то ни въ чемъ не будешь ты нуждашься ,

И станешь у меня какъ въ маслѣ сырѣ кашаться .

Торгъ слаженъ : и съ шого жъ часа

Вступила въ караулъ Лиса .

Пошло у мужика житье Лисѣ привольно ;

Мужикъ богашъ , всего Лисъ довольно :

Лисица спала и сыпнѣй ,

Лисица спала и жирнѣй ;

Но все не сдѣлалась честнѣй :

Некраденый кусокъ прѣлся скоро ей ;

И кумушка пѣмъ службу повершила ,

Что , выбравъ ночь пошемнѣй ,

У куманька всѣхъ куръ передушила .

Въ комъ есть и совѣсть и законъ ;

Тошъ не украдешъ , не обманешъ ,

Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ :

А вору дай хошъ миліонъ ,

Онъ воровашъ не перешанешъ .

XIX.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Льву , кесарю лѣсовъ , Богъ сына дароваль .

Звѣриную вы знаете природу :

У нихъ , не какъ у насъ ; у насъ ребенокъ году ,

Хошя бъ онъ царскій былъ , и глушъ и слабъ и малъ ;

А годовалый львенокъ

Давно ужь вышелъ изъ пеленокъ.

Такъ къ году Левъ-отецъ не шушкой думашь спалъ,

Чшобы сына не вѣжей не оставишь,

Въ немъ царску чесъ не уронишь,

И чшобъ, когда сынку придется царствомъ править;

Не спалъ бы за сына народъ отца бранить.

Кого жь бы попросишь, наняшь, или засшавишь,

Царевича царемъ навѣучку поставишь?

Ошдашь его лисъ: лиса умна,

Да лгашъ великая охошница она;

А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:

Такъ это, думалъ царь, не царская наука.

Ошдашь крошу: о немъ молва была,

Чшо онъ во всемъ большой порядокъ любишь,

Безъ ошупи шага не спужишь,

И всякое зерно для своего шлоа

Онъ самъ и чиспишь, самъ и лупишь;

И словомъ, слава шла,

Чшо крошъ великій звѣрь на малыя дѣла:

Бѣда лишь, подъ носомъ глаза крошовы зорки,

Да вдаль не видяшь ничего;

Порядокъ же крошовъ хорошъ, да для него:

А царство львиное гораздо больше норки.

Не взять ли барса? Барсъ опшавень и силѣнь,

А сверхъ шого великій шакпикъ онъ;

Да барсъ полишки не знаешь:

Гражданскихъ правъ совѣтъ не понимаетъ:
 Какіе жь царствовать уроки онъ подаетъ?
 Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
 А барсъ лишь рѣзаться гораздъ:
 Такъ и дѣшей учишь онъ царскихъ недостойнъ.
 Короче: звѣри всѣ, и даже самый слонъ,
 Кошорый былъ въ лѣсахъ почтѣнъ,
 Какъ въ Греціи Платонъ,
 Имъ все еще казался не умѣнъ,
 И не учѣнъ.
 По счастью, или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
 Услышавъ про царево горе,
 Такой же царь, пернашыхъ царь, орель,
 Кошорый вель
 Со Львомъ пріязнь и дружбу,
 Для друга сослужить большую взялся службу,
 И вызвался самъ Львенка воспитать.
 У Льва какъ гору съ плечъ свалило.
 И подлинно: чего, казалось, лучше было,
 Царевичу царя въ училища сыскать?
 Вотъ Львенка снарядили
 И опустили
 Учишься царствовать къ орлу.
 Проходишь годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни спросятъ,
 О Львенкѣ ошѣ слышатъ похвалу:
 Всѣ пищи чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.

И наконецъ приходишь срочный годъ;
Царь-Левъ за сыномъ шлѣшь.
Явился сынъ; шупъ царь собираешь весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуешь, обнимаешь,
И говоришь ему онъ такъ: любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь:
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ,
Скажи шеперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему учень ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлашь чаешь?—
Папа, опившесшвоваль сынокъ, я знаю шо,
Чего не знаешь здѣсь никшо;
И отъ орла до перепѣлки,
Какой гдѣ пшицы болѣ водъ;
Какая чѣмъ изъ нихъ живѣшь,
Какія яйца несѣшь,
И пшичи нужды всѣ сочшу вамъ до иголки:
Вотъ отъ учителей тебѣ мой апшесшашъ;
У пшицъ недаромъ говоряшь,
Чшо я хвашаю съ неба звѣзды;
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я потчасъ начну звѣрей учить
Вишь гнѣзды.
Тутъ ахнуль царь и весь звѣриный свѣтъ;

Повѣсилъ головы совѣтъ;
 А Левъ-шарикъ поздененько спохватился,
 Чшо Львенокъ пуссякамъ учился;
 Чшо пользы мало въ шомъ, или и вовсе нѣтъ,
 Чшобъ знать, кшо какъ у ищицъ живетъ,
 Тому, кого звѣрьми владѣтъ зоветъ природа;
 И чшо главнѣйшая наука для царей:
 Знать свойство своего народа
 И выгоды земли своей.

 XX.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣпнѣй день,
 Бросая по долину шѣнь,
 Листки на деревъ съ зефирами шепшали;
 Хвалились густошой, зеленошью своей,
 И вошь, какъ о себѣ зефирамъ шолковали:
 Не правда ли, чшо мы краса долину всей?
 Чшо нами дерево шакъ пышно и кудряво;
 Раскидисшо и величаво?
 Чшобъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
 Хвалишь себя мы можемъ безъ грѣха!

Не мы ль опть зноя паспуха
И странника въ шѣни прохладной укрываемъ?

Не мы ль красавосшью своей
Плясашь сюда паспушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и познею зарей

Насвисываешъ соловей.

Да вы, зефиры, сами

Почши не расстаешь съ нами. —

Примолвишь можно бы спасибо пушъ и намъ:

Имъ голосъ ошвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.

Кшо смѣешъ съ нами шакъ счишаешь дерзновенно?

Кшо вы шакіе шамъ?

Лисшы по дереву шумя залепешали. —

Мы шѣ,

Кошорые, здѣсь роясь въ темношѣ,

Пишаемъ васъ. Уже ль не узнаете?

Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣшеше.

Красуйшесь въ добрый часъ;

Да шолько помнише шу разницу межъ насъ,

Чшо съ новою весной лисшъ новый народишся;

А если корень изсушишся,

Не станешъ дерева, ни васъ.

XXI.

ГУСИ.

Предлинной хвороспиной
Мужикъ Гусей гналь въ городъ продавать;
И правду испину сказать,
Не очень вѣжливо чесшилъ свой гуршъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснешся,
Не только шамъ гусямъ, и людямъ доспаешся).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣшяся съ прохожимъ на пуши,
Вопъ какъ на мужика пѣняли:
Гдѣ можно насъ Гусей несчастнѣе найши?
Мужикъ шакъ нами помыкаешъ,
И насъ какъ будто бы просыхъ гусей гоняешъ;
А эшаго не смыслишь неучъ сей,
Чшо онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Чшо мы свой знашный родъ ведемъ ошъ шѣхъ гусей,
Кшорымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.—
А вы хошите бытъ за что опличены?

Спросилъ прохожій ихъ. — Да наши предки... Знаю,
И все чиналь; но вѣдашь я желаю,
Вы сколько пользы принесли? —
Да наши предки Римъ спасли. —
Все шакъ, да вы чшо сдѣлали шакое? —
Мы? Ничего! — Такъ чшожь и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и чесшь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Баснь эшу можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ Гусей не раздражнишь.

XXII.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то запесалась;
Вокругъ конюшень шамъ и кухонъ наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши до сыща накупалась:
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньей.
Ну чшожь, Хавронья, шамъ шы видѣла шакаго?
Свинью спросилъ паспухъ:

Вѣдь идешъ слухъ,
 Чшо все у богачей лишъ бисерь да жемчугъ;
 А въ домъ такъ одно богатшье другаго? —
 Хавронья хрюкаешъ: ну, право, порюшъ вздоръ!
 Я не примѣшила богатства никакого;
     Все только лишъ навозъ, да соръ:
 А, кажешся, ужъ, не жалѣя рыла,
     Я тамъ изрыла
     Весь задній дворъ.

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
 Но какъ же крипика Хавроньей не назвашъ,
     Который, что ни станешъ разбирашъ,
     Имѣешъ даръ одно худое видѣшъ?

XXIII.

ОРЕЛЪ И ПАУКЪ.

За облака Орель
 На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
 На кедръ тамъ сполѣшнемъ съѣлъ,
 И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
 Казалось, чшо ошполь онъ видѣлъ край земли:

Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь роши и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море
Какъ ворона крыло чернѣлося въ дали.
Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдишь такимъ полешомъ,
Что неприступной я не знаю высоты
(Орель къ Юпишеру зоветъ),
И что смотрю ошоло на міра красоты,
Куда никто не залезаетъ! —
Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу,
Паукъ ему шепъ съ вѣлки отвѣчаетъ;
Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу? —
Орель глядишь: и подлинно Паукъ,
Надъ самымъ имъ разкинувъ сѣтъ вокругъ,
На вѣсточкѣ хлопочетъ,
И, кажется, Орлу зашкавъ онъ солнце хочетъ.
Ты какъ на этой высотѣ?
Спросилъ Орель; и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда спускашься смѣютъ:
А ты безъ крыль и слабъ; не уже ль ты доплзъ? —
Нѣтъ, я бѣ на это не рѣшился. —
Да какъ же здѣсь ты очутился? —
Да я къ тебѣ же прицѣпился,

И снизу на хвостъ ты самъ меня занёсъ:
Но здѣсь и безъ тебя умъю я держаться;
И такъ передо мной прошу не величаться;
И знай, что я.... Тутъ вихрь ошколъ ни возмись,
И сдунулъ Паука опять на самый низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На эсакыхъ нерѣдко пауковъ
Тъ, кои, безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащась вверхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надувають грудь,
Какъ будшо бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хоть стоишь въпру лишь пахнущъ,
Чшобъ ихъ унести и съ паушиной.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Рис. М. Чернышова

59

Грав. С. Соловьевым

ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ.

Б А С Н И.

І.

О С Е Л Ъ   И   М У Ж И К Ъ .

Мужикъ на льшо въ огородъ
Нанявъ, Осла приславиль
Воронъ и воробьевъ гоняшь нахальный родъ.
Осель былъ самыхъ честныхъ правилъ :
Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ,
Не поживился онъ хозяйскимъ ни лишкомъ,
А птицамъ, грѣхъ сказать, чшобы давалъ пощачку;
Но Мужикъ барышъ былъ съ огорода плохъ.
Осель, гоняя птиць, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперѣгъ,
Такую поднялъ скачку,
Чшо въ огородѣ все примялъ и прищопшалъ.
Увидя шутъ, чшо шрудъ его пропалъ,
Кресшьянинъ на спинѣ ослиной
Убышокъ вымѣспилъ дубиной.
И ништо, всѣ кричатъ, скошинѣ подѣломъ!

Съ его ль умою

За это дѣло браться?

А я скажу, не съ шѣмъ, чѣмъ за Ослу вступаться;
Онъ точно виновать (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ):

Но, кажется, неправъ и шопъ,

Кшо поручилъ Ослу сперечь свой огородъ.

II.

ЛАНЬ И ДЕРВИШЬ.

Младая Лань, своихъ лишаась любезныхъ чадъ,

Еще сосцы млекою имѣя опягченны,

Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченяшъ,

И стала выполняшъ долгъ машери священный,

Своимъ питаю ихъ млекою.

Въ лѣсу живущій съ ней однимъ,

Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,

О, безразсудная, сказала, къ кому любовь,

Кому свое млеко ты распочаешь?

Иль благодарности отъ ихъ ты рода чаешь?

Бышь можешь, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)

Они прольютъ твою же кровь.—

Бышь можешь, Лань на эшо опивчала;

Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство мащери одно шеперь лишь мило,
И молоко мое меня бы лягошило,
Когда бъ не спала я пищать.

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро шворишь:
Кшо добрь, шому избышки въ шягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлишь.

III.

ОРЕЛЪ И КРОТЪ.

Не презирай совѣща ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ орицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ ошаться въ немъ,
И, выбравши вѣшвисшый дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ спали вишь,
Надѣясь и дѣшей щушь вывести на лѣшо.

Услыша Крошъ про это,
Орлу взявъ смѣлосшь доложишь,
Что эшошъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корцѣ сгнилъ
И скоро, можешь быть, свалился;
Такъ чшобъ Орель гнѣзда на немъ себѣ не виль.
Но кешапи ли Орлу приняшь совѣтъ изъ норки,
И отъ Кроша? А гдѣ же похвада,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что за спашъ Крошамъ мѣшались смѣшъ въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многого съ Крошомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣщичика презря,
И новоселье у царя
Послѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ ешь и дѣши у орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарей,
Орель изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богашымъ завшракомъ съ охоты шоропился,
Онъ видишь: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣшей.
Отъ горесши не взвидя свѣша:
Несчастный, онъ сказалъ,
За гордосшь рокъ меня такъ люшо наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣща.

Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Крошъ совѣшь могъ добрый дать?—
Когда бы ты не презрѣлъ мною,
Изъ норки Крошъ сказалъ: то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знашь могу върнѣй.

IV.

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ ненадобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
За шѣмъ, что истина сноситѣ вполоткрыта!

Лиса, куряшинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ сгогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядишь, а въ гости къ ней голодный Волкъ шащился.
Что, кумушка, бѣды: онъ говоришь,
Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодь и моришь;

Собаки злы, паспухъ не спишь,
 Пришло хошь удавишься!—
 Не ужь ли?—Право шакъ.—Бѣдняжка-куманѣкъ!
 Да не изволишь ли сѣнца? Вошь цѣлый спогъ:
 Я куму услужишь гошова.
 А куму не сѣнца, хошьлось бы мяснова;
 Да про запасъ Лиса ни слова.
 И сѣрый рыцарь мой,
 Обласканъ по уши кумой,
 Пошелъ безъ ужина домой.

V.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака,
 Бумажный Змѣй, примѣшя свысока
 Въ долину Мошылка:
 Повѣришь ли, кричишь, чушь-чушь себя мнѣ видно!
 Признайся, что тебѣ завидно
 Смогрѣшь на мой высокой споль полешъ.
 Завидно? Право, нѣтъ!
 Напрасно о себѣ шы много шакъ мечтаешь!
 Хошь высоко, но шы на привязи лешаешь.

Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далѣко;
А я, хоть правда невысоко,
За то лечу,
Куда хочу;
Да я же шакъ, какъ шы, въ забаву для другаго,
Пустаго,
Вѣкъ цѣлый не шрещу.

VI.

ДЕРЕВО.

Увидя, что шопоръ крещьянинъ несъ:
Голубчикъ, Деревцо сказало молодое,
Пожалуй, выруби вокругъ меня шы лѣсъ;
Я не могу росши въ покоѣ:
Ни для корней моихъ простора нѣтъ;
Ни въ шеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплещъ изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него росши помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалась красою сей странѣ,
И шѣню бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ я шонка, почши какъ хворосшина.

Взялся крестьянинъ за шопоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Девца большой очистился просторъ.
Но шоржесство его недолго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ съчетъ,
И въпрямъ наконецъ шо Девцо сломило.—
Безумное: ему сказала шущъ змѣя,
Не ошъ тебѣ ль бѣда швоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу, шы возраспало;
Тебѣ бъ вредишь ни зной, ни въпры не могли,
Тебя бы шарые деревья берегли,
А если бъ нѣкогда деревьевъ шѣхъ не спало,
И время ихъ бы ошошло;
Тогда въ свою чреду шы сполько бъ возрасло,
Усилилось и укрьпилось,
Что нынѣшней бѣды съ шобой бы не случилось,
И бурю, можетъ бышь, шы бъ выдержишь могло!

VII.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ соглася нѣшь;
На ладъ ихъ дѣло не пойдешь,
И выйдешь изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука
Везши съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ шрое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзущъ вонъ, а возу все нѣшь ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:

Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пыхтится назадъ, а Щука пьянеть въ воду.
Кшо виновать изъ нихъ, кто правъ: судишь не намъ;
Да шолько возъ и нынѣ шамъ.

VIII.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собакъ шой ни въ чемъ:
Иная бы такимъ живьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красъ!
Но ужъ у ней была такая спрасть,
Что изъ мяснаго ни достанешь,
Въ минушу сѣянешъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
Послушай, говоришь, хоть кажешься ты спрогъ;
Но ты лишь красъ Собаку приучаешь,
За шѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь.
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу ошнимай у ней.

Едва лишь на себя Собака испышала
Совѣсть разумный сей,
Шалишь Собака перестала.

IX.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодець купилъ огромный домъ,
Домъ правда дѣдовскій, но спроенный на славу:
И прочность и уютъ, все было въ домъ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ молодчику по нраву,
Да только то бѣды,
Немножко далеко споялъ онъ отъ воды.
Ну что жъ: онъ думаетъ, въ своемъ добрѣ я власнень;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевезъ
(Какъ видно, молодець механикой былъ спраснень!);
Лишь сани подъ него подвесъ,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье,
А шамъ уже, изладя на кашкахъ,
Я ворошомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣстѣ:

Когда перевозишь суда мой будущъ домъ ;
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ нёмъ ,

Пируя за большимъ столомъ ,
На новосельѣ я поѣду какъ въ каретѣ.

Плѣняя глупостью такой ,
И къ дѣлу прислунилъ шопчасъ Механикъ мой.
Рабочихъ порядилъ , подъ домомъ рылся , рылся ,
Ни денегъ , ни заботъ нимало не берёгъ ;
Однако жъ дома онъ перешащилъ не могъ ,

И шолько до шого добился ,
Чшо домъ его свалился.

Какъ много у людей
Зашѣй ,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй !

X.

ПРУДЪ И РѢКА.

Что это, говорилъ Рѣкъ сосѣдній Прудъ:

Какъ на тебя ни взглянешь,

А воды все свои текутъ!

Не уже ль таки ты, сестрица, не устанешь?

При томъ же, вижу я почти всегда,

То съ грузомъ тяжкія суда,

То долгоязыые плоты ты носишь;

Ужь я не говорю про лодки, челноки,

Имъ счесть нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?

Я право высохъ бы съ поски.

Въ сравненіи съ своимъ, какъ жребій мой пріятель!

Конечно я не знаешь,

По картъ не тянусь я черезъ цѣлый лѣсъ,

Мнѣ не бранчишь похвалъ какойнибудь гуслистѣ:

Да это право все пустое!

За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,

Какъ барыня въ пуховикахъ,

Лежу и въ нѣгѣ и покой;

Не только, что судовъ,

Или плошовъ

Мнѣ здѣсь не для чего спрашиваться :
Не знаю даже я , каковъ шяжелъ челнокъ ;

И много ежели случился ,

Что по водѣ моей чужь зыблется листокъ ,
Когда его ко мнѣ забросишь въперокъ .

Что беззабошную замѣнишь жизнь шакую ?

За въпрами со всѣхъ сторонъ

Не движась , я смопрю на суешу мірекую ,

И философствую сквозь сонъ . —

А , философствуя , ты помнишь ли законъ ,

Рѣка на это опвѣчаетъ ,

Что свѣжешь лишь вода движеньемъ сохраняетъ ?

И если спала я великою Рѣкой ,

Такъ это опъ того , что , кинувши покой ,

Послѣдую сему ушаву .

За то по всякой годъ

Обиліемъ и чистотою водъ

И пользу приношу , и въ честь вхожу и въ славу ,

И буду , можешь быть , еще я вѣки печь ,

Когда уже себя не будешь и вспомиנъ . —

Слова ея сбылись : она печешь понынѣ ;

А бѣдный Прудъ годъ опъ году все глохъ ,

Заволочень весь шиною глубокой ,

Зацвѣлъ , заросъ осокой ,

И наконецъ совсѣмъ изсохъ .

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянешъ,
Слабѣя всякой день,
Когда имъ овладѣешь лѣнь
И оживляешь его дѣшность не спашешь.

XI.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафшанъ продрался.
Что долго думаешь шить? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплашилъ. Кафшанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣ руки сшали.
Да что до этаго печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: такъ я же не дуракъ,
И шу бѣду поправлю;
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.
О, Тришка малой не проспой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и весель Тришка мой,
Хоть носишь онъ кафшанъ шакой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запушавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярманкѣ подоюникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брель домой проселочнымъ пушемъ,
Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужичка какъ липку ободралъ.
Помилуй, всплачется Крестьянинъ: я пропалъ,
Меня совсѣмъ ты доканалъ!
Годъ цѣлый я купишь коровушку собирался:
Насилу эшаго дождался дня.
Добро, не плачься на меня,
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доишь;
Ужь такъ и бышь,
Возми себѣ назадъ подоюникъ.

XIII.

Ц В Ъ Т Ы.

Въ ошворенномъ окнѣ богашаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, разписанныхъ горшкахъ,
Цвѣшны поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ шебеляхъ

Качались спѣсиво

И выставляли всею красу свою на диво.

Вотъ дождикъ началъ накрапашъ!

Цвѣшны шафяные Юпитера шущъ просятъ:

Не лзя ли дождь уняшь;

Дождь всячески они ругають и поносятъ.

Юпитерь, моляшся: шы дождикъ прекраши;

Чшо въ немъ пуши,

И чшо его на свѣшъ хуже!

Смотри, нельзя по улицѣ пройши:

Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи.

Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пусшой,

И дождь себѣ прошелъ своею полосой.

Прогнавши зной,

Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,

И зелень вся какъ будшо обновилась.
 Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
 Разкинулись во всей своей красть,
 И спали отъ дождя душистѣй,
 Свѣжѣ и пушистѣй.
 А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
 Лишились всей красы и брошены на дворъ,
 Какъ соръ.

Таланты истинны за крипику не злятся;
 Ихъ повредишь она не можешь красоты;
 Одни поддѣльные цвѣты
 Дождя боятся.

XIV.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Пріятель дорогой, здорово, гдѣ ты былъ? —
 Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ при ходилъ;
 Все видѣлъ, вымоштрѣлъ; отъ удивленья,
 Повѣришь ли, не станешь ни умѣнья,
 Пересказать тебѣ, ни силъ.
 Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палаша!

Куда на выдумки природа шароваша !

Какихъ звѣрей , какихъ шамъ пщицъ я не видалъ !

Какія бабочки , букашки ,

Козявки , мушки , шаракашки !

Однѣ какъ изумрудъ , другіе какъ коралль !

Какія крохошны коровки !

Есть право менѣ булавочной головки ! —

А видѣлъ ли слона ? Каковъ собой на взглядъ ?

Я-чай , подумалъ шы , чшо гору встрѣшилъ . —

Да развѣ шамъ онъ ? — Тамъ . — Ну , брашець , виновашъ :

Слона-шо я и не примѣшилъ .

XV.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни заштѣй ,

Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей ,

Они всегда найдуть уловку ,

Чшобъ сдѣлать шамъ , гдѣ имъ захочешся , снаровку .

Въ овечьи спаросшы у льва просился волкъ .

Сшараньемъ кумушки лисицы

Словцо о немъ замолвлено у львицы .

Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтъ полкъ,
И не сказали бы, что смотришь левъ на лица;

То вѣдно звѣриной весь народъ

Созвашъ на общій сходъ,

И распросишь того, другаго,

Что въ волкъ добраго онъ знаетъ, иль худаго.

Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созданы.

На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:

Но прошивъ волка нѣтъ ни слова,

И волка вѣдно въ овчарню посадишь.

Да что же овцы говорили?

На сходкѣ вѣдь онъ ужъ вѣрно были? —

Вопъ шо-шо нѣтъ! Овецъ-шо и забыли:

А ихъ-шо бы всего нужнѣй спросишь.

XVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла просишься въ домъ,

Не попусшому жишь безъ дѣла,

Нѣшь, нянчишь у него дѣшей она хошѣла:

Хлѣбъ слаще нажишой прудомъ!

Я знаю, говоришь она, худую славу,

Кошорая у васъ людей

Идешъ про Змѣй,

Что всѣ онѣ презлаго праву;

Изъ древности гласишь молва,

Что благодарности онѣ не знаютъ,

Что нѣшь у нихъ ни дружбы, ни родства,

Что даже собственныхъ дѣшей онѣ съѣдають.

Все это можетъ быть: но я не такова.

Я сроду никого не только не кусала;

Но шакъ гнушаюсь зла,

Что жало у себя я вырвашъ бы дала,

Когда бъ я знала,

Что жишь могу безъ жала;

И словомъ: я добрый

Всѣхъ Змѣй.

Суди жь, какъ буду я любишь твоихъ дѣтей! —

Коль эшо, говоришь Крестьянинъ, и неложно;

Все мнѣ приняшь тебя не можно:

Когда примѣрь такой

У насъ полюбяшь,

Тогда вползушь сюда за доброю Змѣй

Одной

Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубяшь.

Да, кажется, голубушка моя,

И пошому съ шобой мнѣ не ужишься,

Что лучшая Змѣя,

По мнѣ, ни къ чоршу не годишься.

Ошцы, поняшио ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...

XVII.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой:
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чѣмъ въ дѣлахъ успѣшный быть конецъ.

Какой-то смолodu Скворецъ
Такъ пѣлъ щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякой Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышъ, что хвалятъ соловья,
А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью,
И думаетъ: постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.

И подлинно запѣлъ,
 Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
 То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
 То непушѣмъ
 Онъ верещалъ козленкомъ,
 И, словомъ, разогналъ всѣхъ пшпцъ своимъ пѣньемъ.
 Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ помъ?
 Пой лучше хорошо щегленкомъ,
 Чѣмъ дурно соловьемъ.

XVIII.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Чшо волки жадны, всякой знаешь:
 Волкъ, ѣвши, никогда
 Костей не разбираетъ.
 За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
 Онъ косямъ чужь не подавился.
 Не можетъ Волкъ ни охнущъ, ни вздохнущъ;
 Пришло хошъ ноги пропянушь!
 По счастью, близко шущъ Журавль случился.
 Вошъ, кой-какъ знаками спалъ Волкъ его манишь;
 И проситъ горю пособить.

Журавль свой носъ по шею
Засунуль къ Волку въ пасть, и съ шрудностью большою
Косъь выпациль, и спаль за прудъ просишь.
Ты шупъшь, звѣрь вскричалъ коварный:
Тебѣ за шрудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А эшо ничего, что свой ты долгой носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣль унёсъ!
Поди жь, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!

XIX.

ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры спавъ пожаромъ,
Огонь, въ спремленнѣ яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей шой шревогъ,
Поперянный Алмазь
Едва сквозь пыль мелькаль, валясь по дорогъ,
Какъ ты со всей своей игрой,
Сказаль Огонь, ничшоженъ предо мной!
И сколь навичное пошребно зрѣнье,
Чшобъ различить шебя, при маломъ ошдалень,

Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучъ, иль мой, иль солнечный сіяетъ!

Ужь я не говорю, что все тебѣ бѣды,

Что на тебя ни попадаетъ:

Бездѣлка, ленты лоскутокъ.

Какъ часто блескъ швой затемняетъ

Вокругъ тебя одинъ, обвиншись, волосокъ!

Не такъ легко затьмить мое сіянье,

Когда я въ яроспи моей

Охватываю зданье.

Смотри, какъ всѣ усилія людей

Противъ себя я презираю;

Какъ съ шрескомъ все, что встрѣчу, пожираю:

И зарево мое, играя въ облакахъ,

Окрестностямъ наводитъ страхъ. —

Хоть противъ швоего мой блескъ и бѣденъ,

Алмазъ ошѣпсшвуешь, но я безвреденъ:

Не укорить меня никто ничьей бѣдой;

И лучъ досаденъ мой

Лишь зависти одной;

А ты блеснишь лишь тѣмъ, что разрушаешь.

За то, всей силой соединишь,

Смотри, какъ рвущся всѣ, чтобы ты скорѣй погасъ;

И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,

Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу. —

Тутъ силой всей народъ шумишь пожаръ принялся;

На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ осшался:
Алмазь же вскорѣ опыскался,
И лучшею красой спалъ царскому вѣнцу.

XX.

КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ шерпѣнья
Ошъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесъть!
Гдѣ озими разрышы;
Гдѣ мѣльницы посорваны и смышы;
Потоплено скопа что и не счесъть!
А та рѣка печетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ вѣрно ихъ она уймѣтъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.

Но чтожь? Какъ подходилъ къ Рѣкѣ поближе спали,
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несётъ.
Тутъ, попусу не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Пошомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А ошходя проговорили:
Начто и время прашишь намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣляся они со спаршимъ пополамъ.

XXI.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Спрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужь пусть бы кончилось на ней несчастье злое!
Но нѣтъ; за ней должны еще погибнуть прое:
Онъ бѣдныхъ шрехъ ея ипенцовъ осирошилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ силъ,
Малюшки шерпяшъ голодъ
И холодъ,

II пискомъ жалобнымъ зовушь напрасно мать.

Какъ можно не спрадась,

Такое горе видя!

Лисица ппицамъ говоритъ,

На камушкѣ прошивъ гнѣзда сиропокъ сидя:

Не киньте, милыя, безъ помощи дѣшей;

Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,

Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку пришкните:

Вы эшимъ жизнь ихъ сохраните;

Что дѣла добраго сваятъ!

Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:

Не лучше ль дашь себя немножко оципашь,

II перьемъ бы швоимъ поспельку ихъ усплашь:

Вѣдь попушу жь его ты разперяешь.

Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувыркашься, кружишься,

Ты бѣ корму поискаль по нивамъ, по лутамъ,

Чтобъ съ сиропами подѣлишься.

Ты, горлинка, швои пшенцы ужь подросли;

Промыслишь кормъ они и сами бы могли:

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,

Да вмѣсто мапери къ малюшкамъ сѣла;

А дѣшокъ бы швоихъ пусшь Богъ

Берѣгъ.

Ты бѣ, ласпочка, ловила мошекъ

Полакомишь безродныхъ крошекъ.

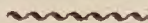
А ты бы, милый соловей,
Когда ишентяпочекъ ко сну пошянешь,
Межъ шѣмъ, какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качашь ихъ спянешь,
Ты бь прибаюкиваль ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью, я швердо вѣрю,
Вы бь замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайше меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что....При сихъ словахъ,

Малюшки бѣдные всѣ шрое,
Не могли съ голода сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ нанизъ.

Что жь кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не допѣла.

Чишатель, не дивись!
Кто добръ пошпинѣ; не разложая слова,
Въ молчаньи шопъ добро шворишъ:
А кто про доброшу лишь въ уши всѣмъ жужжишъ,
Тотъ часшо шолько добръ на счетъ другова,
За шѣмъ, что въ эшомъ нѣтъ убышка никакова.
На дѣлѣ же почти шакіе люди всѣ,
Сродни моей Лисѣ.

XXII.

В О Д О Л А З Ы.

Какой-то древній царь впалъ въ странное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?

Не разслабляешь ли сердце и рукъ
Ученье?

И не разумнѣе ль послушнѣе ояъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлеть вонъ?
Но такъ какъ эшотъ царь, свой украшая шронъ,
Душею всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,

И для того

Не дѣлалъ ничего

По прихоши, иль по приспращью:

То приказалъ собрать совѣтъ,

Въ кошоромъ всякой бы, хоть слогомъ не кудравымъ,

Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,

Свое представилъ да, иль нѣтъ,

То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираешься,

Или попржнему въ томъ царствѣ оставаешься?

Однако жъ, какъ совѣтъ ни толковалъ:

Кто самъ свой голосъ подавалъ,

Кто голосъ подавалъ работы секретарской;

Всякъ только дѣло заземлялъ

И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царской.

Кто говорилъ, что неученье шьма;

Что не далъ бы намъ Богъ ума,

Ни дара поспѣгашъ вещей небесныхъ,

Когда бы онъ хотѣлъ,

Чтобъ чловѣкъ не болѣ разумѣлъ

Живошныхъ безсловесныхъ,

И что, согласно съ цѣлю сей,

Ученье къ счастію ведетъ людей.

Другіе ушверждали,

Что люди ошъ наукъ лишь только хуже спали;

Что все ученье бредъ,

Что ошъ него лишь нравамъ вредъ,

И что за просвѣщенемъ въ слѣдъ

Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.

Короче: съ обоихъ споронъ,

И дѣло выводя и вздоры,

Бумаги исписали горы;

А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.

Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ со всѣхъ споронъ

Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье,

И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.

Но способъ былъ и эшопъ худъ,

За тѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье:

Такъ въ голосахъ между собой разладъ

Для нихъ былъ настоящій кладъ;

И если бы имъ волю дали,

Они бь донинѣ шолковали,

Да жалованье брали.

Но такъ какъ царь казною не шушилъ;

То онъ, примѣшя шо, ихъ скоро разпустилъ.

Межь тѣмъ часъ опѣ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.

Вошъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью заняшъ, въ поле,

И видишъ предъ собой

Пусшынника съ сѣдою бородой

И съ книгою въ рукахъ большой.

Пусшынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;

Привѣпливость и доброша

Улыбкою его украсили уша,

А на челѣ слѣды глубокой видны думы.

Монархъ съ пусшынникомъ вступаешъ въ разговоръ,

И, видя въ немъ познанія несчетны,

Онъ просишъ мудреца рѣшишъ шошъ важный споръ:

Науки болѣ ль полезны, или вредны?

Царь, спарець ошвѣчалъ, позволъ, чшобъ предъ шобой

Ошкрылъ я пришчею просшой,

Что размышленья мнѣ внушили многолѣсны.

И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:

На берегу близъ моря

Жилъ въ Индіи рыбакъ;

Проведши долгой вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей.

Но дѣши, видя,

Что съ нуждою они кормились отъ сѣшей,

И, ремесло отцовско ненавидя,

Братья дань богаше задумали съ морей,

Не рыбой, жемчугами;

И, зная плавать и нырять,

Ту подашь доправляшь

Пустились сами.

Однако жъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ.

Одинъ, лѣнивѣ другихъ,

Всегда по берегу скипался;

Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,

И жемчугу того лишь дожидался,

Что выбросишь къ нему волной:

А съ лѣнностью такой

Едва - едва пишался.

Другой,

Трудовъ нимало не жалѣя,

И выбирая умѣя

Себѣ по силѣ глубину,

Богашыхъ жемчуговъ нырять искалъ по дну:

И жилъ всесчасно богашя.

Но шреший; алчностью къ сокровищамъ шомимъ,

Такъ рассуждалъ съ собой самимъ:

Хоть жемчугъ находишь близъ берега и можно;
Но, кажешся, какихъ сокровищъ ждашь не должно,

Когда бы удалось мнѣ

Доспашь морское дно на самой глубинѣ!

Тамъ горы, можешь быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,

Которы стоить лишь доспашь

И взять.

Сей мыслию плыясь, безумецъ вскорѣ

Въ открытое пустился море,

И, выбравъ, гдѣ была чернѣ глубина,

Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,

За дерзость, не доспавши дна,

Онъ жизнью заплащивъ своему.

О царь, примолвилъ шутъ мудрецъ:

Хотя въ ученіи зримъ мы многихъ благъ причину;

Но дерзкій умъ находишь въ немъ пучину

И свой погибельный конецъ,

Лишь съ разницею тою,

Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

К Н И Г А   П Я Т А Я.

Paris de Canevas.

Р

Paris de Canevas.

НАПРАСЛИНА.

Б А С Н И.

I.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто что нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладёмъ вину въ шомъ на другаго,
И какъ нерѣдко говорять:
Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!
А ежели людей не спало,
Такъ ужь Лукавой виновать,
Хоть шупъ его совѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тѣма шому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ.
Въ восточной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,
Хоть на словахъ и шеплой вѣры,
Но не таковъ совѣмъ жишѣмъ
(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);
Да эшо въ сторону, а дѣло шолько въ шомъ,
Что въ брашствѣ онъ своѣмъ
Одинъ былъ правила такаго,
Другіе же всѣ жишя свяшаго;

И что всего ему пошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нрава прекрушаго,
Такъ пресступитъ никакъ ушава ты не смѣй.
Однако жъ мой Браминъ не унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смѣкаетъ,
Не лѣзя ли разрѣшитъ на сырное шайкомъ?
Доспалъ яйцо, полуночи дождался,
И свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой и мысленно глошаетъ,
А про начальника смѣлся разсуждаетъ:
Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель;
Яичко съѣмъ-шаки я всласть.
Анъ шущъ шихонько шастъ
Къ Брамину въ келью надзиратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣша шребуешь онъ грозно.
Улика налицо и запираешься поздно!
Проси, ошецъ святой,
Проси мое ты прегрѣшенъе:
Такъ взмолился Браминъ сквозь слезъ,
И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенъе;
Ахъ, наушилъ меня проклятый Бѣсъ;
А шущъ Бѣсенокъ изъ-за печки:

Не стыдно ли, кричишь, всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,
И право вижу въ первый разъ,
Какъ лица пекушь на свѣчкѣ.

II.

ЧИЖЬ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и мешался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
Не стыдно ль, говоришь: середь бѣлаго дня
Попался!
Не провели бы шакъ меня:
За эшо я ручаюсь смѣло.
Анъ, смошришь, шушь же самъ запушался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

III.

Х М Ъ Л Ъ.

Хмѣль выбѣжалъ на огородъ
И вокругъ сухой пычинки вишьяся спалъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькой стоялъ.
Что въ этомъ пользы естъ уродъ,
Да и во всей его породѣ?
Такъ про дубокъ пычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
Ну, какъ его сравнишь съ шобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хошь лисьемъ правда онъ одѣтъ,
Да что за жесткосшь, что за цвѣтъ!
За что его земля пишасъ?
Межъ шѣмъ едва недѣля прошекаеъ,
Хозяинъ на дрова пычинку шу сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И шрудъ ему съ большимъ успѣхомъ удаеъся:
Дубокъ и приняеъся, и отпрыски пушпилъ;
Посмошришь, около него мой Хмѣль ужъ вьеъся,
И дубу ошъ него вся чешъ и похваля.

Такіе жь у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несешь шьму небылицъ и бредней;
И, какъ ты хочешь, такъ шрудись,
Но у него въ хорошихъ бытъ не льпнись:
А шолько въ случай попадись,
Онъ первый явшися въ передней.

IV.

МЫШЬ И КРЫСА.

Сосѣдка, слышала ль ты добрую молву,
Вбѣжавши Крысъ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говоряшь, попалась въ когти льву;
Вошь опдохнушь и намъ пора насшала.
Не радуйся, мой свѣтъ,
Ей Крыса говоришь въ отвѣтъ,
И не надѣйся попустому!
Коль до когшей у нихъ дойдешь,
То вѣрно льву не бытъ живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

Я шолько разъ видалъ, примѣшше это сами:
Когда боишься шреть кого;

То думаешь, что на того
Весь долженъ свѣсть глядѣшь его глазами.

V.

ГОСПОЖА И ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У барыни, спарушки кропошливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки служанки, коихъ часъ
Была съ ушра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясъ.
Не спало бѣднымъ дѣвкамъ мочи.
Имъ будни, праздникъ, все равно;
Нѣтъ угомона на спаруху:
Днемъ перевесъ она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать верешено.
Быть можешь, иногда бѣ спаруха опоздала,
Да въ домъ шомъ прокляшый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ; спаруха вспала,
Накинешь на себя шубейку и преушь,
У печки огонекъ вздуваешь,

Бредеть ворча къ прядильщицамъ въ покой,
Разшалакиваетъ ихъ кослявою рукой,

А заупрямится, клюкой,

И сладкой на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.

Что будешь дѣлать съ ней?

Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,

И съ теплою постелею своей,

Хотя не хочется, а разсашаются.

Назавстрѣе опять, лишь прокричитъ пѣшухъ,

У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка шаже:

Ихъ будятъ и морятъ на пряжъ.

Добро же ты, нечистый духъ!

Сквозь зубы пряхи шѣ на пѣшуха ворчали:

Безъ пѣсень бы пвонхъ мы вѣрно болѣ спали;

Ужъ надъ тобою бышь грѣхъ!

И, выбравши случай, безъ сожалѣнья

Свернули дѣвушки головку пѣшуху.

Но чпожь? Онѣ себѣ пѣмъ ждали облегченья,

Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ

Совсѣмъ не потъ.

То правда, что пѣшухъ ужъ болѣ не поѣтъ,

Злодѣя ихъ нестало;

Да барыня, боясь, чпобъ время не пропало,

Чуть лягутъ, не даешь почти свеспи имъ глазъ,

И рано такъ будить ихъ спала всякой разъ,

Какъ рано пѣшухи и сроду не пѣвали.

Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ поломя попали.

Такъ, выбрашся желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же:
Одни лишь только съ рукъ сживётъ,
Глядишь, другія нажилъ хуже.

VI.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

Какъ разшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!
Про дождикъ говорилъ на нитѣ Камень лежа:
А ради всѣ ему, пожалуй - посмотри!

И ждали шакъ, какъ гостя дорогаго.

А что же сдѣлалъ онѣ шакаго?

Всего-то шель часа два-три.

Пускай же обо мнѣ расприсятъ!

Такъ я ужъ вѣки здѣсь: шихъ, скромнѣе всегда;
Лежу смирихонько, куда меня ни бросають:
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.

Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ.

Молчи, сказалъ ему Червякъ :
Сей дождикъ, какъ его ни крашко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя.

Такъ хвалятся иной, что служишь сорокъ лѣтъ :
А проку въ немъ, какъ въ эпомъ камнѣ нѣтъ.

VII.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то о веснѣ звѣрями
Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно бѣ выбрашь шупъ другаго повѣрнѣй,
За шѣмъ, что къ меду Мишка падохъ,
Такъ не было бѣ оглядохъ;
Да спрашивай ты шолку у звѣрей!
Кшо къ ульямъ ни просился;
Съ ошказомъ оплусшили всѣхъ,
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился.

Анъ вышелъ грѣхъ:

Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.

Узнали, подняли шревогу,

По формѣ нарядили судъ,

Ошсшавку Мишкѣ дали

И приказали,

Чшобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ спарый плушъ.

Рѣшили, справили, скрѣпили;

Но меду все не ворошили.

А Мишинька и ухомъ не ведеть:

Со свѣшомъ Мишка разпрощался,

Въ берлогу теплую забрался,

И лапу съ медомъ шамъ сосеть,

Да у моря погоды ждешъ.

VIII.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Маршпышка въ зеркалъ увидя образъ свой,

Тихохонько медвѣдя полкъ ногой:

Смошри-ка, говоришь, кумъ милый мой,

Что это памъ за рожа?

Какіе у нея ужимки и прыжки!

Я удавилась бы съ шоски,

Когда бы на нее хошь чушь была похожа.

А вѣдь, признайся, есть

Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пяшь-шессть;

Я даже ихъ могу по пальцамъ перечессть.

Чѣмъ кумушекъ счишашъ прудиться;

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Ей Мишка отвѣчалъ.

Но мишинькинъ совѣтъ лишъ попусту пропаль.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:

Не любишь узнавать никшо себя въ саширѣ.

Я даже видѣлъ шо вчера:

Что Климычъ наруку нечиссть, всѣ это знаютъ;

Про взяшки Климычу чипають,
А онъ украдкою киваетъ на Пешра.

IX.

КОМАРЬ И ПАСТУХЪ.

Паспухъ подъ шѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.

Примѣня шю, змѣя изъ-за кустовъ

Ползешъ къ нему, обливши ядомъ жало;

И Паспуха на свѣтъ бы не спало:

Но, сжался надъ нимъ, Комарь, что было силъ,

Сонливца укусилъ.

Проснувшись, Паспухъ змѣю убилъ;

Но прежде Комара спросонья шакъ хващилъ,

Что бѣднаго его какъ не бывало.

Такихъ примѣровъ естъ немало:

Коль слабый сильному, хощь движимый добромъ,

Открышь глаза на правду покусился;

Того и жди, что шже съ нимъ случишся,

Что съ Комаромъ.

X.

Р Ы Ц А Р Ь.

Какой-шо Рыцарь вспарину;
Задумавши искашь великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній:
Вздѣлъ лапы и велѣлъ къ крыльцу подвесить коня.
Но прежде, нежели въ сѣдло сядишься,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратишься:
Послушай, решивой и вѣрный конь, меня!
Сступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядяшь,
Какъ рыцарски законы намъ велѣшь,
И пушь опыскивай въ храмъ славы!
Когда жъ карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружесшво княжну кишайскую добуду,
И царства два-три покорю;
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду;
Съ тобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворець огромный,
Сосстроишь для шеби велю,

А лѣшомъ отведу луга шебѣ поёмны.

Теперь знакомъ

Ты мало и съ овсомъ;

Тогда у насъ пойдешъ инымъ все чередомъ:

Ячмень тѣвой будешъ кормъ, сыта медова пойло.

Тушъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло, и бросилъ повода:

А лошадь молодца, не ѣздя никуда,

Прямехонько примчала въ спойло.

XI.

Т Ъ Н Ъ И Ч Е Л О В Ъ К Ъ.

Шалунъ какой-то шѣнь свою хоптѣль поймашъ:

Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавляшъ,

Она шуда жъ; онъ наконецъ бѣжашъ:

Но чѣмъ онъ прыпче, шѣмъ и шѣнь скорѣй бѣжала,

Все не даваясь будто кладъ.

Вошъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;

Оглянешся: а шѣнь за нимъ ужъ гнашся спала.

Красавицы, видалъ я много разъ:

Вы думаете чпо? Нѣшъ, право не про васъ!

А чпо бываешъ шошъ съ форшуною у насъ.

Иной лишь шрудъ и время губишь,
 Спарался наспичь ее изъ силы всей;
 Другой, какъ кажется, бѣжишь совсѣмъ опъ ней:
 Такъ нѣтъ, за шѣмъ она сама гоняшься любишь.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЬ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топорь озлился;
 Пошелъ Топорь въ худыхъ; Мужикъ всбѣсился:
 Онъ самъ нарубишь вздоръ,
 А виновашъ во всемъ Топорь:
 Бранишь его хошь какъ Мужикъ найдешъ причину.
 Негодный, онъ кричишь однажды: съ эшихъ поръ
 Ты будешъ у меня щепашъ лучину;
 А я, съ моимъ умѣньемъ и шрудомъ,
 Пришомъ съ досужесшью моею,
 Знай, безъ шебя пробавишься умѣю,
 И сдѣлаю просшымъ ножѣмъ,
 Чего другой не срубишь шопоромъ.
 Рубишь, чшо мнѣ велишь; моя шакая доля,
 Смирено опвѣчалъ Топорь на окрикъ злой:
 И шакъ, ходишь мой,

Твоя свяшая воля,
Готовъ шебъ я всячески служишь;
Да полько ты смощи, чщобъ послъ не шужишь:
Меня ты попусту изшупишь,
А все ножемъ избы не срубишь.

XIII.

Т у ч а.

Надъ изнуренною ошъ зноя спороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ея не освъжа одною,
Обильнѣйшимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.

Чшо сдѣлала добра
Ты щедростью такою?
Сказала ей гора:

И какъ смощишь на шо не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила;
Ты бь область цѣлую ошъ голода спасла:
А въ моръ безъ шебъ, мой другъ, воды довольно.

XIV.

Л Е В Ъ И В О Л К Ъ.

Левъ убираль за завшракомъ ягненка;

А собаченка,

Вершясь вокругъ царскаго стола,

У Льва изъ-подъ когшей кусочикъ урвала:

И царь звѣрей шо снесъ, не огорчась нимало

(Она глупа еще и молода была).

Увидя шо, на мысли Волку вспало,

Чшо Левъ конечно несилѣнь,

Коль шакъ смирѣнь:

И лапу прошипнулъ къ ягненку шакже онъ.

Анъ вышло съ Волкомъ худо:

Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.

Левъ разшерзалъ его, примолвя шакъ: дружѣкъ,

Напрасно, смошря на собачку,

Ты вздумаль, чшо шебъ я шакже дамъ пошачку:

Она еще глупа, а шы ужъ не щенокъ.

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И СОКОЛЬ.

Собака, Человѣкъ, да Кошка, да Соколъ
 Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
 Нелестной, искренней, чистосердечной.
 У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ.
 Клялись дѣлать они и радость и заботу,
     Другъ другу помогать,
     Другъ за друга сползать,
 И, если надо, другъ за друга умирать.
 Вошь какъ-то вмѣстѣ всѣ, опираясь на охоту,
     Мои друзья
     Далеко отъ дому отбились,
     Умались, утомились
 И отдохнувъ приспали у ручья.
 Тушь задремали всѣ, кпо лежа, кпо и сиди,
     Какъ варугъ изъ лѣса шастъ
     На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
     Бѣду шакую видя,
     Соколъ на воздухъ, Кошка въ лѣсъ,
 И Человѣкъ шутъ съ жизнью бы проспился;

Но вѣрный песь
Со звѣремъ злымъ барахтапся схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломаль,
Какъ ни ревѣль опъ боли и опъ злоспи,
Песь, прохватавъ его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималь,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не поперяль.
А Человѣкъ? Къ спыду, изъ насъ не всякой
Сравнился въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ заняшь дракой,
Онъ, подхвапая ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнашь лзя истиннаго друга.
Какъ рѣдки шаковы друзья!
И шо сказашь, какъ часпо видѣль я,
Чшо, такъ какъ въ баснѣ сей былъ вѣрной песь оставлень,
Такъ топъ,
Кшо изъ хлопотъ
Былъ другомъ вырученъ, избавлень,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругаль вездѣ.

XVI.

В О Л К Ъ И П А С Т У Х И.

Волкъ, близко обходя пасушій дворъ
И видя сквозь заборъ,
Чшо, выбравъ лучшаго себѣ барана въ спадѣ,
Спокойно Пасухи барашка попрошашъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Сказаль имъ, уходя въ досадѣ:
Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы эшо сдѣлалъ я!

XVII.

С Л О Н Ъ В Ъ С Л У Ч А Ъ.

Когда-шо въ случай Слонь попалъ у льва.
Въ минушу по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И, шакъ какъ водишся, пошли догадки,
Чѣмъ въ милость вперся Слонь?
Ни шо красивъ, ни шо забавенъ онъ;
Чшо за пріемъ, чшо за ухвашки!
Толкуюшъ звѣри межъ собой.
Когда бы, говоришъ, вершя хвостомъ, лисица,
Былъ у него пушистый хвостъ шакой,
Я не дивилась бы. Или, сесприца,
Сказаль медвѣдь, хощя бы по когшамъ
Онъ сдѣмался случайнымъ,
Никшо того не счель бы чрезвычайнымъ:
Да онъ и безъ когшей, шо всѣмъ извѣстно намъ.
Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?
Вспушилъ въ рѣчь ихъ воль:
Ужь не сочали ли ихъ рогами?
Такъ вы не знаете, сказаль осѣль,
Ушами хлопал, чѣмъ могъ онъ полюбишся?

Послушайте жь меня, я радъ божиться:
 Не будь лишъ у него такихъ большихъ ушей,
 Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей-ей!

Нерѣдко мы (хотя того не примѣчаемъ)
 Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XVIII.

КЛЕВЕТНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болшають,
 Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
 А правду и они нерѣдко наблюдаютъ:
 Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
 По случаю какому-то въ аду
 Змѣя съ Клевешникомъ въ торжественномъ ходу
 Другъ другу первенства оставишь не хотѣли
 И зашумѣли,
 Кому изъ нихъ иппи приличнѣй напередъ?
 А въ адѣ первенство, извѣстно, топъ беретъ,
 Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
 Такъ въ спорѣ семъ и жаркомъ и немало
 Передъ Змѣею Клевешникъ

Свой выспавлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползши.
Вотъ, Клевешникъ - было за ней ужь очутился:
Но Вельзевулъ не пошерпѣлъ того;
Онъ самъ, спасибо, за него
Вспутился,
И осадилъ назадъ Змѣю,
Сказавъ: хоть я свои заслуги признаю;
Но первенство ему поправдѣ отдаю:
Ты зла, свое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и по не мало!):
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клевешника,
Ошъ коего нельзя спасись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, спало, онъ тебя вредитъ:
Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смиренъ.
Съ тѣхъ поръ Клевешники въ аду почешутъ Змѣй.

XIX.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣхъ подь горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла шамъ шинистый въ лошинкѣ уголокъ,
И завела домокъ
Подь тѣнью ивничка, межь справки, какъ раёкъ.
Однако жь имъ она недолго веселилась.
Наспало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки шакъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
О Боги, молишся Лягушка изъ норы:
Меня вы бѣдную не погубише,
И землю вровень хоть съ горою зотопише,
Чтобы въ моихъ помѣспяхъ никогда
Не высыхала бы вода!
Лягушка вопишь безъ умолку,
И наконецъ Юлишера бранишь,
Что нѣшу въ немъ ни жалости, ни шолку.
Безумная, Юпишерь говоришь

(Знашь не былъ онъ тогда сердись):

Какъ квакашь попустишь тебѣ охота!

И чѣмъ мнѣ для твоихъ зашѣй

Перешпишь людей,

Не лучше ль внизъ тебѣ спущишься до болоша?

На свѣтъ много мы такихъ людей найдемъ,

Копорымъ все, кромѣ себя, посылыло,

И кои думающъ, лишь мнѣ бы ладно было,

А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XX.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то левъ большой охотникъ былъ до куръ;

Однако жъ у него онѣ водились худо:

Да это и не чудо!

Къ нимъ доспуть былъ свободень черезчуръ:

Такъ ихъ то крали,

То сами куры пропадали.

Чтобъ этому помочь убытку и печали,

Постройшь вздумалъ левъ большой куряшнй дворъ,

И шакъ его ухищрь и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ опвадить,
А курамъ было бѣ въ немъ довольство и просторъ.
Вошь льву доносятъ, что Лисица
Большая спроешь масшерица:
И дѣло ей поручено.
Съ успѣхомъ начашо и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все и спаранье и умѣнье.
Смошрѣли, видѣли: спроенье заглядѣнье;
А сверхъ того все ешь, чего ни спросишь пушь:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ напыкано насѣшокъ,
Ошъ холоду и жару ешь пріюшь,
И укромонныя мѣсечки для насѣдокъ.
Вся слава Лисынькѣ и чесъ!
Богатое дано ей награжденье,
И потчасъ повелѣнье
На новоселье куръ немедля перевесъ.
Но ешь ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажешся, и крѣпокъ дворъ,
И пломень и высокъ заборъ;
А куръ часъ ошъ часу все менѣ.
Ошколь бѣда, придумашъ не могли:
Но левъ велѣлъ сперечь. Кого жъ подсперегли?
Тое жъ Лису-злодѣйку.
Хошь правда, что она свела спроенье шакъ,

Чшобы не ворвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

XXI.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укорижны мы Форшунъ паровашы:

Кшо не въ чинахъ, кшо не богашъ,

За все про все ее браняшъ;

А поглядишъ, шакъ сами виновашы.

Слѣное счасіе, шашаясь межъ людей,

Не вѣчно у вельможъ гостяшъ и у царей;

Оно и въ хижинѣ швоей,

Бышъ можешъ, погостяшъ когда нибудь приспанешъ:

Лишь время не шеряшъ умѣй,

Когда оно къ тебѣ заглянешъ;

Минуша съ нимъ одна, кшо ею дорожишъ,

Терпѣнья годы наградишъ.

Когда жъ ты не умѣлъ при счасіѣ поживишся,

То не Форшунъ ты, себѣ за то пѣняй,

И знай,

Чшо, можешъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвращишя.

Домишка спаринькой край города стоялъ;
 Три браша жили въ немъ и не могли разжишьяся:
 Ни въ чемъ имъ какъ-то не споришья.
 Кшо что изъ нихъ ни запѣваль,
 Все остаешья безъ успѣха;
 Вездѣ потеря, иль помѣха;
 По ихъ словамъ, вина Фортуны въ шомъ была.
 Вошъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
 И, пронувшись ихъ бѣдностью большою,
 Имъ помогашъ рѣшилась всей душою,
 Какія бы они ни начали дѣла,
 И прогоспишъ у нихъ все лѣшо.
 Все лѣшо: шушка ль эшо!
 Пошли у бѣдняковъ дѣла другой спашьей.
 Одинъ изъ нихъ хомъ былъ торгашъ плохой;
 А шущъ, что ни продасшъ, ни купишъ,
 Барышъ на всемъ большой онъ слупишъ;
 Забылъ совѣтъ, что есть наладъ,
 И скоро спалъ, какъ Крезъ, богашъ.
 Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
 Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
 Тешерь ему со всѣхъ сторонъ
 Удача:
 Что дасшъ обѣдъ, что сходишъ на поклонъ,
 Иль чинъ, иль мѣсто схватишъ онъ;
 Посмотришъ у него деревня, домъ и дача.

Теперь вы спросите: что жъ прешій получилъ?

Вѣдь вѣрно и ему Форшуна помогала?

Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.

Но прешій брашъ все лѣпо мухъ ловилъ,

И такъ счастливо,

Что диво!

Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ помъ гораздъ;

А путь шруды его невпунъ:

Какъ ни взмахнеть рукой, благодаря Форшунъ,

Ни разу промаха не дастъ.

Вошъ гостыя между шѣмъ у брашьева нагоспилась,

И далъ въ путь пустила.

Два браша въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богашъ,

Другой еще пришомъ въ чинахъ; а прешій брашъ

Клянеть судьбу, что онъ Форшуной злою

Осавлень лишь съ сумою.

Чишатель, будь ты самъ судьёю,

Кто жъ въ эшомъ виновашъ?

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

К Н И Г А   Ш Е С Т А Я.

W. H. H. H. H.

Р

W. H. H. H. H.

СОЧИНИТЕЛИ И РАЗБОЙНИКЪ.

Б А С Н И.

I.

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное шѣней
На судъ предсшали предъ судей,
Въ одинъ и тошъ же часъ, Грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбиваль
И въ пещлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрышый Сочинитель:
Онъ тонкой разливаль въ своихъ швореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена, сладкогласень,
И, какъ Сирена, былъ опасень.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ бесполезныхъ;
Въ минушу сдѣланъ приговоръ.
На спрашныхъ двухъ цѣяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два кошла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.

Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили;

Сама Мегера ихъ зажгла,

И развела такой ужасной пламень,

Что прескашья спалъ въ сводахъ адскихъ камень.

Судъ къ Сочинишелю, казалось, былъ не сстрогъ:

Подъ нимъ сперва чуть плылъ огонёкъ;

Но шамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разгарался.

Вошь вѣки прошекли, огонь не унимался.

Ужъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ:

Подъ Сочинишелемъ онъ злѣй съ часу на часъ.

Не видя облегченья,

Писашель наконецъ кричишь среди мученья,

Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ:

Что славой онъ наполнилъ свѣтъ;

И ежели писалъ немножко вольно,

То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;

Что онъ не думалъ бытъ Разбойника грѣшнѣй.

Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,

Съ шипящими между волосъ змѣями,

Съ кровавыми въ рукахъ бичами,

Изъ адскихъ шрехъ сесперъ явилася одна.

Ты ль Провидѣнію пѣняешь?

И ты ль съ Разбойникомъ себя равняешь?

Передъ пвоей ничто его вина.

По люлости свей и злости,

Онъ вреденъ былъ,

Пока лишь жиль;

А ты... уже свои давно изплели кости,

А солнце разу не взойдетъ,

Чтобъ новыхъ опъ тебя не освѣсило бѣдъ.

Твоихъ швореній ядъ не только не слабѣетъ,

Но, разливаясь, вѣкъ опъ вѣку люшѣетъ.

Смогри (шупъ свѣтъ ему узрѣтъ она дала),

Смогри на злыя всѣ дѣла

И на несчастія, кошорыхъ ты виною!

Вонъ дѣши, спыдъ своихъ семей,

Ошчаянне опцевъ и машерей:

Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ ошравлены? Тобою.

Кшо, осмѣявъ, какъ дѣшскія мечпы,

Супружешво, начальсхва власпи,

Имъ причиталь въ вину людскія всѣ напаспи,

И связи общесхва рвался распоргнушь? Ты.

Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщенъемъ?

Не ты ль въ приманчивый, въ прелесшный видъ облѣкъ

И спраспи и порокъ?

И вонъ, упоена своимъ ученъемъ,

Тамъ цѣлая спрана

Полна

Убійсхвами и грабежами,

Раздорами и мяшежами,

И до гибели доведена шобой!

Въ ней каждой капли слезъ и крови ты виной.

И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружишься?

А сколько впредь еще родится

Опъ книгъ твоихъ на свѣтъ золь!

Терпи жь, здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра:

Сказала гнѣвная Мегера

И крышкою нахлопнула кошѣль.

II.

КУКУШКА И ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.

Что, кумушка, ты такъ грустна?

Ей съ вѣшки ласково Голубка ворковала:

Или о томъ, что миновала

У насъ весна

И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,

И что къ зимѣ мы спали ближе? —

Какъ бѣдной мнѣ не горевашь?

Кукушка говоритъ, будь ты сама судьёю:

Любила счастливо я нынѣшней весною,

И наконецъ я спала масть;

Но дѣши не хощашъ совсѣмъ меня и знашь:

Такой ли чаяла опъ нихъ я плашы!

И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваюся вокругъ машери ушяпы,
Какъ сыплють къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты:
А я, какъ сирота, однимъ одна сижу,
И, что естъ дѣшская привѣпливосць, не знаю. —
Бѣдняжка: о шебѣ сердечно я спрадаю;

Такъ у шебя ужъ дѣши естъ?

Когда же ты гнѣздо успѣла сплесць?

Я эшаго и не видала:

Ты все порхала, да лешала. —

Вошь вздоръ, чшобъ сполько красныхъ дней

Въ гнѣздѣ я сидя разшеряла:

Ужъ эшо было бы всего глушій!

Я янца всегда въ чужія гнѣзды клала. —

Какой же хочешь шы и ласки ошъ дѣшей?

Ей Горлинка на шо сказала.

Ошцы и машери, вамъ басни сей урокъ.

Я разсказаль ее не дѣшямъ въ извинепье:

Къ родишелямъ въ нихъ непочтение

И нелюбовь всегда порокъ;

Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,

И вы ихъ вѣтрили наемничьимъ рукамъ:

Не вы ли виновашы сами,

Чшо въ спаросши ошъ нихъ ушѣхи мало вамъ?

III.

СКУПОЙ И КУРИЦА.

Скупой перяешь все, желая все достать.

Чшобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,

Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;

Да рышья лѣнь: такъ я намѣренъ

Вамъ басню сшарую сказать.

Вошь, что въ ребячествѣ чипала я про Скупого!

Былъ человекъ, который никакого

Не зналъ ни промысла, ни ремесла,

Но сундуки его полнѣли очевидно.

Онъ Курицу имѣлъ (какъ эшо не завидно)?

Котора яицы несла,

Но не простыя,

А золошья.

Иной бы и шому былъ радъ,

Чшо понемногу онъ становишся богашъ;

Но ашаго Скупому мало:

Ему на мысли вспало,

Чшо, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней доспанешъ кладъ.

И шакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые пошроха.

IV.

Д В Ъ Б О Ч К И.

Двѣ Бокчи ѣхали: одна съ виномъ,

Другая

Пущая.

Вотъ первая-себѣ безъ шуму и шажкомъ

Плещется;

Другая вскачь несется;

Ошъ ней по мостовой и спуюшня и громъ,

И пылъ сполбомъ:

Прохожій къ споронъ скорѣй ошъ спраха жмется,

Ее слышавши издалека.

Но какъ ша Бочка ни громка,

А польза въ ней не шакъ, какъ въ первой, велика.

Кшо про свои дѣла кричишь всѣмъ безъ умолку,

Въ томъ вѣрно мало шолку.

Кто дѣловъ истинно, тихъ часто на словахъ.

Великій человекъ лишь громокъ на дѣлахъ,

И думаешь свою онъ крѣпку думу

Безъ шуму.

V.

А Л К И Д Ъ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,

Споль славный мужествомъ и силою чудесной,

Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ

Опасною стезей и шѣсной,

Увидѣлъ на пущи, свернувшись, будпо ёжъ,

Лежишь чуть видное, не знаешь, что такое.

Онъ раздавишь его хошѣлъ пѣшой. И чтожь?

Оно раздулося и спало болѣ вдвое.

Онъ гнѣва вспыхнувъ, шупъ Алкидъ

Тяжелой палицей своей его разишь.

Глядишь,

Оно спрашнѣй становишся лишь съ виду:

Толстѣетъ, бухнетъ и росшетъ,

И заслоняешь пущь собою весь Алкиду.

Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ снмъ

Спалъ въ удивленьи недвижимъ.

Тогда ему Аѳина вдругъ предсала.
Оставь напрасный трудъ, мой братель, она сказала:
Чудовищу сему названіе Раздоръ.
Не пронупо, его едва примѣшивъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаешь сразиться,
Оно опъ браней лишь шучиѣ становишся,
И возрастаѣтъ выше горъ.

VI.

АПЕЛЛЕСЪ И ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезмѣру зараженъ,
Тотъ миль себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часпо шѣмъ ему случается хвалишся,
Чего бы долженъ онъ спыдись.

Съ Осленкомъ встрѣшясь, Апеллесъ
Зовѣтъ къ себѣ Осленка въ гости;
Въ Осленкѣ заиграли кости.
Осленокъ хвасовспвомъ весь душишъ лѣсъ,
И говоришъ звѣрямъ: какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ;
Ну, все зовѣтъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажѣтся, мои друзья,

Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.
 Нѣтъ, Апеллесъ сказалъ, случая близко тушь:
 Намѣряся писать Мидасовъ судъ,
 Хошѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
 И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.
 Ослиныхъ мнѣ ушей и много хошъ встрѣчалось,
 Но этакихъ, какими ты богашъ,
 Не только у ослей,
 Ни даже у ословъ мнѣ видѣшь не случалось.

VII.

ВОДОПАДЪ И РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаясь со скалъ,
 Цѣлебному ключу съ надменіемъ сказалъ
 (Который подъ горой едва лишь былъ примѣненъ,
 Но силой славился лѣчебною своею):
 Не странно ль эшо? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
 А у тебя всегда премножесшво гостей?
 Не мудрено, коль мнѣ приходишь кто дивисься;
 Къ тебѣ зачѣмъ идушь? — Лѣчишься,
 Смиренно прожурчалъ Ручей.

VIII.

О Х О Т Н И К Ъ,

Какъ часто говоряшь въ дѣлахъ: еще успѣю.

Но надобно признашься въ томъ;

Что эшо говоряшь, спросяся не съ умомъ,

А съ лѣностью своею.

И шакъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,

Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,

Когда оно тебя заспанешъ невзначай.

На эшо басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

Охотникъ, взявъ ружье, пашпронницу, суму,

И друга вѣрнаго по нраву и обычью,

Гекшора, въ лѣсъ пошелъ за дичью,

Не зарядя ружья, хошь былъ совѣтъ ему,

Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.

Вошь вздоръ, онъ говоришь, дорога мнѣ знакома:

На ней ни воробья не видѣмъ я родясь,

До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,

Такъ зарядишь еще успѣю я спо разъ.

Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила

(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),

По озерку

Гуляюшъ ушки цѣлымъ спадомъ;

И нашему бѣ тогда Спрѣлку

Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ

Убишь

И на недѣлю съ хлѣбомъ бышь,

Когда бѣ не ошложилъ ружья онъ зарядишь.

Теперь къ заряду онъ скорѣе; шолько ушки

На это чушки:

Пока съ ружьемъ возился онъ;

Онъ вскричали, вспрепенулись,

Взвились и за лѣса веревкой пошинулись,

А шамъ изъ виду скрылись вонъ.

Напрасно по лѣсу спрѣлокъ пошомъ шаскался,

Ни даже воробей ему не попадался;

А шущъ къ бѣдѣ еще бѣда:

Случись тогда

Ненасшье.

И такъ охотникъ мой,

Измокши весь, пришелъ домой

Съ пустой сумой;

А все-таки пѣнялъ не на себя, на счасшье.

IX.

П Л О В Е Ц Ъ И М О Р Е .

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усшалосши въ сонъ крѣпкой погрузился;
Потомъ, проснувшись, онъ море кляшъ пущился.

Ты, говоришь, всему виной!

Своей лукавой пищиной

Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь,

И, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь.

Тушь Море, на себя взявъ Амфиприды видъ,

Пловцу, являся, говоришь:

Начто винишь меня напрасно?

Плышь по водамъ моимъ ни сырашно, ни опасно.

Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины;

Виной шому одни Доловы сыны:

Они мнѣ не даютъ покою.

Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:

Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли;

Я неподвижныѣ тогда земли.

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;

Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

X.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ,

Къ Крестьянину вползла Змѣя,
И говоритъ: сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая спала я
И кожу нынѣшней весной перемѣнила,
Однако жъ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: хошь ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все поже;
И вышибъ изъ сосѣдки духъ,
Когда извѣришься въ себя ты дашь причину;
Какъ хочешь, шакъ мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь,
И что съ Змѣей, съ шобой случишься можешь пожъ,

XI.

Л Е В Ъ И Л И С И Ц А.

Лиса, не видя съ роду Льва,
Съ нимъ встрѣшась, со спрасшей оспалась чуть жива.
Вошь, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужь не такъ ей спрашенъ показался.
А прешій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

Инаго также мы боимся,
Поколь къ чему не приглядимся.

XII.

М У Р А В Е Й.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говорить его историкъ вѣрной)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна;
Припомъ и въ храброспи за чудо почитался:

Гдѣ бѣ ни завидѣлъ червѣка,

Тошчасъ въ него впибался,

И даже хаживалъ одинъ на наука.

А шѣмъ вошелъ въ такую славу

Онъ въ муравейникъ своемъ,

Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.

Я лишнія хвалы считаю за оправу;

Но эшотъ Муравей былъ не шакаго праву:

Онъ ихъ любилъ,

Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ

И всѣмъ имъ вѣрилъ;

А ими наконецъ такъ голову набилъ;

Что вздумалъ въ городъ показаться,

Чтобъ силой тамъ повеличаться.

На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣсиво вползъ
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордосши ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжишся весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей, то, взявъ листокъ, пошанеть,
То припадетъ онъ, то привстанеть:
Никто не видитъ Муравья,
Уставши наконецъ шлануться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
Неправда ль, надобно признашся,
Чшо въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, чшо меня никто не примѣчаешъ,
Какъ ни шланусь я цѣлый часъ;
А, кажешся, у насъ
Меня весь муравейникъ знаешъ.
И со стыдомъ ошправился домой.

Такъ думаетъ иной
Зашѣйникъ,
Чшо онъ въ подсолнечной гремитъ,

А онъ дивись
Свой шолько муравейникъ.

XIII.

О В Ц Ы И С О Б А К И.

Въ какомъ-то спадѣ у Овецъ,
Чшобъ волки не могли ихъ болѣе превожить,
Положено число Собакъ умножить.
Чшо жъ? Развелось ихъ шолько наконецъ,
Чшо Овцы опъ волковъ, шо правда, уцѣляли,
Но и Собакамъ надо жъ ѣсть;
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А шамъ по жеребью съ нихъ шкурки полешѣли,
А шамъ ошалося всего Овецъ пять - шесть,
И пѣхъ Собаки съѣли.

XIV.

Г Р Е Б Е Н Ь.

Дишяши маминька расчесываешь головку

Купила часшой Гребешёкъ.

Не выпускаешь вонъ диши изъ рукъ обновку:

Играешь, иль швердишь изъ азбуки урокъ,

Свои все кудри золошые,

Волнишые, барацкомъ завишые,

И мягкіе, какъ шонкой лёнь,

Любуясь, Гребешкомъ расчесываешь онъ.

И что за Гребешекъ? Не шолько не шербишь,

Нигдѣ онъ даже не зацѣпишь:

Такъ плавень, гладокъ въ волосахъ.

Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.

Случись однако же, что Гребень зашердясъ.

Зартзвился мой мальчикъ, заигрался,

Всклокашилъ волосы копной.

Лишь няня къ волосамъ, диши подымаешь вой:

Гдѣ Гребень мой?

И Гребень ошылкался,

Да шолько въ головѣ ни взадъ онъ ни впередъ,

Лишь волосы до слезь дерешь.

Какой ты злой Гребнишка!

Кричишь мальчишка.

А Гребень говоришь: мой другъ, все пошь же я;

Да голова всклокачена шволя.

Однако жь мальчикъ мой, опть злости и досады,

Закинулъ Гребень свой въ рѣку:

Теперь имъ чешутся Наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,

Что шакже съ правдой поступаютъ.

Поколъ совѣсть въ насъ чиста;

То правда намъ мила, и правда намъ свѣта,

Ее и слушають и принимаютъ:

Но только спалъ кривишь душей;

То правду далъ отъ ушей.

И всякой, какъ дишя, чесаешь волосъ не хочешь,

Когда ихъ склочешь.

XV.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь

Попался въ сѣть.

Надъ смертью издали шупи, какъ хочешь смѣло;

Но смерть въблизи совсѣмъ другое дѣло.

Не хочешся Медвѣдю умереть.

Не откажася бы мой Мишка и опъ драки,

Да весь опушанъ сѣтью онъ,

А на него со всѣхъ споронъ

Рогатины и ружья и собаки:

Такъ драка не по нѣмъ.

Вошь хочеть Мишка взятьъ умомъ,

И говоришь ловцу: мой другъ, какой виною

Я проспунилъ предъ шобою?

За что моей шы хочешь головы?

Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на Медвѣдей,

Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не шаковы!

Я, на примѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,

Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному

Никто не сдѣлаеть упрека,

Чтобъ мертваго я пронулъ человѣкъ,
 То правда, ошвѣчалъ на то ловець ему:
 Хвалю къ усопшимъ я почщеніе такое;
     За то, гдѣ случай ты имѣлъ,
 Живой ужъ опъ себя не вырывался цѣль,
     Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
 И оспаивалъ живыхъ въ покое.

XVI.

К О Л О С Ъ.

На нивѣ, зыблемый погодой, Колосокъ,
     Увидя за стекломъ въ шеплицѣ
 И въ нѣгѣ и въ добрѣ взлелѣянный цвѣшокъ,
 Межъ тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
 И бурямъ, и жарамъ, и холоду ошкрышъ,
     Хозяину съ досадою говоришъ:
 Зачто вы, люди, шакъ всегда несправедливы,
 Чшо кшо умѣешь вашъ ушѣвшишъ вкусъ, иль глазъ,
     Тому ни въ чемъ ошказа нѣшъ у васъ;
 А кшо полезенъ вамъ, къ шому вы нерадивы?
     Не главной ли доходъ швой съ нивы:
 А, посмотри, въ какой небрежности она!

Съ шѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ спекломъ когда насъ опъ ненастья,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?

Нѣтъ: мы совсѣмъ росши оставлены на счастье.

Тогда, какъ у тебя цвѣши,

Которми ни сытъ, ни богачѣшь ты,

Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ,
За спеклами распутъ въ пріюштѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что если бы о насъ ты сполько клалъ заботъ?

Вѣдь въ будущій бы годъ

Ты собралъ насъ самъ - солтъ,

И съ хлѣбомъ караванъ опсправилъ бы въ столицу.

Подумай, выспрой-ко пошире намъ шеплицу.

Мой другъ, хозяйнѣ опвѣчалъ,

Повѣрь, что главные мои о васъ заботы.

Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ споило работы

Разчислешь лѣсъ, удобришь землю вамъ:

И не было конца моимъ шрудамъ.

Но шолковать шеперь ни время, ни охоты,

Ни пользы нѣтъ.

Дожди жъ и въпра ты проси себѣ у неба;

А если бъ умный швой исполнилъ я совѣтъ,

То былъ бы безъ цвѣшовъ, и былъ бы я безъ хлѣба.

Такъ часто добрый селянинъ,

Простой солдатъ, иль гражданинъ,

Кой съ къмъ свое сличая состоянїе,
Приходящъ иногда въ ропшанье.
Имъ можно шождъ почти сказать и въ оправданье.

XVII.

МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предашельствомъ ты счастье сыскашь!
У самыхъ шѣхъ всегда въ глазахъ предашель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставишь въ грѣхъ ласкашь;
И первый завсегда къ бѣдѣ предашель близокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пуспншь
Въ свой садъ на лѣшо погоспншь.
Онъ обшцалъ веспн себя тамъ честно,
Не шрогая плодовъ, листочки лншь глодашь,
И шо, кошорые ужъ спанушь увядашь.
Крестьяннцъ судншь: какъ прнспаннща не дашь?
Ужъ лн опъ Червяка въ саду мнѣ будешъ шѣсно?
Пускай его - себѣ живѣшь.
При шомъ же важнаго убыпка бышь не можешъ,
Коль онъ листочка два - шри стложешъ.
Позволилъ: и Червякъ на дерево ползѣшь;

Нашелъ подъ вѣпочкой пріюмъ отъ непогодъ;

Живешъ безъ нужды, хоть не пышно,

И про него совсѣмъ не слышно.

Межъ шѣмъ ужъ золошишь плоды лучисшый царь.

Вошъ въ самомъ шомъ саду, гдѣ также спѣшь все спало,

Наливное, сквозное какъ яншарь,

При солнцѣ яблоко на вѣшкѣ дозрѣвало.

Мальчишка былъ давно шѣмъ яблокомъ плѣнѣнъ;

Изъ шысячи другихъ его замѣшилъ онъ:

Да доспушь къ яблоку мудрѣнъ.

На яблоню Мальчишка лѣзшь не смѣешь,

Ее пряхнушь онъ силы не имѣешь,

И, словомъ, яблоко доспахъ не знаешь какъ.

Кшо жъ въ кражѣ Мальчику помочь взялся? Червякъ.

Послушай, говоритъ, я знаю эшо шочно:

Хозяинъ яблоки велѣмъ снимашъ;

Такъ эшо яблоко обоимъ намъ непрочно;

Однако жъ я берусь его доспахъ,

Лишь подѣлись со мной. Себѣ шы можешь взяшь

Прошиву моего хощъ вдесятеро болѣ;

А мнѣ и самой малой доли

На цѣлый спанешъ вѣкъ голодашь.

Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;

Червякъ на яблоню, и работашъ пустился;

Онъ яблоко въ минушу подшочилъ.

Но что жъ въ награду получилъ?

Лишь только яблоко упало,
И съ съмечками съѣлъ его Мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой :
И шакъ ни Червяка, ни яблока не спало.

XVIII.

ПАСТУХЪ И МОРЕ.

Пасухъ въ Непшуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ :
На взморѣ, хижины уюшной обитатель,
Онъ спада малаго былъ мирный обладатель,
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, за то не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можешь бышь, онъ многихъ былъ царей.
Но, видя, наконецъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружающа богашые товары,
И ломяща отъ нихъ анбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пасухъ на то прельстился,

Разпродавъ стадо, домъ, товаровъ накупилъ,

Сѣлъ на корабль и за Море пустился.

Однако же походъ его недологъ былъ;

Обманчивость, морямъ природну,

Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ воцъ изъ глазъ,

Какъ буря поднялась;

Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,

И онъ насилу спасся самъ.

Теперь опяшь, благодаря морямъ,

Пошелъ онъ въ паспухи, лишь съ разницею шою,

Чшо прежде пасъ овецъ своихъ,

Теперь пасетъ овецъ чужихъ

Изъ плашы. Съ нуждою однако жъ хощъ большою,

Чего не сдѣлаешь пертъньемъ и прудомъ?

Не спивъ шого, не съѣвъ другова,

Скопиль денжонокъ онъ, завелся спадомъ снова,

И спалъ опяшь своихъ овечекъ паспухомъ.

Вошь нѣкогда, на берегу морскомъ,

При спадѣ онъ своемъ

Въ день ясный сидя,

И видя,

Чшо на Морѣ едва колышешся вода

(Такъ Море присмирѣло),

И плавно къ пристани бѣгушь по ней суда:

Мой другъ, сказалъ, опяшь шы денегъ захопѣло;

Но ежели моихъ, пустое дѣло!

Ищи кого инаго ты проведешь,
Ошь насъ тебѣ была ужь Chesъ.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А ошь меня впередъ копейки не доспанешь.

Баснь эту лишнимъ я почелъ бы толковать;
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться?
Найдешь ты тысячу несчастныхъ ошь нее,
Ни одного, кто не былъ ей обманушь.
А мнѣ, что говоришь ни спанушь,
Я буду все швердишь свое:
Что впередъ, Богъ вѣсть; а что мое — мое.

XIX.

П О Х О Р О Н Ы .

Въ Египтъ всшарину велось обыкновение,
Когда кого хошашъ пышнѣ хоронишь,
Наемныхъ плакальщицъ пускашь за гробомъ вышь.

Вошь нѣкогда на знашномъ погребеньѣ
Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника опъ жизни скороспечной

Въ домъ провожала вѣчной

На упокой.

Тутъ спранникъ, думая, что въ горести сердечной

То рвешся вся покойника родня,

Скажише, говоришь, не рады ли бѣ вы были,

Когда бѣ его вамъ воскресили?

Я магъ; на это есть возможность у меня:

Мы заклинанія съ собой шакія носимъ;

Покойникъ оживесть сей часъ.

Ощецъ, вскричали всѣ, обрадуй бѣдныхъ насъ!

Одной лишь милости пришлоу мы просимъ,

Чшобъ супокъ черезъ пашь

Онъ умеръ бы опашь,

Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова,
Да врядъ ли будешь и впередъ;
А какъ умрешь,
То вышь по немъ наймушь насъ вѣрно снова.

Есть много богачей, кошорыхъ смерть одна
Къ чему нибудь годна.

ХХ.

МАЛЬЧИКЪ И ЗМѢЯ.

Мальчишка, думая поймашъ Угря,
Схващилъ Змѣю, и, возрившись ошъ спраха,
Спаль блѣдень, какъ его рубаха.
Змѣя на Мальчика спокойно посмотри,
Послушай, говоришь, коль ты умнѣй не будешь,
То дерзосшь не всегда легко шебѣ пройдешь.
На сей разъ Богъ просишь; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шушишь!

XXI.

ПЧЕЛА И МУХИ.

Двѣ Мухи собрались лешъшь въ чужіе краи,

И спали подзывать съ собой шуда Пчелу.

Имъ насказали попугаи

О дальныхъ споронахъ большую похвалу.

При томъ же имъ самимъ казалось обидно,

Чшо ихъ на родинѣ своей

Вездѣ гоняють изъ госшей;

И даже до чего (какъ людямъ то не спыдно,

И что они за чудаки?):

Чшобъ поживишься имъ не дашь сласшиами

За пышными сполами,

Придумали ошъ нихъ спеклянны колпаки;

А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.

Пушь добрый вамъ, Пчела на эшо ошвѣчала;

А мнѣ

И на моей пріятно споронѣ.

Ошъ всѣхъ за сошы я любовь себѣ сыскала,

Ошъ поселанъ и до вельможъ.

Но вы лешите

Куда хошите!

Вездѣ вамъ будетъ счастье пожъ:
 Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
 Вы ни почтенны, ни любезны;
 А рады пауки лишь будутъ вамъ
 И шамъ.

Кто съ пользою отечеству прудился,
 Тотъ съ нимъ легко не разлучился;
 А кто полезнымъ бытъ способности лишёнъ,
 Чужая сторона тому всегда пріятна:
 Не бывши гражданинъ, шамъ ментъ презрѣнъ онъ,
 И никому его шамъ праздность не досадна.

XXII.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, прудясь надъ дугами,
 Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
 (А дуги гнутъ съ шерпньемъ и не вдругъ),
 Медвѣдь задумалъ жить такими же прудами.
 Пошелъ по лѣсу прескъ и спукъ,
 И слышно за версту проказу.
 Орѣшника, березняка и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣшное число,

А не дается ремесло.

Вошъ идешь къ мужику онъ попросишь совѣща,

И говоришь: сосѣдъ, что за причина эша?

Деревя-шаки я ломашь могу,

А не согнуль ни одного въ дугу.

Скажи, въ чемъ ешь шущъ главное умѣнье?

Въ шомъ, ошвѣчалъ сосѣдъ,

Чего въ шебъ, кумъ, вовсе нѣтъ:

Въ шерпѣнь.

XXIII.

МОТЪ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодець,

Въ наслѣдство получа богашее имѣнье,

Пусшился въ мотовство, и при большемъ радѣньи

Спустилъ все чисто; наконецъ

Съ одною шубой онъ остался,

И то лишь для шого, что было то зимой,

Такъ онъ морозовъ побоялся.

Но, Ласточку увидя, малой мой

И шубу промошалъ. Вѣдь эшо всѣ, чай, знаютъ,

Чшо ласпочки къ намъ прилешають

Передъ весной:

Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой.
Къ чему въ ней кушался, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ стѣверную глушь морозы загнаны?

Догадки малаго умны;

Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Чшо Ласпочка одна не дѣлаешь весны.

И подлинно, опять ошколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрываютъ обозы,
Изъ шрубъ сполбами дымъ, въ оконницахъ спекло

Узорами заволкло.

Отъ ссужи малаго прошибли слёзы,
И Ласпочку свою, предсечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замёршую. Тушь къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:

Проклятая, сгубила ты себя;

А, понадѣясь на шебл,

И я шеперь не во время безъ шубы.

XXIV.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:

По мнѣ пускай, что хочешь, говоряшь,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиновашъ!

Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубишь,
И добрую наружность сохранишь.

Красавицы, вамъ знашь всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ

Весеннего цвѣтка нѣжнѣе.

Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста,
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью васъ даетъ возможность,
И ваша слава ужъ не та.

Уже ли не глядишь? Уже ль не улыбаешься?

Не то я говорю; но только всякой шагъ

Вы свой должны обдумашъ шакъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.
Анюшочка, мой другъ!

Я для тебя и для твоихъ подругъ,
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вышверди ее; не ныцъ, такъ впередъ
Съ нею сберешь ты плодъ.

Послушай, что случилось съ Ягненокомъ;
Поставь свою ты куклу въ уголокъ!

Разсказъ мой будетъ корошокъ.

Ягненокъ сауру,

Надѣвши волчью шкуру,

Пошелъ по следу въ ней гулять:

Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;

Но псы, увидѣвши повѣсу,

Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,

Взревѣли, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,

И прежде, нежели опомнишься онъ могъ,

Чушь по клочкамъ его не разхватали.

По счастью пасхухи, узнавъ его, ошибили;

Но побывавъ у цсовъ не шушка на зубахъ:

Бѣдняжка онъ такой преводги

Насилу доволокъ въ овчарню ноги;

А тамъ онъ спалъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,

И проспоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.

А если бы Ягненокъ былъ уменъ,

И мысли бы боялся онъ

Похожимъ быть на волка.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Рис. Н. Шевелева.

9

Грав. В. Переломов.

ВАСИЛЕКЪ.

КНИГА СЕДЪМАЯ.

Б А С Н И.

I.

В А С И Л Е К Ъ.

Въ глуши разцвѣвшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,

Ц, голову склоня на сшибелекъ,

Уныло ждалъ своей кончины;

Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:

Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,

И солнце красное поля здѣсь освѣтило!

Бышь можешь, и меня оно бы оживило.

Ужъ какъ ты просишь, мой другъ!

Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ.

Не ужъ ли солнышку лишь только и заботы,

Чтобы смогрѣть, какъ ты расцвѣшь,

И вянешь ли, или цвѣнешь?

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты

На это нѣтъ.

Когда бы ты лепалъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ;
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ шолько и живушь, имъ шолько и счастливы:

Оно своею теплотой

Огромные дубы и кедры согреваешь,
И восхищительной для сердца красотой
Цвѣшны душистые богато убираешь;

Да шолько тѣ цвѣшны

Совсѣмъ не то, что ты:

Они такой цѣны и красоты,

Что само время ихъ жалѣя коситъ;

А ты ни пышень, ни пахучь:

Такъ солнца ты своей доукою не мучь!

Повѣрь, что на себя оно луча не броситъ,

И добиваясь ты пущаго перестань,

Молчи и вянь!

Но солнышко взошло, природу освѣтило,

По царству флорину разсыпало лучи,

И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,

Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ

Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его доспигнешь; тамъ оно

Былинкѣ ль, кедру ли благошворить равно,
И радость по себѣ и счастье оставляешь;
За то и видѣ его горить во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ воспочныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляешь.

II.

БУЛЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Пошерынный Алмазъ валялся на пушѣ;
Случилось наконецъ купцу его найши.
Онъ опъ купца
Царю предсавлень,
Имъ куплень, въ золотъ оправлень,
И украшеніемъ спалъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился;
Блещащею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
Пожалуй-сша, землякъ,
Возми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подѣ дождемъ и въ слякоши я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знатъ попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;

Такой же камень онъ и мнѣ набитой брашъ.
Возми жь меня: какъ знать? Коль тамъ я покажуся;
То такъ же, можешь быть, на дѣло пригожуся.
Взялъ камень мужичекъ на свой тяжелой возъ
И въ городъ онъ его привёзъ.
Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взялъ, но взялъ для мостовой.

III.

ПЛОТЧКА.

Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мошылка, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ удаётся,
Что крылышки сосжешь мой мошылёкъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненіе и урокъ:
Онъ и для взрослого хорошъ и для ребенка.
Ужъ ли вся басня шутъ: ты спросишь; погоди:
Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу правоученье.

Вошь вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:

Сначала крапкосты, теперъ ужъ ты

Боишься длинношты.

Что жъ дѣлать, милой другъ: возьми шерпѣнье!

Я самъ того жъ боюсь.

Но какъ же быть? Теперъ я старъ спановлюсь:

Погода къ осени дождливѣй,

А люди къ старости болшпливѣй.

Но чтобы дѣла мнѣ не выпустишь изъ глазъ,

То выслушай: слыхалъ я много разъ,

Что, легкіе просшупки ставя въ малость,

Въ нихъ извинишь себя хотяшъ

И говоряшъ:

За что винишь шущъ? Это шалость;

Но эша шалость намъ къ паденью первый шагъ:

Она спановишся привычкой, послѣ спрасшью,

И, увлекаа насъ въ порокъ съ гигантской властью,

Намъ не даешъ опомнишься никакъ.

Чтобы тебѣ живѣй представишь,

Какъ на себя надѣяность вредна,

Позволь мнѣ басенкой себя ты позабавишь;

Теперъ изъ - подъ пера сама идетъ она,

И можешъ съ пользою тебя насшавишь.

Не помню у какой рѣки,

Злодѣи царства водянаго,

Пріюють имѣли рыбаки.

Въ водѣ, по близости у берега крушаго,

Плошичка рѣзвая жила.

Проворна и пришомъ лукава,

Небоязливаго была Плошичка права:

Вкругъ удочекъ она вершѣлась, какъ юла,

И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.

Когда за пожданье онъ въ чайнѣ награды

Закинешь уду, глазъ неводишь съ поплавка;

Вотъ, думаешь, взяла: въ немъ сердце вострепещетъ;

Взмахнешь онъ удой: глядь, крючекъ безъ червяка;

Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,

Сорвешь приманку, увернешься,

И, хоть ты что, обманешь рыбака.

Послушай, говоришь другая ей плошица:

Не одобровашь тебѣ, сестрица!

Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,

Что ты всегда вкругъ удочекъ вершишься?

Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ просишься.

Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.

Сегодня съ рукъ сошло, а завтра кто порука?

Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.

Вотъ, говоришь моя Плешва:

Вѣдь я не близорука!

Хоть хитры рыбаки, но спрахъ пусшой ты брось!

Я вижу хитрость ихъ насквозь.

Вотъ видишь уду! Вонъ закинуша другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смощри же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!

И къ удочкамъ снѣлой пустилась:
Рванула съ шой, съ другой; на шрешей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду.
Тушь поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжашъ опасности сначала.

IV.

ПАУКЪ И ПЧЕЛА.

По мѣшъ шаланты тѣ негодны,
Въ которыхъ свѣшу пользы нѣтъ;
Хоть иногда и имъ дивишся свѣтъ.

Купецъ на ярмонку привезъ полошны;
Они шакой шоваръ, что надобны для всѣхъ.
Купцу на шоргъ пожаловашся грѣхъ;
Покупщиковъ отбоя нѣтъ; у лавки
Доходишь иногда до давки.
Увидя то, зависливый Паукъ
На барыши купца прельсшилсѣ,
Задумалъ на продажу шкать,

Купца зашъялъ подорвать,
И лавочку опкрыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основаль, прошкаль наскозь всю ночь,
Поставиль свои шоварь на диво,
Засѣлъ надувшися спѣсиво,
Опъ лавки не опходишь прочь;

И думаешь: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупателей къ себѣ онъ переманишь.
Вотъ день насталь: но чтожь? Проказника мешлой
Смели и съ лавочкой долой.

Паукъ мой бѣснися съ досады.
Вотъ, говоришь, жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣ шканье:
Купцово, иль мое?

Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ?
Пчела отвѣстствуетъ; извѣстно шо давно,
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваешь и не грѣешь?

V.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Когда почтенъ бытъ хочешь у людей,
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

Мужикъ съ Змѣею подружился.
Извѣстно, что Змѣя хитра:
Такъ вкралась въ Мужика она,
Что ею только онъ и клялся и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
Помилуйте, Мужикъ пѣняетъ,
За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостишь жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?
Нѣтъ, кумъ - Машвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ,
Къ себѣ бы рады мы, сосѣдъ;
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Ни огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ:
Но что жъ за радость, разсуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?

VI.

КОТЕЛЪ И ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ Кошломъ большую дружбу свель:
Хошя и познашій порокою Котель;
Но въ дружбѣ что за счесть? Котель горой за сваща;
Горшокъ съ Кошломъ за панибраша;
Другъ безъ друга они не могушъ бышъ никакъ;
Съ ушра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ
И съ очага и на очагъ.
Вошъ вздумалось Кошлу по свѣшу прокашиться,
И друга онъ съ собой зовешъ.
Горшокъ нашъ ошъ Кошла никакъ не отсшаешъ,
И вмѣстѣ на одну шлѣгу съ нимъ садишся.
Пустилися друзья по шряской мосшовой,
Толкаюшся въ шлѣгъ межъ собой.
Гдѣ горки, рышвины, ухабы;
Кошлу бездѣлица: горшки нашурой слабы;
Ошъ каждого толчка Горшку большой накладъ.
Однако жъ онъ не думаешъ назадъ,

И глиняной горшокъ шому лишь радъ,
Что онъ съ кошломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ спранствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣль домой Кошель съ дороги ворошился,
А опъ Горшка одни остались черепки,
Чишпашель, басни сей мысль самая проспая:
Что равенство въ любви и въ дружбѣ вещь свящанъ.

VII.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Поспигнушъ старостью, лишился силы:
Нѣшъ крѣпости въ кохпяхъ, нѣшъ оспрыхъ шѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самага едва паскаюшъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ шеперь не спрашенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ ошмценье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копышомъ крѣпкимъ бьешъ,
То зубомъ волкъ рванешъ,

То ошпырь рогомъ вошь боднешъ.
 Левъ бѣдный въ горѣ шоль великомъ,
 Сжавъ сердце, шерпшь все, и ждешъ кончины злой,
 Лишь изыавляя ропошь свой
 Глухимъ и шомнымъ рыкомъ,
 Какъ видишь, что осель шуда жъ, напужа грудь,
 Сбираешся его лягнушь
 И смотришь мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольше,
 О боги, возопилъ сшеная Левъ шогда,
 Чшобъ не дожишь до эшаго сшыда,
 Пошлише лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе:
 Какъ смѣрть моя ни зла,
 Все легче, чѣмъ шерпшь обиды ошъ осла.

VIII.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Ошколь умная бредешъ ты голова?
 Лисица, встрѣшяся съ Осломъ, его спросила,
 Сей часъ лишь ошъ льва:
 Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?
 Бывало, зарычишь, такъ спонешъ лѣсъ кругомъ,
 И я безъ памяши бѣгомъ,

Куда глаза глядишь, ошь эшаго урода;

А нынѣ въ спаросши и дряхль и хиль;

Совсѣмъ безъ силъ,

Валяешься въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь ли? Въ звѣряхъ

Пропаль къ нему весь прежній страхъ,

И попламился онъ спаринными долгами.

Кшо мимо льва ни шель, всякъ вымѣщаль ему

По - своему:

Кто зубомъ, кшо рогами.

Но ты коснушься лъву конечно не дерзнуль?

Лиса Осла перерываешь.

Вошь на! Осель ей ошвѣчаетъ,

А мнѣ чего робѣшь? И я его лягнуль:

Пускай ослиныя копышы знаешь.

Такъ души низкія, будь знашенъ, силенъ шы,

Не смѣють на шебя поднышь они и взгляды;

Но упади лишь съ высошы,

Ошь первыхъ жди ошь нихъ обиды и досады!

IX.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей досыща, до опвала;
Наѣвшись, выпалась подъ нимъ;
Пошомъ, глаза продравши, вспала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
Вѣдь это дереву вредишь,
Ей съ дуба воронъ говоришь:
Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.
Пусть сохнетъ, говоришь Свинья:
Ничушь меня то не превозишь;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничушь не пожалю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я ошъ нихъ жирѣю.
Неблагодарная, промолвила дубъ ей шушь:
Когда бы вверхъ могла поднять шы рыло,
Тебѣ бы видно было,
Чшо эти жолуди на мнѣ распушь.

Невѣжда шакже въ ослѣпленѣ
Бранишь науки и ученье

И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

X.

МУХА И ПЧЕЛА.

Въ саду весной, при легкомъ вѣтерѣ,
На шонкомъ шебелѣтъ
Качалась Муха сидя,
И на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спѣсиво говоришь: ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера прудишься цѣлый день!
На мѣстѣ бы швоемъ я въ сушки захирѣла.
Вошь, на примѣръ, мое
Такъ право райское жишье.
За мною только лишь и дѣла,
Лешать по баламъ, по гостямъ:
И молвишь не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ дома.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую шамъ!
Гдѣ только свадьба, именины;
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно шущь,
И тѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,

И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю изъ лакомыхъ сластей,
Пришомъ же, жалуя полъ нѣжной,
Вкругъ молодыхъ красавицъ व्यюсь,
И опдыхашъ у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной.
Все это знаю я, отвѣшпвуешь Пчела;
Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняють со стыдомъ.
Вошь, Муха говоришь, гоняють: что жъ такое!
Коль выгоняшь въ окно, такъ я влечу въ другое:

XI.

М Ы Л Ы Н И К Ъ.

У Мъльника вода плошину прососала:

Бѣда бѣ не велика сначала,

Когда бы руки приложишь;

Но кшапи ль? Мъльникъ мой не думаетъ шужишь;

А печь день ото дня сильнѣе спановишся:

Вода такъ бѣшь, какъ изъ ведра.

Эй, Мъльникъ, не зѣвай! Пора,

Пора тебѣ за умъ хвашишся.

А Мъльникъ говоришь: далеко до бѣды,

Не море надо мнѣ воды,

И ею мѣльница по весь мой вѣкъ богаша.

Онъ спишь, а между шѣмъ

Вода бѣжишь, какъ изъ ушаша.

И вошь бѣда пришла совсѣмъ:

Спаль жорновъ, мѣльница не служишь.

Хвашился Мъльникъ мой: и охаешь и шужишь,

И думаетъ, какъ воду уберечь.

Вошь у плошины онъ, осматривая печь,

Увидѣлъ, чшо къ рѣкѣ пришли напишся куры.

Негодная, кричишь, хохлашки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивашь:

И въ нихъ полѣномъ хватаь.

Какое жь сдѣлалъ шѣмъ себѣ подспорье?
Безъ курь и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Чшо естъ такіе Господа
(И эша басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегушь огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, чшо домъ
Скорешенько пойдешъ верхъ дномъ?

XII.

ЗМѢЯ И ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлый свѣшъ;
У ней другаго чувства нѣтъ,
Какъ злишься: создана ужь шакъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вошъ, выползши она, въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка шуманно небо спало;
Вся кровь опъ яда въ немъ горитъ.
Что сдѣлалъ я тебѣ: Змѣѣ онъ говоришь. —
Кшо знаешь? Можешь бышь, ты съ шѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня, шилишь ему Змѣя:
Изъ осторожности себя караю я. —
Ахъ, нѣтъ, онъ отвѣчалъ: и съ жизнью шупъ разспался.

Въ комъ сердце шакъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно
И ненависть одну ко всѣмъ питаешь;
Тошъ всякаго своимъ злодѣемъ почишаешь.

XIII.

ДИКІЯ КОЗЫ.

Паспухъ нашель зимой въ пещерь дикихъ Козъ.
Онъ въ радости боговъ благодарить сквозь слёзы:
Прекрасно, говоришь, ни клада мнѣ не надо,

Теперь мое прибудетъ вдвое спадо;

И не доѣмъ и не досплю,

А милыхъ Козочекъ къ себѣ я прикормлю,

И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсь.

Вѣдь паспуху спада, что барину помѣстье:

Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,

И масла и сыры скопляетъ.

Подъ часъ онъ пожь и шкурки съ нихъ деретъ:

Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ.

А корму на зиму у паспуха запасъ.

Вошь отъ своихъ овецъ онъ къ гостямъ кормьшаскаетъ;

Голубить ихъ, ласкаетъ;

Къ нимъ на день ходишь по спу разъ;

Ихъ всячески стараешься привадишь.

Убавиль корму у своихъ,

Теперь покаместъ не до нихъ,

И со своими жь легче сладитьъ:
Сынца имъ бросить по клочку,
А стануть приступать, такъ дасть имъ по полчку,
Чшобъ менѣ въ глаза совались.
Да только вошь бѣда: когда пришла весна,
То Козы дикія всѣ въ горы разбѣжались;
Не по ушесамъ жизнь казалась имъ грушна;
Свое же спадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой паспухъ пошелъ къ веснѣ съ сумой,
Хотя зимой
На барыши въ умъ расчитывалъ прекрасно.
Паспухъ! Тебѣ шеперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ дикихъ спрашить кормъ напрасно,
Не лучше ли бѣ своихъ поболье беречь?

XIV.

Г О Л И К Ъ.

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь;

Ужъ онъ половъ не будешь въ кухняхъ месъ:

Ему поручены господскіе кафшаны

(Какъ видно, слуги были пьяны).

Вошь развозился мой Голикъ:

По плащю барскому безъ успали колошишь;

И на кафшанахъ онъ какъ будшо рожь молошишь.

И подлинно, что шрудъ его великъ.

Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязень, неопрятень:

Что жъ пользы ошъ его шруда?

Чѣмъ больше чисшишь онъ, шѣмъ шолько больше пшатень.

Бываетъ шолько же вреда,

Когда

Невѣжа не въ свои дѣла влмешся,

И поправляшь шруды ученаго возмешся.

XV.

БОГАЧЬ И ПОЭТЬ.

Съ великимъ Богачемъ Поэть зашѣялъ судъ,

И Зевса умоляя онъ за себя вступиться.

Обоимъ велѣно на судъ явиться.

Пришли: одинъ и шощь и худъ,

Едва одѣшъ, едва обушъ;

Другой весь въ золошъ и спѣсю весь раздушъ.

Умилосердися, Олимпа самодержецъ,

Тучегонишель, громовержецъ!

Кричишь Поэшь: чѣмъ я виновенъ предъ шобой,

Что съ юноши шерплю Форшуну злой гоненье?

Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье

Въ одномъ воображеньѣ;

Межъ шѣмъ, когда соперникъ мой,

Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ швоимъ кумиромъ,

Въ палахахъ окружень поклонниковъ толпой,

Ошъ роскоши и нѣги заплымъ жиромъ.

А эшо развѣ ничего,

Что въ позднѣй вѣкъ швоей доспигнушъ лиры звуки:

Юпишеръ ошвѣчалъ, а про него

Не только правнуки, не будущъ вѣдашь внуки.
 Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
 Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
 Но вѣрь, коль при его умѣ была бѣ возможность
 Почувствовать свою передъ тобой ничтожность,
 Онъ болѣе бѣ тебя на жребій свой ропсалъ.

XVI.

СОЛОВЬИ.

Какой-то пшнцеловъ

Весною наловилъ по рощамъ соловьёвъ.

Пѣвцы разсажены по клѣшкамъ и заплѣли,

Хошь лучше бѣ по лѣсамъ гуляшь они хотѣли:

Когда сидишь въ шюрмѣ, до пѣсень ли ужъ шушь?

Но дѣлашь нечего: поюшь,

Кто съ горя, кто отъ скуки.

Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей

Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:

Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей;

Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.

Сквозь слезъ изъ клѣшки онъ посмаприваешь въ поле;

Тоскуешь день и ночь;

Однако жь думаетъ: злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь опъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособишь,
И, кажешся, бѣду могу я съ шеи сбить;
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать:
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Бышь можешь, тѣмъ себѣ свободу заслужу.
И началъ пѣсни мой пѣвецъ:
И вечеръ пѣснями кончается,
И солнечный восходъ онъ пѣснями встрѣчаетъ.
Но что же вышло наконецъ?
Онъ шолько ошягчилъ свою тѣмъ злую долю.
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно
Хозяинъ ошворилъ и клѣшки и окно,
И разпустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ сперегли его плошнѣй.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позоваль въ судъ Овцу;
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло:
Судья лиса; оно въ минуточку закипѣло.
Допросъ отвѣтчику, запросъ ищцу,
Чтобъ рассказать по пунктамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоришь: шакаго-шо числа
Поушру у меня двухъ куръ не досчитались;
Ошъ нихъ лишъ косточки, да перушки оспались;
А на дворѣ одна Овца была.
Овца же говоришь: она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ помѣ въ свидѣтели звала,
Чшо никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совѣтъ не ѣсть мяснова.
И приговоръ лисы вошъ ошъ слова до слова:
Понеже хоронить концы
Всѣ плушы, вѣдомо, искусны;

Но такъ какъ, со двора не оплучаясь прочь,

Овца та съ курами была одна всю ночь,

А куры очень вкусны,

И случай былъ удобенъ ей;

То, обстоятельства соображая дѣла,

Я признаюсь по совѣсти моей,

Нельзя, чѣмъ утерпѣла

И куръ она не съѣла;

И въ слѣдствіе того казнишь Овцу,

И мясо въ судъ отдашь, а шкуру взяшь испцу.

XVIII.

С К У П О Й.

Какой-то Домовой сперегъ богатый кладъ,

Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ

Отъ демонскаго воеводы

Лешть за придевашъ земель на многи годы.

А служба такова: хоть радъ, или нерадъ,

Исполнишь должно повелѣнье.

Мой Домовой въ большомъ недоумѣньѣ:

Какъ безъ себя сокровище сберечь?

Кому его сперечь?

Наняшь смотришеля, поспроишь кладовые:

Разходы надобно большіе;

Оставишь такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть;

Нельзя ручаться ни за сушки;

И вырышь могушь и украсишь:

На деньги люди чушки.

Хлопочешь, думаешь: и вздумалъ наконецъ.

Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.

Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому,

И говоришь: хозяинъ дорогой!

Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;

А я всегда доволенъ былъ тобой:

Такъ на прощанье въ знакъ пріязни

Мои сокровища принять не откажись!

Пей, ѣшь себя и веселись,

И шрашь ихъ безъ боязни!

Когда же придешь смерть швоя;

То твоей одинъ наслѣдникъ я:

Вотъ все мое условье;

А впрочемъ, да продлишь судьба твое здоровье!

Сказалъ, и въ пущь. Прощель десятокъ лѣтъ другой.

Исправя службу, Домовой

Лепишь домой

Въ отечески предѣлы.

Чтожь видишь? О восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ

Ошъ голода издохъ на сундукъ;

И всѣ червонцы цѣлы.
Тушъ Духъ опятьъ свой кладъ
Себѣ присвоиль,
И былъ сердечно радъ,
Чшо сторожъ для него ни денежки не стоиль.

Когда у золоша скупой ни ѣсть, ни пьсть,
Не Домовому ль онъ червонцы бережеть?

XIX.

ВОЛКЪ И МЫШЕНОКЪ.

Изъ спада сѣрый Волкъ
Въ лѣсъ овцу зашацилъ, въ укромный уголокъ,
Ужь разумѣлся не въ гости :
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И шакъ ее онъ убиралъ,
Чшо на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жадень былъ, а съѣсть всего не могъ;
Осшавиль къ ужину запасъ, и подлѣ лёгъ
Понѣжишься, вздохнушь отъ жирнаго обѣда.
Вошъ, близкаго его сосѣда,
Мышенка запахомъ пирушки привлекло.

Межь мховъ и кочекъ онъ шихохонько подкрался,
Схвашилъ кусокъ мяса, и съ нимъ скорѣй убрался

Къ себѣ домой, въ дупло.

Увидя похищенье,

Волкъ мой

По лѣсу поднялъ вой;

Кричишь онъ: караулъ, разбой!

Держише вора! Раззоренье:

Расхишили мое имѣнье.

Такое жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:

У Климыча - судьи часишки воръ спянулъ,

И онъ кричишь на вора: караулъ!

XX.

ДВА МУЖИКА.

Здорово, кумъ Оаддей! Здорово, кумъ Егоръ!

Ну, каково, пріятель, поживаешь?

Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!

Богъ поѣвшиль меня: я сжегъ до пла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.

Какъ шакъ? Плохая, кумъ, игрушка!

Да шакъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;

Я со свѣчей пошелъ дашь корму лошадямъ:

Признашься, въ головѣ шумѣло;

Я какъ-шо заронилъ, насилу спасся самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.

Ну ты какъ? Охъ, Оаддей, худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, знашь, Богъ:

Ты видишь, я безъ ногъ;

Какъ самъ оспался живъ, счишаю право дивомъ.

Я, пожь о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,

И поже черезъ чуръ, признашься, я хлебнулъ

Съ друзьями палугара;

А чшобъ въ хмѣлю не сдѣлашь мнѣ пожара,

Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:

Анъ бѣсъ меня въ пошмахъ шакъ съ лѣспницы толкнулъ,

Чшо сдѣмалъ изъ меня совсѣмъ не - человекъ,

И вошь я съ шой поры колъка.

Пѣнайше на себя, друзья!

Сказалъ имъ свашъ Степанъ. Кошь молвишь правду, я

Совсѣмъ не чшу за чудо,

Чшо ты сожегъ свой дворъ, а ты на косшыляхъ;

Для пьянаго и со свѣчею худо,

Да врядъ не хуже ль и въ пошмахъ,

XXI.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣщъ звѣрей:
Кого бѣ надъ рыбами поставишь въ воеводы?
Какъ водился, пошли на голоса:
И выбрана была лиса.
Вопъ лисынька на воеводство сѣла:
Лиса примѣтно пополстѣла.
У ней былъ мужичекъ пріятель, свашъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ шѣмъ, какъ съ бережку лисица рядишь, судишь,
Кумъ рыбку удишь,
И дѣлишь съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плунии не всегда удачно сходяшь съ рукъ.
Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осмашривашъ владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, разклатъ у рѣчки огонекъ,

И съ кумушкой попировашь собирался;
Бѣдняжки прыгали опъ жара, кпо какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, мешался.

На мужика разинувъ зевъ:
Кто шы, что дѣлаешь, спросилъ сердишо левъ.
Великій государь, ошвътшсвуешь плушовка
(У лисыньки всегда въ запасъ есть уловка),
Великій государь,

Онъ у меня здѣсь секрешарь:
За безкорыстїе уваженъ всѣмъ народомъ;
А эшо караси, все жиптели воды:
Мы всѣ пришли сюды
Поздравилъ, добрый царь, тебя съ твоимъ приходомъ.
Ну, какъ здѣсь идешь судъ? Доволенъ ли вашъ край?
Великій государь, здѣсь не жипье имъ, рай:
Лишь только бъ дни твои безцѣнные продлились
(А рыбки между пѣмъ на сковородкѣ бились).
Да опъ чего же, левъ сиросилъ, скажи шы мнѣ,
Хвостами шакъ онѣ и головами машупъ?
О мудрый левъ, лиса ошвътшсвуешь, онѣ
На радости, тебя увидя, пляшупъ.
Не могли болѣ шупъ левъ явной лжи сшерпѣшь,
Чшобъ не безъ музыки плясашъ народу,
Секрешаря и воеводу
Въ своихъ кохшяхъ заспавиль пѣшь.

XXII.

КОТЕНОКЪ И СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ Скворецъ :
Философъ, говорунъ пренапный;
И свель съ Кошенкомъ дружбу онъ.
Кошенокъ былъ ужъ кошикъ преизрядный,
Но пихъ и вѣжливъ и смирѣнь.
Вошь какъ - то былъ въ столѣ Кошенокъ обдѣлень.
Бѣдняжку голодъ мучишь:
Задумчивъ бродишь онъ, скучаючи посшомъ;
Поводишь ласково хвостомъ ,
И жалобно мяучишь.
А философъ Кошенка учишь,
И говоришь ему: мой другъ, ты очень просшь,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣшкѣ надъ носомъ швоимъ висишь щегленокъ :
Я вижу, ты прямой кошенокъ.
Но совѣсть... Какъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ,
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ пусшныя только шушки!

На свѣтъ кто силенъ,
 Тотъ дѣлать все воленъ.
 Вошь доказательства шебъ и вошь примѣры.
 Тупъ на свои манеры
 Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
 Кошенку нашоцакъ понравилась она:
 Онъ выпасилъ и съѣлъ щегленка.
 Разлакомилъ кусокъ шакой Кошенка,
 Хомя имъ голода онъ ушлишь не могъ.
 Однако же второй урокъ
 Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
 И говоритъ Скворцу: спасибо, милый кумъ!
 Наспавилъ шы меня на умъ.
 И, клѣшку разломавъ, учишеля онъ скушалъ.

XXIII.

Д В Ъ С О Б А К И.

Дворовый вѣрный пёсъ
 Барбось,
 Который барскую усердно службу нёсъ,
 Увидѣлъ старую свою знакомку
 Жужу, кудрявую болонку,

На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.

Къ ней ласлся, какъ будто бы къ роднѣ,

Онъ съ умиленія чуть не плачетъ,

И подъ окномъ

Визжитъ, вертитъ хвостомъ

И скачетъ.

Ну что, Жужутка, какъ живешь

Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?

Вѣдь, помнишь, на дворъ мы часто голодали.

Какую службу ты несешь?

На счастье грѣхъ роптать: Жужутка отвѣчаетъ.

Мой господинъ во мнѣ души не чаешь;

И тѣмъ и пью на серебрѣ;

Живу въ довольствѣ и добрѣ,

Рѣзвлюся съ бариномъ: а ежели устану,

Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.

Ты какъ живешь? — Я, отвѣчалъ Барбось,

Хвостъ плечью опустя и свой повѣся носъ,

Живу по - прежнему: терплю и холодъ

И голодъ,

И, сберегаячи хозяйской домъ,

Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождёмъ;

А если невпопадъ залаю,

То и побои принимаю.

Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попадъ

Безсиленъ бывши шакъ и малъ?

Межь тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно,
Чѣмъ служишь ты?—Чѣмъ служишь—вошь прекрасно,
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
На заднихъ лапкахъ я хожу.

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

XXIV.

КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Поймала Кошка Соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила,
И, ласково его сжимая, говорила:
Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ спавятъ.
Мнѣ говоришь лиса кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелесныхъ пѣсень
Вся пастухи, пастушки безъ ума.
Хотѣла бь очень я сама
Тебя послушать.
Не шрепещися такъ, не будь, мой другъ, упрямъ,

Не бойся: не хочу совѣсть тебѣ я кушать.
Лишь спой мнѣ что нибудь, тебѣ я волю дамъ
И опущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю.

Межъ тѣмъ мой бѣдный Соловей
Едва, едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
Ну, что же: продолжаетъ Кошка,
Пропой, дружокъ, хотя немножко.
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
Такъ эшимъ-то лѣса ты восхищалъ?
Съ насмѣшкою она спросила.
Гдѣ жъ эша чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку швердятъ?
Мнѣ скучень пискъ такой и опъ моихъ копящъ.
Нытъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе неискусень.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусень:
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

Сказать ли на ушко ясное мысль мою?

Худыя пѣсни соловью

Въ когтяхъ у кошки.

XXV.

П Р И Х О Ж А Н И Н Ъ.

Есть люди: будь лишь имъ пріишель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель.
За то уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
Не только, чѣмъ ошь нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовашъ бояшся.
Хоть, можешь бышь, я имъ немного досажу,
Но вмѣсто басни былъ на эшо я скажу.

Во храмъ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его шекла.
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣпью золошой,
Возьмемъ къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный щещей.
Душъ пасшырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ

Восхищенный въ сердечномъ умиленъ,
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жь изъ Божьяго міряне вышли дому:
Какой пріятный даръ,
Изъ слушателей тушь сказалъ одинъ другому;
Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знаешь, чорсшвая природа,
Что на тебѣ слезинки не выдашь?
Иль ты не понималъ? — Ну, какъ не понимаешь!
Да плакать мнѣ какая спашь:
Вѣдь я не эшаго прихода.

XXVI.

В О Р О Н А.

Когда не хочешь быть смѣшенъ ,
Держися званія, въ кошоромъ ты рожденъ.
Простолюдимъ со знатью не роднися ;
И если карлой сотворенъ ,
То въ великаны не тѣянися ,
А помни свой ты чаще ростъ.

Нашыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ ,
Ворона съ павами пошла гулять спѣсиво ,
И думаетъ , что на нее
Родня и прежніе пріятели ее
Всѣ заглядятся , какъ на диво ;
Что павамъ всѣмъ она сестра ,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокоумья ?
Что павами она ощирана кругомъ ,
И что , бѣжавъ оупъ нихъ , едва не кувыркомъ ,
Не говори ужъ о чужомъ ,
На ней и своего ошалося мало перья.

Она - было назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея запѣи тѣмъ,
Что опъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Я эпу басенку вамъ былью поясню.
Машренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войши родню.
Приданого за ней полмилліона.
Вотъ выдали Машрену за Барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колешъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;
А старая за то, что къ знатымъ пришлась:
И сдѣлалась моя Машрёна
Ни пава, ни ворона.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

(Басни, отмѣенныя звѣздою, знагати переводъ,
или подражаніе.)

К Н И Г А П Е Р В А Я.

	Стран.
I. Конь и Всадникъ	3.
II. Ворона и Лисица *	5.
III. Дубъ и Трость *	6.
IV. Музыканшы	8.
V. Два Голубя *	9.
VI. Лягушка и Вошь *	13.
VII. Ворона и Курица	14.
VIII. Ларчикъ	15.
IX. Морь звѣрей *	17.
X. Пѣшухъ и Жемчужное зерно *	21.
XI. Разборчивая Невѣста *	22.
XII. Волкъ и Ягненокъ *	25.
XIII. Парнасъ	27.
XIV. Левъ и Комарь *	29.
XV. Оракулъ	31.
XVI. Роща и Огонь	32.
XVII. Лягушки, просящія царя *	34.
XVIII. Спарикъ и шрое Молодыхъ *	37.
XIX. Орелъ и Куры	39.
XX. Муха и Дорожные *	41.
XXI. Обезьяны	43.
XXII. Пустынникъ и Медвѣдь *	45.
XXIII. Стрекоза и Муравей *	48.
XXIV. Квартешь	49.

КНИГА ВТОРАЯ.

	Спран.
I. Чижь и Ежъ	53.
II. Левъ на ловлѣ *	54.
III. Синица	55.
IV. Осель	57.
V. Червонецъ	59.
VI. Безбожники	61.
VII. Мартышка и Очки	63.
VIII. Троеженецъ	64.
IX. Левъ и Барсъ	66.
X. Вельможа и Философъ	68.
XI. Раздѣлъ	69.
XII. Бочка	70.
XIII. Прохожіе и Собаки	72.
XIV. Волкъ на псарнѣ	73.
XV. Лжець	75.
XVI. Ручей	78.
XVII. Лисица и Сурокъ	80.
XVIII. Заяць на ловлѣ	81.
XIX. Орелъ и Пчела	82.
XX. Щука и Котъ	84.
XXI. Волкъ и Кукушка	86.
XXII. Крестьянинъ и Работникъ	88.
XXIII. Обозъ	89.
XXIV. Демьянова уха	91.
XXV. Собачья дружба	93.

КНИГА ТРЕТІЯ.

I. Фортуна и Нищій	99.
II. Ошкупщикъ и Сапожникъ *	101.
III. Вороненокъ *	105.
IV. Крестьянинъ и Смерть *	107.
V. Подагра и Паукъ *	108.

VI. Лисица и Виноградъ *	112.
VII. Осель и Соловей	113.
VIII. Слонъ на воеводствѣ	114.
IX. Крестьянинъ въ бѣдѣ	116.
X. Хозяинъ и Мыши	118.
XI. Слонъ и Моська	119.
XII. Волкъ и Волченочъ	120.
XIII. Обезьяна	122.
XIV. Совѣтъ мышей	123.
XV. Мѣшокъ	125.
XVI. Кошъ и Поваръ	128.
XVII. Огородникъ и Философъ	130.
XVIII. Крестьянинъ и Лисица	132.
XIX. Воспишаніе Льва	134.
XX. Листы и Корни	138.
XXI. Гуси	140.
XXII. Свиныя	141.
XXIII. Орелъ и Паукъ	142.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Осель и Мужикъ	147.
II. Лань и Дервишъ	148.
III. Орелъ и Крошъ	149.
IV. Волкъ и Лисица	151.
V. Бумажный Змѣй	152.
VI. Дерево	153.
VII. Лебедь, Щука и Ракъ	155.
VIII. Собака	156.
IX. Механикъ	157.
X. Прудъ и Рѣка	159.
XI. Тришкинъ кафшанъ	161.
XII. Крестьянинъ и Разбойникъ	162.
XIII. Цвѣты	163.

	Стран.
XIV. Любопытный	164.
XV. Мирская сходка	165.
XVI. Крестьянинъ и Змѣя	167.
XVII. Скворецъ	169.
XVIII. Волкъ и Журавль *	170.
XIX. Пожаръ и Алмазь	171.
XX. Крестьяне и Рѣка	173.
XXI. Добрая Лисица	174.
XXII. Водолазы	177.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Напраслина	185.
II. Чижь и Голубь	187.
III. Хмѣль	188.
IV. Мышь и Крыса	189.
V. Госпожа и двѣ служанки *	190.
VI. Камень и Червякъ	192.
VII. Медвѣдь у Пчелъ	193.
VIII. Зеркало и Обезьяна	195.
IX. Комаръ и Паспухъ	196.
X. Рыцарь	197.
XI. Тѣнь и Человѣкъ	198.
XII. Крестьянинъ и Топоръ	199.
XIII. Туча	200.
XIV. Левъ и Волкъ	201.
XV. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ	202.
XVI. Волкъ и Паспухи *	204.
XVII. Слонь въ случаѣ	205.
XVIII. Клевешникъ и Змѣя	206.
XIX. Лягушка и Юпиперъ	208.
XX. Лиса - спироишель	209.
XXI. Фортуна въ гостяхъ	211.

КНИГА ШЕСТАЯ.

	Стран.
I. Сочинитель и Разбойникъ	217.
II. Кукушка и Горлинка	220.
III. Скупой и Курица *	222.
IV. Двѣ Бочки	223.
V. Алкидъ *	224.
VI. Апелмесь и Осленокъ	225.
VII. Водопадъ и Ручей	226.
VIII. Охотникъ	227.
IX. Пловецъ и Море *	229.
X. Крестьянинъ и Змѣя	230.
XI. Левъ и Лисица *	231.
XII. Муравей	232.
XIII. Овцы и Собаки	234.
XIV. Гребень	235.
XV. Медвѣдъ въ сѣняхъ	237.
XVI. Колось	238.
XVII. Мальчикъ и Червякъ	240.
XVIII. Пастухъ и Море *	242.
XIX. Похороны	245.
XX. Мальчикъ и Змѣя *	246.
XXI. Пчела и Мухи	247.
XXII. Трудолюбивый Медвѣдъ	248.
XXIII. Мопъ и Ласточка *	249.
XXIV. Ягненокъ	251.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I. Василекъ	255.
II. Булыжникъ и Алмазь	257.
III. Плошичка	258.
IV. Паукъ и Пчела	261.
V. Крестьянинъ и Змѣя	263.
VI. Кошель и Горшокъ *	264.

	Стран.
VII. Левъ состарѣвшійся *	265.
VIII. Лисица и Оселъ *	266.
IX. Свинья подъ дубомъ	268.
X. Муха и Пчела	269.
XI. Мѣльникъ	271.
XII. Змѣя и Овца	273.
XIII. Дикія Козы *	274.
XIV. Голикъ	276.
XV. Богачъ и Поэтъ	277.
XVI. Соловьи	278.
XVII. Крестьянинъ и Овца	280.
XVIII. Скупой	281.
XIX. Волкъ и Мышенюкъ	283.
XX. Два мужика	284.
XXI. Рыбѣи пляски	286.
XXII. Кошенюкъ и Скворецъ	288.
XXIII. Двѣ Собаки	289.
XXIV. Кошка и Соловей	291.
XXV. Прихожанинъ	293.
XXVI. Ворона	295.

АЛФАВИТЪ БАСНЯМЪ.

А.

Алкидъ	Книга VI.	Баснь 5.
Алмазъ (Булыжникъ и)	VII.	— 2.
Алмазъ (Пожаръ и)	IV.	— 19.
Апеллесь и Осленокъ	VI.	— 6.

Б.

Барсъ (Левъ и)	— II.	— 9.
Безбожники	— II.	— 6.
Богачъ и Поэпъ	— VII.	— 15.
Бочка	— II.	— 12.
Бочки (двѣ)	— VI.	— 4.
Булыжникъ и Алмазъ	— VII.	— 2.
Бумажный змѣй	— IV.	— 5.

В.

Василекъ	— VII.	— 1.
Вельможа и Философъ	— II.	— 10.
Виноградъ (Лисица и)	— III.	— 6.
Водолазы	— IV.	— 22.
Водопадъ и Ручей	— VI.	— 7.
Волкъ и Волченочъ	— III.	— 12.
Волкъ и Журавль	— IV.	— 18.
Волкъ и Кукушка	— II.	— 21.
Волкъ (Левъ и)	— V.	— 14.
Волкъ и Лисица	— IV.	— 4.
Волкъ и Мышеночъ	— VII.	— 19.

Волкъ на псарѣ	Книга II.	Баснь 14.
Волкъ и Паспухи	— V.	— 16.
Волкъ и Ягненокъ	— I.	— 12.
Волченокъ (Волкъ и)	— III.	— 12.
Волъ (Лягушка и)	— I.	— 6.
Ворона	— VII.	— 26.
Ворона и Курица	— I.	— 7.
Ворона и Лисица	— I.	— 2.
Вороненокъ	— III.	— 3.
Воспитаніе Льва	— III.	— 19.
Всадникъ (Конь и)	— I.	— 1.

Г.

Голикъ	— VII.	— 14.
Голубъ (Чижь и)	— V.	— 2.
Голубя (два)	— I.	— 5.
Горлинка (Кукушка и)	— VI.	— 2.
Горшокъ (Копель и)	— VII.	— 6.
Госпожа и двѣ служанки	— V.	— 5.
Гребень	— V.	— 5.
Гуси	— III.	— 21.

Д.

Два Голубя	— I.	— 5.
Два мужика	— VII.	— 20.
Двѣ бочки	— VI.	— 4.
Двѣ собаки	— VII.	— 23.
Демьянова уха	— II.	— 24.
Дервишь (Лань и)	— IV.	— 2.
Дерево	— IV.	— 6.
Дикія козы	— VII.	— 13.
Добрая лисица	— IV.	— 21.

Дорожные (Муха и)	Книга I.	Васнь	20.
Дружба (Собачья)	— II.	—	25.
Дубъ и Трость	— I.	—	3.

Е.

Ежь (Чижь и)	— II.	—	I.
------------------------	-------	---	----

Ж.

Жемчужное зерно (Пѣшухъ и)	— I.	—	10.
Журавль (Волкъ и)	— IV.	—	18.

З.

Заяць на ловлѣ	— II.	—	18.
Звѣрей (морь)	— I.	—	9.
Зеркало и Обезьяна	— V.	—	8.
Змѣй (бумажный)	— IV.	—	5.
Змѣя (Крестьянинъ и)	— IV.	—	16.
— — — — —	— VI.	—	10.
— — — — —	— VII.	—	5.
Змѣя (Мальчикъ и)	— VI.	—	20.
Змѣя и Овца	— VII.	—	12.

К.

Камень и Червякъ	— V.	—	6.
Кафшанъ (Тришкинъ)	— IV.	—	11.
Кваршешъ	— I.	—	24.
Клевешникъ и Змѣя	— V.	—	18.
Козы (дикія)	— VII.	—	13.
Колосъ	— VI.	—	16.
Комаръ (Левъ и)	— I.	—	14.
Комаръ и Паспухъ	— V.	—	9.

Конь и Всадникъ	Книга	I.	Васнь	1.
Жорни (Листы и)	—	III.	—	20.
Жопель и Горшекъ	—	VI.	—	6.
Кошенокъ и Скворецъ	—	VII.	—	22.
Копъ и Поваръ	—	III.	—	16.
Копъ (Щука и)	—	II.	—	20.
Кошка(Собака,Человѣкъ)иСоколъ—	—	V.	—	15.
Кошка и Соловей	—	VII.	—	24.
Крестьяне и Рѣка	—	IV.	—	20.
Крестьяне въ бѣдѣ	—	III.	—	9.
Крестьянинъ и Змѣя	—	IV.	—	16.
— — — — — — — —	—	VI.	—	10.
— — — — — — — —	—	VII.	—	5.
Крестьянинъ и Лисица	—	III.	—	18.
Крестьянинъ и Овца	—	VI.	—	17.
Крестьянинъ и Работникъ	—	II.	—	22.
Крестьянинъ и Разбойникъ	—	IV.	—	12.
Крестьянинъ и Смерть	—	III.	—	11.
Крестьянинъ и Топоръ	—	V.	—	12.
Крошъ (Орелъ и)	—	IV.	—	4.
Крыса (Мышь и)	—	V.	—	4.
Жукушка (Волкъ и)	—	II.	—	21.
Жукушка и Герлинка	—	VI.	—	2.
Курица (Ворона и)	—	I.	—	7.
Курица (Скупой и)	—	VI.	—	3.
Куры (Орелъ и)	—	I.	—	19.

Л.

Лань и Дровишъ	—	IV.	—	2.
Ларчикъ	—	I.	—	8.
Ласночка (Машъ и)	—	VI.	—	23.
Левъ и Барсъ	—	II.	—	9.
Левъ и Волкъ	—	V.	—	14.

Левъ и Комаръ	Книга I. Баснь	14.
Левъ и Лисица	— VI. —	11.
Левъ на ловлѣ	— II. —	1.
Левъ состарѣвшійся	— VII. —	7.
Лебедь, Щука и Ракъ	— IV. —	7.
Лжець	— II. —	15.
Лиса - спроишель	— V. —	20.
Лисица и Виноградъ	— III. —	6.
Лисица (Волкъ и)	— IV. —	4.
Лисица (Ворона и)	— I. —	2.
Лисица (добрая)	— IV. —	21.
Лисица (Крестьянинъ и)	— III. —	18.
Лисица (Левъ и)	— VI. —	11.
Лисица и Осель	— VII. —	8.
Лисица и Сурокъ	— II. —	17.
Листы и Корни	— III. —	20.
Льва (воспитаніе)	— III. —	19.
Любопытный	— IV. —	14.
Лягушка и Волъ	— I. —	6.
Лягушка и Юниперъ	— V. —	19.
Лягушки, просящія царя	— I. —	17.

М.

Мальчикъ и Змѣя	— VI. —	20.
Мальчикъ и Червякъ	— VI. —	17.
Маршышка и Очки	— II. —	7.
Медвѣдь въ сѣсяхъ	— VI. —	15.
Медвѣдь (Пустынникъ и)	— I. —	22.
Медвѣдь (шрудолюбивый)	— VI. —	22.
Медвѣдь у пчель	— V. —	7.
Мѣльникъ	— VII. —	11.
Механикъ	— IV. —	9.
Мірская сходка	— IV. —	15.

Море (Пастухъ и)	Книга VI. Баснь	18.
Море (Пловецъ и)	— VI. —	9.
Моръ звѣрей	— I. —	9.
Мосъка (Слонъ и)	— III. —	11.
Мотъ и Ласточка	— VI. —	23.
Мужика (два)	— VII. —	20.
Мужикъ (Оселъ и)	— IV. —	1.
Музыканшы	— I. —	4.
Муравей	— VI. —	12.
Муравей (Спрѣкоза и)	— I. —	23.
Муха и дорожные	— I. —	20.
Муха и Пчела	— VII. —	10.
Мухи (Пчела и)	— VI. —	21.
Мышей (совѣштъ)	— III. —	14.
Мышенокъ (Волкъ и)	— VII. —	19.
Мыши (Хозяинъ и)	— III. —	10.
Мышь и Крыса	— V. —	4.
Мѣшокъ	— III. —	15.

Н.

Напраслина	— V. —	1.
Невѣста (разборчивая)	— I. —	11.
Нищій (Форшуна и)	— III. —	1.

О.

Обезьяна	— III. —	13.
Обезьяна (Зеркало и)	— V. —	8.
Обезьяны	— I. —	21.
Обозъ	— II. —	23.
Овца (Змѣя и)	— VII. —	12.
Овца (Крестьянинъ и)	— VII. —	17.
Овцы и Собаки	— VI. —	13.
Огонь (Роща и)	— I. —	16.

Огородникъ и Философъ . . .	Книга III.	Баснь	17.
Оракулъ	I.	—	15.
Орелъ и Крошъ	IV.	—	3.
Орелъ и Куры	I.	—	19.
Орелъ и Паукъ	III.	—	23.
Орелъ и Пчела	II.	—	19.
Оселъ	II.	—	4.
Оселъ (Лисица и)	VII.	—	8.
Оселъ и Мужикъ	IV.	—	1.
Оселъ и Соловей	III.	—	7.
Осленокъ (Апеллесъ и)	VI.	—	6.
Ошкупщикъ и Сапожникъ	III.	—	2.
Охотникъ	VI.	—	8.
Очки (Марпышка и)	II.	—	7.

II.

Парнасъ	I.	—	13.
Пастухи (Волкъ и)	V.	—	16.
Паспукъ (Комаръ и)	V.	—	9.
Пастухъ и Море	VI.	—	18.
Паукъ (Орелъ и)	III.	—	23.
Паукъ (Подагра и)	III.	—	5.
Паукъ и Пчела	VII.	—	4.
Пловецъ и Море	VI.	—	9.
Площичка	VII.	—	3.
Пляски (рыбьи)	VII.	—	21.
Поваръ (Копъ и)	III.	—	16.
Подагра и Паукъ	III.	—	5.
Позъ (Богачъ и)	VII.	—	15.
Пожаръ и Алмазъ	IV.	—	19.
Похороны	VI.	—	19.
Прихожанинъ	VII.	—	25.
Прохожіе и Собаки	II.	—	13.

Прудъ и Рѣка	Книга IV.	Васнъ 10.
Пустынный и Медвѣдь . .	— I.	— 22.
Пчела (Муха и)	— VII.	— 10.
Пчела и Мухи	— VI.	— 21.
Пчела (Орелъ и)	— II.	— 19.
Пчела (Паукъ и)	— VII.	— 4.
Пѣшухъ и жемчужное зерно	— I.	— 10.

Р.

Работникъ (Крестьянинъ и)	— II.	— 22.
Разбойникъ (Крестьянинъ и)	— IV.	— 12.
Разбойникъ (Сочинитель и) .	— VI.	— 1.
Разборчивая невѣста . .	— I.	— 11.
Раздѣлъ	— II.	— 11.
Ракъ (Лебедь, Щука и) . .	— IV.	— 7.
Роща и Огонь	— I.	— 16.
Ручей	— II.	— 16.
Ручей (Водопадъ и) . . .	— VI.	— 7.
Рыбьи пляски	— VII.	— 21.
Рыцарь	— V.	— 10.
Рѣка (Крестьяне и) . . .	— IV.	— 20.
Рѣка (Прудъ и)	— IV.	— 10.

С.

Сапожникъ (Опкупщикъ и) .	— III.	— 2.
Свинья	— III.	— 22.
Свинья подъ дубомъ . . .	— VII.	— 9.
Синица	— II.	— 3.
Скворецъ	— IV.	— 17.
Скворецъ (Кошенокъ и) . .	— VII.	— 22.
Скупой	— VII.	— 18.
Скупой и Курица	— VI.	— 3.
Слонъ въ случаѣ	— V.	— 17.
Слонъ и Моска	— III.	— 11.

Слонъ на воеводспвѣ . .	Книга III.	Баснь 8.
Служанки (Госпожа и двѣ) .	— V.	— 5.
Смерть (Крестьянинъ и) .	— III.	— 4.
Собака	— IV.	— 8.
Собака, Человѣкъ, Кошка и		
Соколъ	— V.	— 15.
Собаки (двѣ)	— VII.	— 23.
Собаки (Овцы и)	— VI.	— 13.
Собаки (Прохожіе и) . . .	— II.	— 13.
Собачья дружба	— II.	— 25.
Совѣтъ Мышей	— III.	— 14.
Соловей (Кошка и)	— VII.	— 24.
Соловей (Осель и)	— III.	— 7.
Соловьи	— VII.	— 16.
Сочинишель и Разбойникъ .	— VI.	— 1.
Спарикъ и шрое молодыхъ .	— I.	— 18.
Спѣхкоза и Муравей . . .	— I.	— 23.
Сурокъ (Лисица и)	— II.	— 17.
Сходка (мірская)	— IV.	— 15.

Т.

Тепоръ (Крестьянинъ и) . .	— V.	— 12.
Тришкинъ кафтанъ	— IV.	— 14.
Троеженецъ	— II.	— 8.
Тросъ (Дубъ и)	— I.	— 3.
Трудолюбивый Медвѣдь . .	— VI.	— 22.
Туча	— V.	— 13.
Тѣнь и Человѣкъ	— V.	— 11.

У.

Уха (Демьянова)	— II.	— 24.
---------------------------	-------	-------

Ф.

Философъ (Вельможа и) . . .	Книга II.	Баснь 10.
Философъ (Огородникъ и) . . .	III.	— 17.
Фортуна въ госпяхъ . . .	V.	— 21.
Фортуна и Нищій	III.	— 1.

Х.

Хмѣль	V.	— 3.
Хозяинъ и Мыши	III.	— 10.

Ц.

Цвѣшны	IV.	— 13.
------------------	-----	-------

Ч.

Червякъ (Мальчикъ и) . . .	VI.	— 17.
Человѣкъ (Собака) Кошка и Соколъ. —	V.	— 15.
Человѣкъ (Тѣнь и)	V.	— 11.
Червонецъ	II.	— 5.
Чижь и Голубь	V.	— 2.

Щ.

Щука и Кошъ	II.	— 20.
Щука (Лебедь) и Ракъ . . .	IV.	— 7.

Ю.

Юпишеръ (Лягушка и) . . .	V.	— 19.
---------------------------	----	-------

Я.

Ягненокъ	VI.	— 24.
Ягненокъ (Волкъ и)	I.	— 12.

